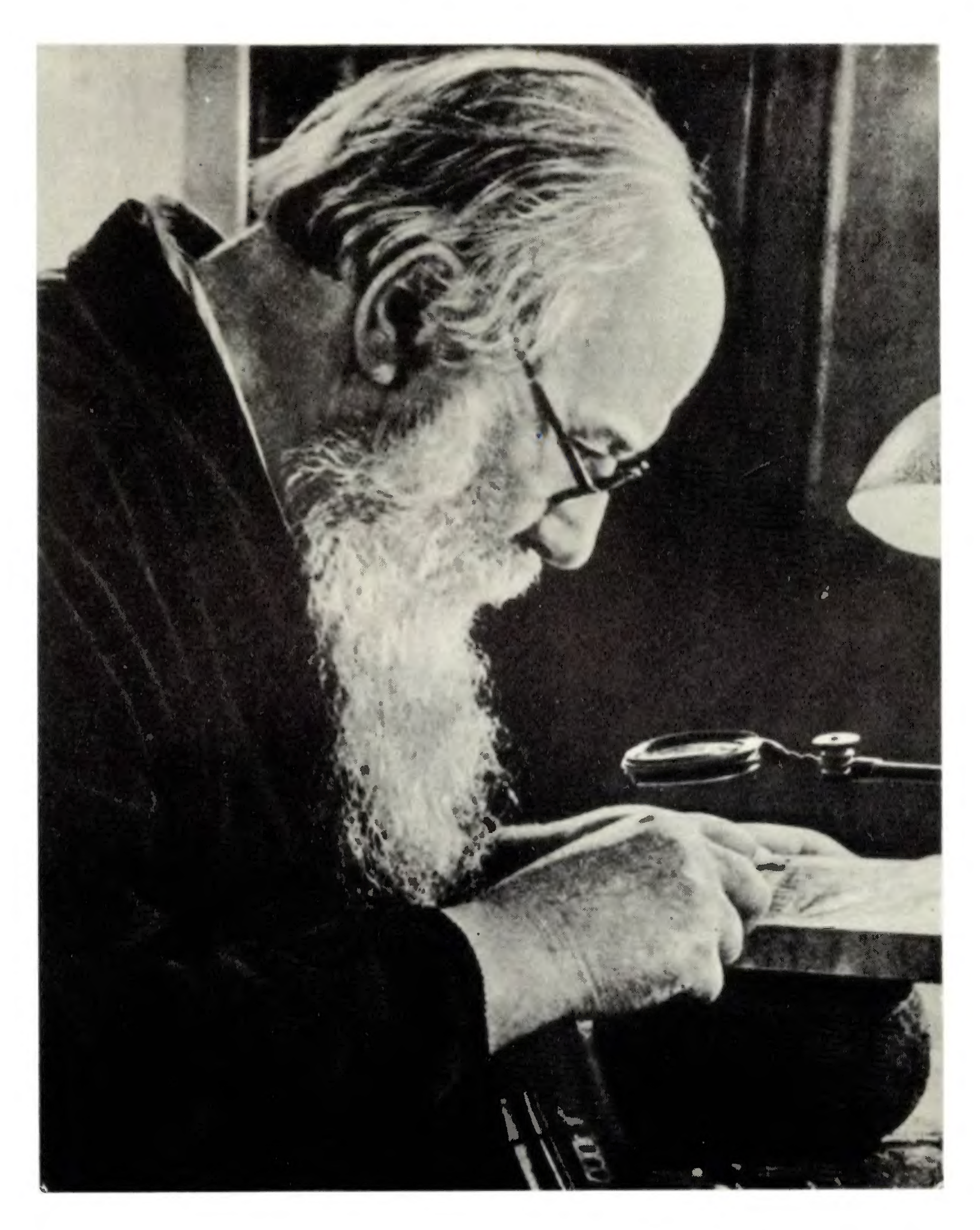

3 • 1986

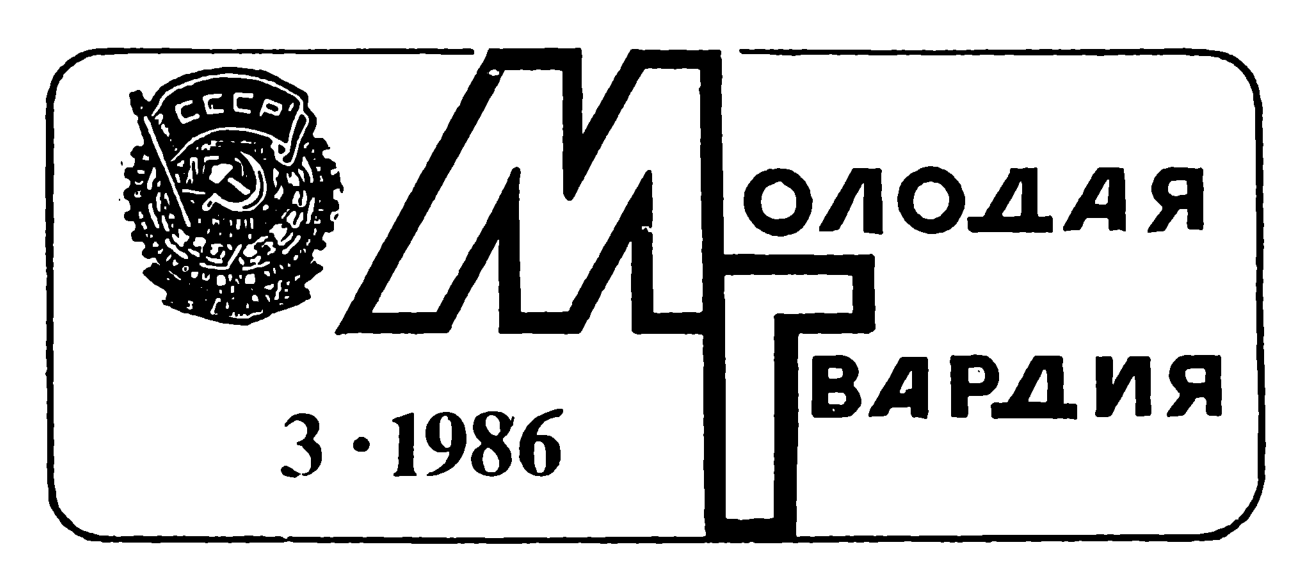

Владимир Андреевич ФАВОРСКИЙ

К 100-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

*Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал ЦК ВЛКСМ*

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Сотрудницы Всесоюзного института научной и технической информации.
Четвертая страница обложки журнала: Радует зрителей Красноярский ансамбль танца Сибири.

«Молодая гвардия», 1986, № 3, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года. Подписку можно оформить у общественных распространителей печати по месту работы, учебы и жительства, в агентствах Союзпечати, на почтамтах и в отделениях связи.

ПОЭЗИЯ

Михаил ЛЬВОВ

ПИСЬМО В МОЛОДОСТЬ

СОВРЕМЕННИКАМ

Я вас любил,
я вас хвалил
и славил,
В своей душе —
в герои произвел.
Стихами
скромно — памятники
ставил.
Привязанность —
с годами —
не ослабил, —
Нечестно было б,
если б вас
оставил
Случайностям молвы
на произвол.
А как писал —
простите...
не взыщите...
Другой напишет лучше,
но — ПОТОМ...
Хоть вы и не нуждаетесь
в защите —

Защитника —
                        вернее —
                                          не ищите...
Прикрою вас
                        поэзии щитом.
Свидетельствую:
                                  это вы
                                          подняли
Из — нищеты,
                            из ничего — Страну!
Нас
    потому
                      фашисты не подмяли,
Что вы
          прошли
                        героями Войну —
На Западе,
                      на Юге,
                                  на Востоке,
На Севере,
                      где были вы,
                                          где есть.
И все мои —
                            действительны! —
                                                    восторги,
Все лозунги
                        и песни —
                                          в вашу Честь!
Мы
  Прошлому
                      прощально
                                    не помашем —
Оно —
          при нас!
                            Кострам не отгореть!
Пишу —
          живу высоким светом вашим
Я до сих пор
                        и —
                                  также буду впредь!
И повторяю —
                            каждому
                                          я —
                                                    лично,

Что
говорил
на линии огня.
Успею — всем —
сказать —
скажу: «отлично!»,
А — если что...
а — не успею
лично —
Стихи
мои
доскажут
за меня.

* * *

Юлии Друниной

Я себя раздарил
разливам
Величайших полей
и рек.
Я себя раздарил
разрывам,
Очень вспыльчивый
человек.
Я себя раздарил
поклоненью
Чуду Жизни
и радугам снов.
Я себя посвятил
накопленью
Бескорыстных восторгов
и слов.
Я себя почти
«разбазаривал» —
«Торговаться»
не обучал,
И — чем больше себя
раздаривал —

Тем
я больше
и в дар получал.

КЛЯТВА

О никогда,
о никогда
Я не предам
свои истоки,
Свои начальные года,
И восклицанья,
и восторги,
Свой удивительный Урал,
Которому
я тем обязан,
«Одной веревкой»
с ним —
«обвязан»
И дух его
в себя вобрал.
...Не скоро стану я
землей —
Продлят мне жизнь,
земные сроки
Мои стихи,
восторгов
строки —
Не прерывайтесь только
токи
Между Челябинском
и мной.
Какая б ни пришла
беда,
Как ни были б
враги жестоки,
О никогда,
о никогда
Я не предам
свои истоки,
Свои прекрасные года,
И восклицанья,
и восторги!

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

— Я вас люблю,
подольские курсанты! —
Вдруг вырвалось
у Пахмутовой Али.
Погибли
завтрашние лейтенанты —
Москву
СВОЕЮ СМЕРТЬЮ
отстояли!
Так жизнь прожить,
чтоб в Мире и в России —
Далеким самым —
стать родным и близким —
— Мы любим вас! —
шептали чтоб
живые,
С цветами
наклоняясь
к обелискам.

ЕВМЕНУ ДОЛОМАНУ

Минометчику, комсоргу батальона, ныне известному украинскому поэту и прозаику — после прочтения его романа «На безымянной высоте»

Пришли
из хат
и общежитий...
Сидели
здорово в седле!
Мы все —
участники событий
Главнейших самых
на земле!
Не примем
«жизни пенсионной»
На личном
дачном
«пятачке»...

У нас не будет
жизни сонной
На отгороженном
клочке —
Есть
чем
и дни,
и души
полнить! —
И — дело есть нам —
до Всего!
Есть
что
сказать!
И есть
что
вспомнить!
И воспевать
нам есть кого!
За каждым —
дали и дороги
На весь размах
материка!
Нам хватит —
было бы здоровье! —
Увиденного
на века,
Всего
нам хватит —
не для позы,
Для непрерывного
письма —
И — на тома
отважной прозы,
И — на поэзии
тома!

ПИСЬМА ВЕТЕРАНАМ

Живу всю жизнь
не равнодушно...
Уже закат
мне светит... «в темя»...

Мне
перезваниваться нужно
С однополчанами
все время —
С тобой,
наш Фомичев, отважный
Комбриг!
Ты нынче — не в шинели...
На фронте видел —
не однажды,
Как в бой —
в смертельные метели
Твои челябинцы летели!
...С тобой созваниваться,
Лившиц, —
Не телек красит
вечера
нам, —
Солдатским братством
окрылившись,
Ты пишешь письма
ветеранам
Четвертой Танковой
Гвардейской —
И рядовым,
и командарму...
Пиши,
и веруй,
и надейся:
Не пропадут посланья
даром —
Друзья откликнутся —
ответно,
Нам снова
в молодость захочется! —
И сердце вновь
стучит победно
И не боится
одиночества...
...Давным-давно
была Победа,
Но — рядом чувствуешь —
поныне —
Однополчанина-соседа,

С кем был
и в Праге и в Берлине!
Нам — ежедневная
награда —
Любовь
и верность ветеранов!
И нам
встречаться
чаще
надо,
Счастливых слез
не вытирая.

НАВЕКИ РАНЕННОЙ ВОЙНОЙ
СВЕТЛАНЕ АЛЕКСИЕВИЧ

Живут —
без позы и без грима.
Им украшеньем —
ордена.
А на плечах
лежит
незримо
Отечественная
Война.
...Ответы —
сердца —
моментальны
На все,
что связано с Войной.
«Фронтовики
сентиментальны», —
Про них подумает
иной...
Вы жили яростно
и крупно.
В смертельной схватке
Мировой
Отдельно — все! —
и совокупно —
Вы были ранены
Войной.

И — нет
от этого —
леченья.
Хоть вы обласканы
Страной...
Но все вы —
все! —
без исключенья —
Навеки ранены
Войной.
Звенит оркестром
многострунным
Зал,
полный звучной тишиной,
Когда приходит
в гости
к юным
Навеки Раненный
Войной.

ОНИ ПРИХОДЯТ ИЗ МОЛЧАНЬЯ

Они приходят из молчанья,
Погибшие однополчане...
Они приходят к нам ночами
С живыми, зрячими очами...

...Года сменяются годами, —
Они — и после смерти с нами,
И в мыслях делимся мы с ними
Делами гневными своими...

Мы вместе с ними шли к Победе,
И в дни торжественные эти
Опять, опять
родное Знамя
Они целуют вместе с нами.

...Погибли в битвах миллионы,
Но нет героев безымянных.

Их воскрешаем поименно
В родной стране и в братских странах.
Они живут в родной Природе,
И в снах беседуют с родными.
Они останутся в Народе,
На веки вечные — Живыми!

* * *

Все, что я видел,
знаю, помню.
Года борений
и труда,
Все, чем сегодня
душу полню, —
Все унесу с собой —
туда?
А в каждом —
мир живой
огромный!
И — это все
постигнет
крах?
Все рухнет враз?
— Не экономно...
Нельзя, чтоб все
ушло
как прах.
Бессмертье
пусть недостижимо...
Остаться что-то
все ж
должно
От нас —
ну, слово хоть одно! —
И «вдеться»
в жизнь
нерасторжимо —
И в цепь бессмертья,
как звено.

* * *

Я соберу последние остатки
И гордости и ярости былой.
Перечеркну бессчетные порядки,
Обиды — все — с души
                    и — с плеч — долой!
Не остановлено —
               сердцебиенье!
Ты не погас,
            твой пламень — не потух.
Какое счастье —
               вновь —
                    и — упоенье
Свободный
          человеческий наш дух!

ПРО НАС

1

Мы правду такую несем:
Участие всех
            и — во всем —
И в горе
         и в счастье,
                  в творении власти —
И низшей
         и высшей —
Никто
      хоть —
            другого —
                    не выше —
Открыта для всех
               высота!
Вот главная наша
               черта!
И — каждому
            все поручается —
А что
      у кого
           получается —

Кто
где
упадет
иль взлетит,
Кто —
смеркнется —
вдруг —
от обид,
Кто «сверзится» —
с громом —
с орбит,
Считай:
все —
как в спорте —
по чести,
По делу,
уму —
не по лести —
На том
иль на этом
месте.
Тебе же
дано
вызревать,
Тебе и дано
вызывать
Сочувствие иль —
ревнование
(От слова —
читай —
«ревновать») —
Прекрасное
Соревнование!
Другому
у нас —
не бывать!

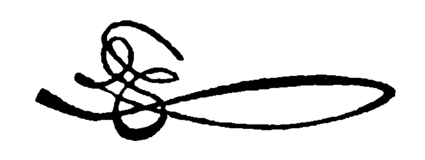
2

Мы —
больше,
чем думаем мы о себе,
И —
чем говорим!

Само
наше Имя —
как знамя —
в Борьбе,
Как Пламя —
другим!

* * *

Пока продолжается
жизнь-одержимость,
Пока мне под силу
моя безрежимность,
Пока мне дается —
в любви —
возвратимость,
И — главное в ней —
золотая взаимность,
Пока еще сердце
не тронула зимность,
Покамест под силу
мне жизнь-безрежимность,
И — та
увлекаемость
и «закружимость» —
Я буду хвалить
эту жизнь-одержимость!

Дмитрий
ЕВДОКИМОВ

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

Роман, почти документальный

Рис. А. Волошина

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Чернов дожидался их у сортировального пункта — угадал, по какой дороге приедут.

— Вы, Федор Николаевич, совсем не отлучаетесь отсюда? — пошутил Фролов.

— Бывает, что и отлучаюсь, когда приезда начальства не предвидится, — отшутился, в свою очередь, Чернов. И шагнул к Морозу: — Здравствуйте, Александр Васильевич!

— Здравствуйте, Федор Николаевич! Здравствуйте, дорогой! — с удовольствием потряс его руку Мороз. — Ну, показывайте, что тут хорошего у вас.

Окончание. Начало в № 2.

Осмотрев все, обратился к Фролову:
— И в других хозяйствах дело поставлено так же?
— Не у всех и не совсем так, — ответил Фролов с очевидным сожалением.
— Почему?
— Ну, во-первых, потому, что такого мощного сортировщика, как здесь, нет ни у кого.
— А во-вторых?
— Вторая причина в том, что не все руководители хозяйств сумели перестроиться психологически. Это, пожалуй, посложнее, чем такие вот навесы соорудить.
— Правильно, Иван Платонович, — согласился Мороз. — Но хочу и вас упрекнуть: почему не поделились идеей Чернова с обкомом партии?
— Не успел. Уборка картофеля уже начиналась. Нет ничего хуже — менять что-либо во время наступления.
— Не забываете военный опыт! — одобрительно усмехнулся Мороз.
— Не забываю, — подтвердил Фролов и, подумав, добавил: — Из мирного опыта тоже кое-что усвоил на всю жизнь. Например, то, что всякую новую идею надо обязательно сначала в деле испытать, а потом уж распространять. Помните, как мы со свеклой оконфузились?
Мороз сверкнул глазами:
— Говорите точнее. Не «мы», а я виноват был во всем!
— Не хотел, чтобы вы так поняли меня, — смутился Фролов. — Все мы поддались тогда первому впечатлению. Я и сейчас помню то поле...

...Поле было площадью в пять гектаров. Кусты свекольной ботвы стояли на нем ровными рядами, как солдаты на смотру, а звеньевой свекловодов походил на многоопытного командира. С подчеркнутым достоинством он говорил секретарям горкомов и райкомов, председателям райсоветов и директорам совхозов:
— Все это поле, товарищи, обработано звеном в составе трех человек, без привлечения дополнительной рабочей силы.
Кто-то спросил:
— И с прополкой втроем справились?
Звеньевой приосанился еще больше.
— Вопрос в самую точку. Объясняю. Вы, наверное, зна-

ете, что каждое семечко свеклы даст три-четыре ростка. Когда ростки достаточно окрепнут, их прореживают: удаляют лишние, оставляя из трех-четырех только один — самый крепкий, жизнеспособный. Для того чтобы провести эту работу на такой вот площади, требуются обычно сто-двести человек. Мы обошлись без них. Как?..

Он сделал эффектную паузу, не спеша поднял с межи металлический литой бачок и показал всем:

— Вот мое изобретение. Многократно увеличенная копия знакомой вам кофемолки. Внутри здесь — крутящиеся ножи. Я засыпаю сюда семена свеклы, включаю электромотор, и через несколько минут каждое зернышко разделяется на три-четыре части. Эффект двойной: экономия семян в три-четыре раза и надобность в прореживании всходов отпадает.

— А как сорняки удаляете? — опять спросил кто-то.

— Так же, как на картофельных плантациях, — последовал ответ. — Бороноватeлем. Заодно и рыхлим землю. А полив мы проводили с помощью колесного трактора, поочередно перетаскивая шланги из одного междурядья в другое. Механизированно велась и подкормка. Урожай ожидаем не менее 600 центнеров. Уборку будем проводить комбайнами...

Поблагодарив звеньевого за впечатляющую лекцию, Мороз поинтересовался:

— Какое у вас образование?

— У меня два высших образования, — ответил тот. — Сперва я окончил сельскохозяйственный институт, по специальности — агроном. Потом заочно юридический. Поработал в совхозе и управляющим отделения, и в конторе. Надоела до чертиков управленческая суета. Пошел к директору совхоза. «Дай, — говорю, — мне поле в пять га и двух технически грамотных подручных. Хочу провести эксперимент». И вот он, этот эксперимент, перед вами...

Мороз предоставил слово начальнику областного сельхозуправления — довольно мрачному человеку в соломенной шляпе. Прокашлявшись, тот произнес лишь три-четыре угрюмые фразы:

— Все видели, каких замечательных результатов можно добиться, если работать с душой? Мы уже заказали одному заводу такие вот мельницы. Для всех хозяйств семена свеклы будем готовить централизованно. Вопросы есть?

Вроде все было ясно. Однако на практике результаты оказались плачевными. Весна выдалась холодная и сухая. Порезанные семена свеклы всходов не дали. Пришлось выпрашивать полноценный семенной материал в соседних областях и срочно пересевать все свекловичные поля.

...— Да, природу не обманешь! — заключил Мороз при напоминании об этом происшествии. Сколько мы уже набили себе шишек в одном только сельском хозяйстве!

— Это точно! — подхватил его мысль Чернов. — Кидает наш сельскохозяйственный корабль из стороны в сторону. А все отчего?

— Отчего же? — насторожился Мороз.

— Оттого, что в сельском хозяйстве каждый считает себя знатоком. Сталевара, к примеру, никто, кроме специалиста, не посмеет учить, какой режим поддерживать в печи. А на селе командуют все, кому не лень: «Это сей, это не сей. Тут орошай, там осушай». «Уполномоченных», слава богу, отменили, а бумажные указания все равно идут. Да разве ж мне здесь, на земле, хуже видно, чем где-то там, в городском кабинете, что, когда и как сеять?

— Товарищи! — взмолился Мороз шутливо. — Чувствую, что вы намерены раскритиковать меня в пух и прах еще до начала отчетно-выборного собрания.

— Я совсем не вас имел в виду, — несколько стушевался Чернов.

— Ну а если не меня или не только меня, то пойдемте-ка на собрание — время...

В отчетном докладе парткома, а затем и в прениях не без гордости отмечались трудовые успехи коммунистов и всего рабочего коллектива. Гордиться было чем. Совхоз «Рассвет» уверенно наращивал объем производства и по молоку, и по зерну, и по картофелю. Урожайность полей и продуктивность животноводства здесь была значительно выше, чем в среднем по району и области.

Но самоуспокоенности не чувствовалось — критики на собрании тоже хватало.

Критиковали управление Сельхозтехники за некачественный ремонт тракторов и других сельскохозяйствен-

ных машин. Критиковали руководство РАПО, которое вроде бы смирилось с этим.

Досталось и парткому, и профкому, и самому директору совхоза. Особенно за неудовлетворительное качество строительных работ.

Федору Николаевичу Чернову коммунисты сказали без обиняков: надо кончать с шабашниками. Строят они быстро, но плохо. В коровнике, построенном в прошлом году, никудышная гидроизоляция, постоянно сыро и холодно, коровы болеют. В новом, только что заселенном четырехэтажном жилом доме уже крыша течет.

— Пора нам, Федор Николаевич, создать свою комплексную строительную бригаду, — говорил, выступая в прениях, механизатор Роберт Дмитриевич Шахнов. — Работ для нее с избытком. Вот надумали мы новую деревню построить на кооперативных началах. Пятнадцать семей, в том числе и моя, деньги внесли. Думаю, что и еще желающие найдутся. Соблазнительно иметь свой домик со всеми удобствами и тут же приусадебный участок. Это не то что пятиэтажки, в которых теперь живем и бегаем кормить скотину за километр! Вы вот всем нам предлагаете брать бычков на откорм. Дело-то, конечно, выгодное: возьмешь бычка зимой, а осенью сдаешь его совхозу весом в четыреста килограммов и восемьсот рублей получаешь. Но попробуй-ка ведро с пойлом с пятого этажа за километр тащить, да еще бегом, чтоб не остыло!

В зале засмеялись.

— Ничего нет смешного, — обиделся Шахнов. — Поэтому ведь и мало среди нас охотников совхозных бычков откармливать. А разве бы я, к примеру, не взялся за это в той новой деревне, которую мы задумали построить? Да только когда она будет, деревня-то эта? Шабашники пятнадцать фундаментов заложили и смотались. Кто-то их, видать, еще более длинным рублем поманил...

Попросил слова Мороз. Ему зааплодировали, но он, еще не дойдя до трибуны, сказал строго:

— Хлопать мне не надо. Я не народный артист.

А с трибуны улыбнулся и продолжал:

— Думаете, хвалить вас буду? Хотя, конечно, есть за что. Но не для того мы собрались здесь, чтоб друг друга по головке гладить. Давайте-ка лучше коллективно подумаем, как нам дальше двигаться вперед. Уборку картофеля вы хорошо организовали. Да ведь уборка уро-

жая — завершающий этап. А что и как делалось на предшествовавших этапах? Что и как должно делаться в дальнейшем, чтобы поднять урожайность картофеля? У вас навоз и торф возят на картофельное поле одни, посадку картофеля проводят другие, убирают урожай третьи. Заинтересован ли в конечном результате своего труда тот механизатор, который зимой работает в так называемом отряде плодородия? По-моему, не очень. Ему платят сдельно за выполненную работу, а качество этой работы всецело зависит от его добросовестности. Правильно?

— Правильно! — поддержали из зала.

— А вот в некоторых передовых хозяйствах поступают иначе. Там уже несколько лет картофелем занимаются специализированные звенья механизаторов. Скажем, для поля в двести гектаров создается звено из трех-пяти человек. Работой, притом напряженной работой, они загружены круглый год. Всю зиму это звено готовит компост. Затем вывозит его в поле и равномерным слоем раскладывает. Посадку картофеля ведут обычно две недели. По окончании посадки на том краю поля, где ее начинали, пора уже приступать к окучиванию. На протяжении лета окучивание проводится три раза. Нередко требуется еще и полив. И наконец, настает время уборки. Все идет, как говорится, своим чередом, с прекрасным конечным результатом: урожайность картофеля превышает 250 центнеров с гектара.

— А не противоречит ли такая практика созданию комплексных полеводческих бригад? — спросили из зала.

Чернов тоже заерзал на месте: видно, такой же вопрос возник и у него.

Мороз был готов к ответу.

— Я знаю, что у вас уже два года существует такая бригада, которую возглавляет товарищ Шахнов. В бригаде, если мне память не изменяет, семнадцать человек, и они управляются с площадью в тысячу гектаров.

— Тысяча сто восемьдесят! — поправил Чернов.

— Вот видите, даже больше. Бригада эта и зерно выращивает, и многолетние травы, и свеклу, и картофель. Площади под посевами меняются в строгом соответствии с агрономической наукой. Культура земледелия повысилась, урожайность растет. Чего еще, кажется, желать? Но, Роберт Дмитриевич, скажите, положа руку на сердце: много хлопот картофель доставляет?

— Хватает! — пробасил Шахнов. — Иногда в ущерб другим культурам.

— Вот видите, сама жизнь, стало быть, подсказывает: нужны специализированные звенья по картофелю. И никакого противоречия с бригадной формой организации труда здесь не будет: ежегодно при смене севооборота выделяйте картофельное поле из земельных угодий своей бригады и передавайте его на попечение специализированного звена. Вплоть до получения с этого поля готовой продукции. Понятно?

— Понятно, — снова пробасил Шахнов. — Сделаем не откладывая.

— Очень хорошо, — одобрил Мороз. — А теперь о строительных ваших неурядицах. Надо, по-моему, безоговорочно поддержать предложение товарища Шахнова. Совхозу «Рассвет» — хозяйству мощному и, можно сказать, процветающему — давно пора иметь комплексную строительную бригаду с необходимыми механизмами. Со своей стороны обещаю помочь вам приобрести такие механизмы.

В зале опять раздались аплодисменты. На этот раз секретарь обкома не протестовал.

— Будем считать, — весело сказал он, обращаясь ко всему собранию, — что аплодируете вы Роберту Дмитриевичу. В поддержку его деловой критики и разумного предложения...

После собрания Чернов предложил Морозу:

— Может, заглянем ко мне домой? Чайку попьем...

Мороз отказался:

— В следующий раз, Федор Николаевич. Спешу. Лучше проводите меня в вашу контору, позвонить в обком надо.

Разговаривая по телефону с дежурным техническим секретарем, Мороз внимательно разглядывал макет из пенопласта, висевший на стене директорского кабинета. На макете имелась надпись, исполненная славянской вязью: «Центральная усадьба совхоза «Рассвет» (проект)».

Закончив телефонный разговор, Мороз подошел вплотную к макету, минуты две изучал его молча, потом спросил Чернова:

— А чертежи есть?

— Вот они! — с готовностью откликнулся тот, извлекая из шкафа толстый рулон.

Когда рулон был развернут на столе, Мороз неторопливо стал разбираться в многочисленных прямоугольниках, квадратах и других геометрических фигурах, возникших перед ним:

— Это что? Правление? Угм... А это? Дворец культуры?.. А это?

Поднял глаза на Чернова:

— Чья работа? Росссельхозпроекта?.. Ну и как, вам-то самому нравится?

— Совсем не нравится, — честно признался Чернов. — И никому в совхозе не нравится. Мы этот проект на общем собрании обсуждали, так рабочие такую критику навели...

— И как реагировали на нее авторы проекта?

— Так их же на нашем собрании не было. Проектанты вообще глаз к нам не казали. Все делалось по геодезической съемке.

— Надеюсь, вы обжаловали этот проект?

— Пожалуйся, еще хуже будет, — горько усмехнулся Чернов. — Они заморозят его, а вести строительство без проекта никто нам не разрешит.

— Странная логика! — фыркнул Мороз. — Проект никому не нравится, а строиться решили по нему.

— Ну, что вы, Александр Васильевич! — даже испугался Чернов. — Будем строить по-своему. Поругают нас, конечно, за нарушение проекта, да как-нибудь уж стерпим.

— Иван Платонович, — обратился Мороз к Фролову. — А вы-то в курсе всех этих дел?

Фролов вздохнул:

— В курсе, Александр Васильевич.

— Но как же можно допускать такое безобразие! Ведь в этом проекте одна нелепица усугубляется другой. Где здесь главная улица? Вот эта, надо понимать? Тогда объясните мне, что это за здание?

— Коровник, — ответил Чернов.

— Ах, коровник! — саркастически воскликнул Мороз. — Значит, совхозная молодежь будет прогуливаться вечерами от коровника до конторы? А Дом культуры оказался почему на задворках, хотя его место как раз на главной улице? Его бы вписать в центральную площадь!

— Если бы только на задворках, — подал реплику Фролов.

— А что еще? — насторожился Мороз.

— Так как архитекторы не побывали на месте, — ответил вместо Фролова Чернов, — то «вписали» Дом культуры прямо в болото.

— Безобразие! Какое безобразие! — продолжал возмущаться Мороз. — Сворачивайте этот бред на бумаге и больше никому не показывайте... Хотя нет, — спохватился он, — покажите еще раз — на бюро обкома партии. Я давно добираюсь до Россельхозпроекта. Не впервой они так напортачили. Создадим компетентную комиссию, рассмотрим все их проекты и постараемся, чтобы они этот урок навек запомнили.

Он устало опустился на стул, отрешенно глядя на Чернова, убиравшего со стола чертежи.

— Александр Васильевич! — окликнул его Фролов. — Может, все-таки воспользуемся гостеприимством Федора Николаевича — попьем чайку на дорожку? Ведь почти час ехать до дому.

— А здесь чаепитие нельзя организовать? — осведомился Мороз.

— Почему нельзя? — встрепенулся Чернов. — У меня здесь электрический самовар есть! И чай цейлонский имеется. Через пятнадцать минут все будет готово. Сейчас распоряжусь.

— Вот и отлично, — согласился Мороз. — А пока поговорим еще кое о чем. Придвигайтесь поближе.

Фролов и Чернов, успевший уже «распорядиться», присели рядом. Залегин чуть подальше, у стенки.

— А вы что уединяетесь, товарищ секретарь? — шутливо обратился к нему Мороз.

Засмущавшийся Залегин пододвинулся ближе к столу.

Немного помолчав, Мороз начал негромко говорить:

— Давно ли, товарищи, мы бились над тем, чтобы построить в сельской местности поселки городского типа, а теперь вот помаленьку начинаем их перестраивать. В свое время, когда молодежь уходила из села в город почти поголовно, строительство пятиэтажек было правильным решением вопроса — и быстрым, и относительно дешевым. Так ведь, Иван Платонович?

— Конечно, — подтвердил Фролов. — По своему Краснохолмскому району судить могу. Как только городские дома в селе появились, многие из города вернулись. Ведь

в городе-то недавние селяне на птичьих правах жили. В лучшем случае в коммуналках ютились, большинство же в общежитиях. А как узнали, что совхозы предоставляют рабочим отдельные квартиры, да и заработки там существенно поднялись, сразу потянулись в обратный путь.

— На том этапе проблему решили, — продолжал развивать свою мысль Мороз. — Но время идет, благосостояние сельских тружеников растет, и они уже требуют не отдельных квартир, а отдельных домов усадебного типа с земельным участком под боком.

— Эта задача посложнее! — не выдержал Чернов. — На своей шкуре испытал. Строительство каждого такого домика в какую копеечку встает!

— Вот, вот, — кивнул Мороз. — И у нас в обкоме, в областном Совете много разговоров было на этот счет. Решили изучить опыт других республик. Побывали наши делегации в Прибалтике, в Молдавии, даже в ГДР. Привезли оттуда проекты очень хороших усадеб.

— А денег-то не привезли? — поддел Чернов. — Где взять деньги на такое строительство?

— Ах, Федор Николаевич! Плохо вы, оказывается, слушали сегодня выступление Шахнова, — упрекнул его Мороз с чуть заметной усмешкой. — Выход из затруднительного положения подсказали нам именно вот такие люди, как ваш Шахнов. Был я как-то на юге нашей области, в совхозе «Борец». Вот так тоже сидели там, разговаривали о житье-бытье. Я показал один из проектов сельской усадебной постройки, привезенный какой-то нашей делегацией, — он был у меня в папке. Собеседники проявили к нему понятный интерес. Вдруг один бригадир спрашивает: «Александр Васильевич, а купить такой дом можно? Сколько он, к примеру, стоит?» — «Дороговато, — отвечаю. — Боюсь, что такая покупка не по карману вам будет. Сметная стоимость этой усадьбы девятнадцать тысяч. Конечно, с учетом расходов на коммуникации». А бригадир и глазом не моргнул. «У меня, — говорит, — жена доярка. В месяц мы вдвоем больше пятисот получаем, да пять-шесть окладов идет по итогам года. Так что если бы в рассрочку, то вполне могли бы этакий домик купить. Зато уж благодарили бы нас за него и дети и внуки». Прикинул я — заманчивый вариант получается: привлечение денежных средств населения поможет ускорить строительство, а с другой стороны,

таким образом мы можем надежнее закрепить кадры на селе. Кто от своего дома побежит куда-то? Правильно?

— Очень правильно, — согласился Чернов. — Сейчас казенной квартирой никого не удержишь. Поманят из соседнего совхоза, он кепку набекрень и подался. Там ведь тоже квартирой обеспечат.

— Вот поэтому, — продолжил Мороз, — я и сказал тогда директору совхоза «Борец»: если наберете тридцать-сорок желающих обзавестись такими домиками, создадим у вас сельский жилищно-строительный кооператив. Положение-то о таких кооперативах разработано лет двадцать назад, но в то время, как видно, наша деревня еще не созрела для этого — ни одного кооператива так и не создали. Да и теперь это непросто. Помню, в том же «Борце» собрали мы рабочее собрание, проекты построек вывесили, я сам выступал. И что же! Сидят, кряхтят, но помалкивают. В том числе и тот бригадир, который первым выразил желание «купить этакий домик». Потом, смотрю, поднимается один рабочий и откровенно заявляет: «Заманчиво все это, Александр Васильевич. Но как подумаешь, что свои трудовые денежки надо отдавать, когда есть жилье бесплатное, появляются сомнения: может, лучше машину купить?» Попробовал я эти сомнения рассеять. Дескать, первый взнос всего две тысячи рублей, да и то совхоз может ссуду дать. Кое-кого убедить сумел: восемь человек заявление подали. «Но этого же мало!» — приуныл директор. «Ничего, — говорю, — создавайте кооператив из восьми семей. Поможем вам ссудой из стройбанка. Лиха беда — начало». Действительно, когда эти восемь домиков появились — посыпались заявления одно за другим. И сейчас, вон Иван Платонович видел, какая новая деревня выросла: шестьдесят домов, один другого краше. Да и в других хозяйствах это дело налаживается. А вот вы, Федор Николаевич, поотстали.

Чернов постарался прервать этот разговор — вспомнил о самоваре:

— Вскипел, наверное!

Через несколько минут он сам принес самовар. Но за чаем беседа вновь пошла по тому же кругу.

— А сколько всего по области таких новых деревень, как в «Борце»? — поинтересовался Чернов.

— Пока одна, — ответил Мороз. — Через год рассчитываем иметь тридцать — по одной в каждом районе.

В следующей пятилетке мечтаем отстроить по одной такой деревне в каждом крупном хозяйстве — это еще двести.

— А старых деревень по области сколько?

Мороз помрачнел, даже чашку отставил.

— В больное место попал, Федор Николаевич. Почти четыре тысячи!

— Значит, на обновление их двадцать пятилеток понадобится? — произвел несложный подсчет Чернов. — Сто лет!

— Со временем сельская строительная индустрия наберет силу, — возразил Мороз. — Но даже по самым оптимистическим подсчетам, не меньше полувека потребуется.

— А существующие старые деревни будут по-прежнему умирать? Как неперспективные?

— У вас что же, все еще делят деревни на перспективные и неперспективные? — обернулся Мороз к Фролову.

— Не от нас это идет, — спокойно ответил Иван Платонович. — Вы лучше меня знаете, что была такая директива облсовета лет пятнадцать назад: в бесперспективных деревнях школы долой, клубы долой, дороги строить не надо!

— Была, — виновато произнес Мороз. — Сейчас и то вспоминать о ней больно. Я ведь тоже на эту удочку попался... Воздержись, Иван Платонович, от протестующих жестов. К сожалению, и мы, партийные работники, небезгрешны. Тоже ошибаемся, да еще как! Я забил тревогу лишь после того, как увидел справку, из которой явствовало, что по области число сельских школ почти вдвое сократилось. На бюро этот вопрос рассматривали и постановили: если в деревне есть хоть два-три школьника — школу не закрывать. Пусть это «нерентабельно». Не все можно на деньги переводить... У вас, Федор Платонович, на территории совхоза сколько всего деревень?

— Тридцать, Александр Васильевич. Называть хоть какую-нибудь из них неперспективной воздерживаемся, но процесс-то умирания значительной части деревень продолжается. Вот в чем суть.

— Почему?

— Не задерживается там молодежь, к центральной усадьбе совхоза тянется. Молодым родителям не одна школа, но и детский сад надобен. А он только на цент-

ральной усадьбе. И с транспортом плохо. Не может тракторист, скажем, каждый день пехом шлепать в гараж за пятнадцать верст и после работы, опять же пехом, возвращаться в свою деревню.

— Трактористы сплошь да рядом на тракторе домой ездят. Чего скрывать? — уточнил Залегин.

— Но это ведь нарушение! — горячо отреагировал Чернов. — Перерасход горючего какой на такие пустые прогоны! И еще знаете, Александр Васильевич, здорово повлияла на старение деревень специализация.

— Поясните, — попросил Мороз.

— К примеру, наш совхоз, как и другие, перешел на цеховую структуру управления. Цехом растениеводства управляет агроном, цехом животноводства — зоотехник, ну и так далее. То, что каждой отраслью хозяйства командует дипломированный специалист, очень хорошо. Производственные успехи налицо. Но при цеховой организации производства мы ликвидировали за ненадобностью отделения совхоза и, естественно, сократили должность управляющего отделением. А ведь он не только производственные вопросы решал. Он присматривал и за тем, как магазин работает, что в клубе делается, кому и как помочь в ремонте жилья. Словом, порядок поддерживал и в той деревне, где его контора была, и в окружающих. А сейчас что получается? Я же не могу так, как он, заниматься всеми тридцатью нашими деревнями.

— Ну а каковы ваши соображения? Как все-таки остановить процесс старения отдаленных деревень? — допытывался Мороз.

— Не знаю, Александр Васильевич, — честно ответил Чернов. — Единственное, что приходит на ум: надо какую-то часть от доходов совхоза вкладывать и в эти деревни.

— А у вас, Иван Платонович, есть что-нибудь предложить? — повернулся Мороз к Фролову.

— Нет, Александр Васильевич, — покачал головой Фролов.

— Печально, — заключил Мороз. — Очень прошу вас, товарищи, давайте вместе подумаем и над этой проблемой. Не поленитесь поездить по таким деревням, поговорите с людьми — наверняка что-нибудь подскажут. — Он взглянул на часы: — У-у, засиделся я с вами! По машинам!

Они вышли из конторы.

Мороз увлек Фролова чуть в сторону. Остальные задержались у крыльца, понимая, что они хотят поговорить о чем-то наедине.

— Ну как самочувствие? После отмены нашего решения успокоились? — дружески спросил Мороз.

— Не совсем, — вздохнул Фролов.

— Осложнение с Раздаевым? Угадал?

— Откуда вы знаете? — удивился Фролов.

— Давыдова, нашего инструктора, помните?

— Конечно. Он-то и прояснил мне кое-что в отношении Раздаева. Рассказал нашему заворгу...

— А мне вот даже не намекнул тогда. Больше того, соврал.

— Дело прошлое, Александр Васильевич: он Королева не хотел подставлять.

— Интуитивно я почувствовал это и после увольнения Давыдова поинтересовался, куда он работать пошел.

— Куда же? — спросил Фролов.

— На электрозавод начальником цеха.

— Это правильно, — одобрил Иван Платонович. — Леонид Павлович — парень умный, добрый, порядочный. Жаль, что жизненного опыта у него маловато.

— Чувствовалось?

— Конечно. Это всегда чувствуется. Терялся порой. Да иначе и быть не могло. Что у него за плечами? Школа, институт. Года не успел на заводе поработать — в горком комсомола взяли, оттуда в обком комсомола, а через пяток лет прямым ходом в обком партии. Аппаратную работу постиг: любую справку подготовит и даже проект решения напишет. Но только проект. А вот жизни трудовой практически не знал...

— Ладно, — прервал его Мороз. — Был я на электрозаводе по другим делам, а заодно поспрошал, как Давыдов работает. Все хвалили его — и руководство и рабочие. Попросил, чтобы он в партком зашел. Приходит. Вижу, бодрый, даже веселый. «Давайте, — говорю, — Леонид Павлович, потолкуем начистоту, что и как произошло при назначении Фролова на другую должность». Ну, он и выложил мне, видимо, то же самое, что и вашему заворгу.

— А я, в свою очередь, с Раздаевым объяснился, — сообщил Фролов.

— И как он?

— Заюлил. Говорит, что Королев поставил его перед совершившимся фактом.

— А не рассказал, как он в течение нескольких лет Королева обхаживал, устраивал ему без лицензий охоты на лосей?

— Ни полслова.

— Грешным делом, я подозревал, что и вы принимаете участие в этих охотах. Собирался поговорить с вами строго. Но председатель в областном обществе охотников доложил, что Фролов-де на лося никогда не охотился. Только на уток и всегда по лицензиям. «А с кем Королев охотится?» — спрашиваю. «Только с Раздаевым. У них компания узкая — они двое да егеря». Понятно?

— Понятно.

— И еще совсем уж неожиданная новость. Недели две назад прислали нам бандероль. Открыли пакет, а там фотографии. Сфотографированы поля, на переднем плане — незаскирдованная солома. На обороте каждой фотографии пояснительный текст: «Совхоз «Рассвет» Краснохолмского района», «Колхоз «Новый путь» Краснохолмского района», «Совхоз «Барятинский» Краснохолмского района», ну и так далее. Все фотографии только из вашего района...

— У нас везде солома заскирдована, сам проверял.

— Ячмень-то вы позже убирали?

— Но и ячменная солома во всех хозяйствах заскирдована и оприходована.

— Значит, фотограф успел щелкнуть ее в разгар уборки, а может быть, даже и в каком-то другом районе.

— Да-а, дела! — сокрушенно покачал головой Фролов. — Но с какой целью фотографировали и кто?

— С какой целью — понятно, а вот кто фотографировал или по чьему указанию проводилось фотографирование, сказать затрудняюсь. Может быть, вам подскажет что-нибудь записочка, приложенная к фотографиям. Я ее прихватил с собой. Вот она.

Записка была нацарапана от руки, даже карандашом, но печатным шрифтом. И суть дела излагалась нарочито коряво:

«Дорогие товарищи! В то время, как в Заволжье после засухи каждый килограмм соломы на счету, скот кормить нечем, у нас в Краснохолмском районе солома гниет почем зря. А первый секретарь горкома Фролов только по-

смеивается. И ежели кто заспорит с ним, так он того священным писанием кроет».

— Ну и свиненыш, — с ненавистью прошептал Фролов.

— Кто? — машинально спросил Мороз.

— По-видимому, Раздаев.

— Почему так думаете?

— Ссылка на «священное писание» выдает. Был у нас недавно разговор, один на один... Надо же так перевернуть все!

— По правде говоря, я тоже подумал, что тут не обошлось без Раздаева, — откликнулся Мороз. — Хотел, чтобы с ним в областной парткомиссии побеседовали, да потом передумал. Просто разговором ничего, вероятно, не выяснишь, а подключать к такому делу следственные органы душа не лежит. Ограничимся пока профилактической мерой: проводим пленум горкома, освобождаем Виктора Юрьевича от обязанностей секретаря и предоставим ему место в каком-нибудь областном управлении. Такое, где он был бы под строгим контролем. Самостоятельность ему вредна. Ну а с Королевым бюро обкома уже разобралось. Объявили ему выговор за злоупотребление должностным положением и удовлетворили его просьбу о переводе в другую область...

— Казнюсь я, Александр Васильевич, за Раздаева, — сказал Фролов. — Не бесталанный ведь человек. Правда, Ребров как-то сказал, что у него стержня нет.

— Мудрый мужик Валерий Васильевич. Именно нет стержня. Отсюда и беда его и вина.

— Не подумайте, Александр Васильевич, что счеты с Раздаевым хочу свести. Но возникла одна история, где нам, по-видимому, не обойтись без подключения следственных органов...

И Фролов рассказал о происшествии в инструментальном цехе машзавода.

— Хорошо, проверим, — пообещал Мороз. — Завтра же дам поручение областной прокуратуре.

Через одну-две минуты обкомовская машина, мигая левым подфарником, плавно тронулась с места и мгновенно будто растворилась в осенней мгле.

А через неделю состоялся пленум Краснохолмского горкома партии. Раздаева вывели из состава бюро и освободили от обязанностей второго секретаря «в связи с переходом на другую работу». На его место избрали Стар-

цеву. Третьим секретарем — Бориса Алексеевича Иноземцева, работавшего до того секретарем парткома электромеханического завода.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

За неделю до Нового года Иван Платонович вернулся из очередного отпуска. Выглядел он посвежевшим, даже помолодел несколько. Впервые побывал в Прибалтике, и очень она понравилась ему. С увлечением рассказывал он Старцевой, Иноземцеву и Челышу, собравшимся у него в кабинете, не только о курорте, где отдыхал и лечился, не только о прелестях тамошней природы, но и о том, в каком порядке содержатся там города и поселки, что интересного у них в сельском строительстве. Он даже сфотографировал некоторые особенно понравившиеся ему сельские домики, и теперь эти фотографии переходили из рук в руки.

Заглянула в кабинет Леночка.

— Иван Платонович! Начальник милиции звонит. Он и раньше звонил — интересовался, когда вы на работу выходите.

— Соедини меня с ним.

— Он просит принять его для конфиденциальной беседы.

Фролов встревоженно поглядел на секретарей:

— Что-нибудь случилось без меня?

Старцева отрицательно покачала головой:

— Все было спокойно, Иван Платонович.

Фролов кивнул Леночке:

— Скажи ему, пусть заходит. — И не удержался, передразнил: — «Для конфиденциальной беседы».

Минут через десять явился подполковник милиции Соров в сопровождении высокого молодого человека в штатском.

— Разрешите представить вам, Иван Платонович: старший следователь областного управления по особо важным делам майор Веселов.

Фролов понял, что беседа предстоит серьезная. Указал на кресла возле стола:

— Садитесь, товарищи.

Майор извлек из черной папки несколько листков, густо исписанных на машинке, и положил перед Фроло-

вым. Иван Платонович вынул из футляра очки, готовясь читать, но Серов упредил его:

— Иван Платонович! Чтобы не отнимать у вас много времени, скажу в двух словах. Помните, вы сигнализировали товарищу Морозу о сторонних заказах на машзаводе?

— Вот уже как — «сигнализировал»? — буркнул Фролов.

— Точнее, проинформировали, — поправился Серов.

— Не будем слишком придирчивы к словам, Анатолий Владимирович, — отмахнулся Фролов. — Давайте суть.

— Суть в следующем, — деловито включился в разговор старший следователь. — По просьбе Мороза областная прокуратура сделала запрос в республику, для которой выполнялся заказ на Краснохолмском машзаводе. А там, оказывается, уже идет следствие по раскрытому на одной из фабрик подпольному производству значительных партий «левого» ширпотреба. Подследственные показали, что техническое оборудование для своих преступных махинаций — несколько трикотажных и швейных машин, а также запчасти к ним — приобретено в Краснохолмске.

— Запчасти может быть... Но машин таких у нас не делают, — дал справку Фролов.

— Машины эти с ваших швейной и трикотажной фабрик, — доложил следователь. — Были списаны там как якобы пришедшие в негодность. Имеются акты, что они сданы в металлолом. И всем этим якобы руководил Раздаев, которому выдано «на расходы» десять тысяч рублей.

— Почему вы все время делаете оговорку «якобы»? — строго спросил Фролов.

Ответил Серов:

— Потому, Иван Платонович, что следствие еще не закончено. И по этой причине, чтобы, значит, не было преждевременной огласки, у нас к вам просьба...

— Излагайте, — вяло сказал Фролов.

Лицо его утратило свежесть, осунулось, набрякли мешки под глазами. Заметив эту перемену, майор сказал сочувственно:

— Извините, Иван Платонович... Такая уж у меня работа.

— Ничего, — процедил Фролов. — Так что от меня требуется?

— Нельзя ли под каким-либо предлогом вызвать сейчас Раздаева в горком?

— Зачем? Разве вы не можете допросить его в милиции?

— Вызов туда насторожит Раздаева, а здесь важна внезапность.

— Как на войне? — горько усмехнулся Фролов.

— А мы почти всегда как на войне, — напомнил ему Серов.

— Мы с ним здесь только побеседуем, а очные ставки с Константиновым, с Телешовой проведем в другом месте, — пообещал майор.

— Телешова? — переспросил Фролов. — Знакомая фамилия. Это не заместитель управляющего трестом?

— Она, — подтвердил Серов. — Любовница Раздаева. Через нее «дельцы» и вышли на него.

— Любовница?.. Час от часу не легче, — пробормотал Фролов и нажал кнопку звонка в приемную. Заглянувшей в дверь Леночке приказал: — Попроси зайти сюда Лидию Степановну.

Заведующая общим отделом, войдя, степенно поздоровалась с начальником милиции, с незнакомым ей молодым человеком в штатском и вопросительно взглянула на Фролова.

— Лидия Степановна, надо срочно разыскать и вызвать Раздаева, — распорядился он.

— Раздаева? — удивилась Лидия Степановна. — Виктор Юрьевич даже с учета у нас снялся!

— Это я знаю, — нетерпеливо сказал Фролов. — Придумайте какой-нибудь повод.

Догадливая Лидия Степановна, ненадолго задумавшись, объявила:

— Я как раз готовлю к сдаче в архив протоколы бюро. Позвоню ему и попрошу приехать, чтобы подписать некоторые из них. Хорошо?

— Да, пожалуй, хорошо. В горком мы его вызывать не будем. Ни к чему это, — сказал Фролов, обернувшись к офицерам милиции. — А есть у нас маленький флигель, где архив хранится, там вы с ним, товарищи, и беседуйте. И вы, Лидия Степановна, вызывайте Раздаева не в горком, не от имени горкома действуйте, а попросите его приехать именно в архив.

— Хорошо, Иван Платонович, — кивнула Лидия Степановна.

Майор поднялся. Его примеру последовал и Серов.

— Спасибо, Иван Платонович. Не будем вас больше задерживать.

— Подождите, — придержал их Фролов. — Вы уж потом, пожалуйста, поставьте меня в известность...

Фролов сидел за столом, подперев голову руками, и мысли его крутились вокруг Раздаева. Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что следственные органы попали на ложный след и сейчас, после беседы следователя с Раздаевым, что-то прояснится и многое из того, в чем его подозревают, отпадет. Хотелось верить, что этот неглупый в общем-то человек сумеет выпрямиться и очиститься от грязи, в которую сам себя втоптал.

Тяжкие эти раздумья затянулись надолго. Но вот скрипнула дверь кабинета. Фролов поднял голову. Перед ним стоял Раздаев.

Нет, это был уже не тот человек, какого Иван Платонович знал столько лет! Где его бывшая самоуверенность? Совсем чужое, какое-то смятое лицо!

— Значит, все правда, — уже не вопросительно, а утвердительно сказал Фролов.

Раздаев заговорил что-то в свое оправдание, упомянул Мороза.

— Что — Мороз?

— Надо мне к Морозу обратиться, покаяться. Может же он, наверное, мое дело закрыть?

— Мороза не касайтесь, обгадились с ног до головы. Когда всеми этими делишками занимались, о чем думали? Теперь о Морозе вспомнили...

Фролов еще долго оставался после ухода Раздаева в горкоме. Попросил Леночку, чтобы она ни с кем его не соединяла, никого не хотелось видеть. Жене позвонил, что задерживается. Даже с ней трудно ему было сейчас говорить о Раздаеве. Разное бывало в его жизни, переживаний хватало, но Раздаев особенно сильно его задел, был ему непонятен. Вот ведь, споткнулся человек на, казалось бы, ровном месте, чего ему не хватало? В войну, бывало, ломались люди. Вспомнилось, уже под Одессой явился он однажды к командиру полка доложить о выполнении боевого задания, но его остановили у входа на КП. Сказали, что командир полка «снимает стружку» со старшего лейтенанта из второй эскадрильи. Фролов уже

знал, что этот старший лейтенант при атаке на вражеский крейсер в решающий момент струсил, отвернул, а ведущего сбили.

Жаркий, видно, шел за дверью разговор...

А потом сразу же дверь распахнулась, и из нее вывалился старший лейтенант с белым, как вата, лицом и блуждающими глазами. Командир полка крикнул ему вслед:

— Оружие сдай старшине!

Старший лейтенант привычно расстегнул кобуру, метнулся за автомашину, стоявшую возле КП, и в тот же миг раздался хлопок пистолетного выстрела. Фролов первым кинулся на этот звук и увидел, как старший лейтенант медленно оседает на землю...

Роза Андреевна не заметила, в каком состоянии вернулся домой муж. Хлопоча на кухне, спросила:

— Виктор, ты помнишь легенду о Мидасе?

— Что-что? — спросил он, собираясь с мыслями. — Это какой-то царь?

— Да. Тот самый, от прикосновения которого все обращалось в золото.

— Вот как! — горько усмехнулся Раздаев. — Я похож на него?

— Нет, совсем наоборот, — жестко сказала Роза Андреевна. — Считаю, что ты любого человека, который тебе близок, делаешь несчастным. Меня ты сделал несчастной давно, но за это, как говорится, бог спросит. А Вика?..

— Что Вика? — спросил Раздаев. — Вчера поздно пришла? Но все же пришла...

— А откуда пришла, ты знаешь? Сегодня из милиции позвонили и сообщили, что твоя дочь вчера устроила дебош в ресторане. Подралась с какой-то перезрелой красоткой Телешовой. Тебе ничего не говорит эта фамилия?

— Нет, — резко ответил Раздаев, покачнувшись как от удара. — Вот что, я пойду прилягу. Если кто будет звонить, не соединяй.

Он ушел в свой домашний кабинет и закрыл дверь на задвижку. Перебрал в баре несколько бутылок с импортными этикетками, достал бутылку «Столичной», налил

полный фужер и залпом выпил. Присел на диван. Мысли ползли медленно, какие-то сырые и тяжелые.

Неужели он действительно приносит несчастье близким? Жена, дочь, Телешова? Светка, говорят, под арестом и во всем призналась. Ах, Светка, Светка!..

Однажды, когда он уже собирался уходить, она сказала:

— Тут один человек приехал...

— Какой человек?

— Хочет у нас магазин открыть от какого-то южного колхоза. Всякие сухофрукты, орехи, пряности, марочные вина, коньяки...

— Частная лавочка?

— Колхозный, говорю, магазин. У него все необходимые документы есть. Требуется только согласие председателя потребкооперации. Обещает отблагодарить...

— Сухофруктами? Стоит ли пачкаться? — поморщился Раздаев.

— Десять тысяч готов выложить сразу и по тысяче ежегодно.

Раздаев задумался. Когда-то он был болезненно щепетилен насчет «благодарностей» в чисто денежном выражении. Другое дело банкеты, за которые расплачивались директора предприятий. Случалось, что какой-нибудь расторопный хозяйственник дарил ему к празднику «сувенирчик» — коньячный набор или хрустальную вазу. Но деньги — ни-ни!

Деньги потребовались лишь после того, как он сблизился с Королевым. И теперь предложение Телешовой пришлось кстати.

«Светка человек надежный, не продаст», — подумал он. А вслух сказал:

— Только смотри аккуратнее с этим южанином. Не смей говорить с ним по телефону. Встречайся только один на один.

На следующий день он вручил Светлане нужное письменное разрешение за подписью председателя потребкооперации.

По истечении некоторого времени Телешова вдруг объявила:

— Этот директор хочет с тобой встретиться.

— Какой директор?

— Ну, тот южанин.

— Я предпочел бы с ним не знакомиться, — сказал Раздаев. — Пусть через тебя передаст, что ему надо.

— Очень просит лично.

— Небось ОБХСС на хвост село?

— Ничего подобного.

— Ладно. Пусть сюда, к матери, завтра вечерком заглянет...

Гость «заглянул» в условленный час. Его круглое лицо сияло радушием. Из объемистой сумки он ловко извлек янтарный виноград, груши, какой-то сверхвыдержанный коньяк.

Раздаев лишь покосился на эти дары. Спросил сухо:

— Какой еще у вас вопрос? По-моему, мы все ваши вопросы решили.

Сладенькая улыбочка на лице гостя сменилась деловой озабоченностью.

— Кунак мой приехал. Ему нужны две трикотажные машины и две швейные. Промышленные, конечно. И детальки кое-какие. Вот список.

Он протянул мятую, замасленную бумажку. Раздаев брезгливо заглянул в нее и рассердился:

— Вы что, совсем сдурели? Кто же вам отдаст промышленное оборудование?

— Не обязательно новые, — жарко зашептал гость. — Можно списанные. Игра стоит свеч. Десять тысяч.

Виктор Юрьевич даже как-то инстинктивно оглянулся — не подслушивает ли кто? На всякий случай переспросил:

— Что вы сказали?

— Десять, — твердо повторил гость. — И столько же на расходы. Отчета не надо!

Мозг Раздаева заработал лихорадочно: «Кого привлечь? Пожалуй, Константинова. Жаден, стервец, но дело сделает».

— Хорошо, но действовать только через Светлану. Ни в горком, ни сюда ни ногой! Месяц устраивает?

Тот без слов отвесил полупоклон в знак согласия и благодарности.

...Теперь все рухнуло. И Светлана, и Константинов, и этот тип уж дали показания. Топят друг друга и все вместе тянут на дно его, Раздаева...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В один из субботников усталый, но довольный Фролов возвращался в горком. Весь аппарат горкома разбивал сквер на площади, у памятника Ленину.

Проходя через приемную в свой кабинет, Фролов на ходу спросил дежурившего работника:

— Никто не звонил?

— Мороз вас разыскивает, — взволнованно ответил дежурный. — Уже два раза звонил.

— Мороз? — остановился у двери Фролов. — Откуда звонил? Из обкома?

— Нет, он в соседнем районе. Сказал, что еще позвонит.

— Ну, ладно, подождем.

В этот момент и раздался заливистый звонок междугородного телефона.

— Да, да, — ответил дежурный. — Пришел. Передаю.

И, протягивая трубку Фролову, почему-то шепотом доложил:

— Мороз.

Фролов взял трубку.

— Фролов слушает.

— Здравствуйте, Иван Платонович!

— Здравствуйте, Александр Васильевич!

— Все марафет наводите? Я тут как-то мимо проезжал, не удержался, заехал, посмотрел. Молодцы. Действительно, город на город становится похож. Иван Платонович, у меня тут предложение есть...

— Слушаю, Александр Васильевич.

— Получил я ваше приглашение на открытие новой деревни в «Рассвете». Но это в мае. А мне поездка в Чехословакию предстоит. Так что не обессудьте. Но поскольку уж я тут, у ваших соседей, давайте сейчас и махнем в «Рассвет».

— Но там новоселы только-только въехали... — засомневался Фролов.

— Неважно. Для нас главное, чтоб дело было. Правильно? Так что берите машину и в совхоз. И я прямо туда выезжаю. Через полчаса буду. До встречи!

Фролов быстро переоделся в своем кабинете и вышел в приемную:

— Еду в «Рассвет».

— Я так и понял, — кивнул дежурный.

— Дайте-ка мне ключи от гаража, — попросил Фролов.

— Сами хотите ехать? — удивился дежурный. — А где же ваш водитель?

— В том-то и петрушка, что отпустил я его после субботника, — раздумчиво сказал Фролов.

— Так, может, вызвать? У него же дома телефон есть.

— Не надо человека дергать! — решительно ответил секретарь. — Да и неизвестно, на сколько я задержусь.

...Когда он на любимом своем зеленом «уазике» подкатил к конторе совхоза, там уже стояла обкомовская машина. В кабинете Чернова сидели Мороз и секретарь парткома Залегин.

— Сами за рулем? — спросил Мороз, видимо наблюдавший за ним из окна.

— Шофера на отдых отпустил, — чуть смущенно ответил Фролов. — Он ведь тоже не железный.

— А вы, конечно, железный, — неодобрительно бросил Мороз.

— Ну, я же не каждый день за рулем.

— Ладно, ладно, не оправдывайтесь. Водителя не стоит баловать. Он ведь соответственно и зарплату за переработку получает.

— А где Чернов? Куда-то отошел? — спросил Фролов у Залегина, желая как-то уйти от этого разговора.

— Укатил в соседний совхоз с утра, — ответил, обращаясь к Фролову, Залегин. — Ему там семена пообещали. Какой-то новый высокоурожайный сорт многолетних трав. Федор Николаевич хочет попробовать. Но должен скоро приехать.

— Все экспериментирует директор, вот душа неугомонная! Значит, вы за хозяина?

— Мы пока вас ждали, Иван Платонович, — заметил Мороз, — успели побеседовать с Михаилом Афанасьевичем. Оказывается, на него купцы нашлись?

— Да, Александр Васильевич, звонили вчера из областного управления сельского хозяйства. Просят, чтобы горком отпустил его, — Фролов кивнул в сторону Залегина, — директором машиностроительной станции.

— Ну и как вы решили?

— Михаил Афанасьевич выразил горячую заинтересованность, — улыбнулся Фролов, — и не в моих правилах в таких случаях, когда предлагается интересная перспективная работа, кого-либо задерживать. Тем более что

Залегин — квалифицированный инженер, у Чернова хорошую школу прошел.

— А не жалко такого секретаря парткома терять?

— Жалко, конечно. Но в совхозе кадры хорошие, найдем достойную замену.

— Есть кто-то конкретно на примете? — спросил Мороз, обращаясь уже к Залегину.

— Я предложил председателя сельсовета, Комарову Маргариту Ивановну, она у нас член парткома, да Иван Платонович что-то сомневается.

— Почему?

Фролов смешно шмыгнул носом, как делал обычно в минуту волнения.

— Понимаете, Александр Васильевич, ничего о ней плохого сказать не могу — женщина энергичная, грамотная, высшее сельскохозяйственное образование. Но... Сумеет ли она влиять на Чернова? Хрупкая женщина, а тут такой медведище. Вон Залегин — под стать своему директору, такой же гренадер, и голос зычный.

— Зря сомневаетесь, — весело ответил Залегин. — Я несколько раз наблюдал их стычки по вопросам благоустройства, Комарова не дрогнет, не тот человек.

— Ладно, дело не горит, все равно отпустим вас не раньше, чем посевную закончите, так что время есть подумать, может, еще какие варианты найдутся, — миролюбиво заметил Фролов и добавил: — Коль вы за хозяина, Михаил Афанасьевич, ведите, показывайте новую деревню.

— Деревня — громко сказано, Александр Васильевич! Пока только первая очередь...

Спускаясь по лестнице со второго этажа, Мороз спросил шедшего сзади Залегина:

— Ну а проект усадьбы переделали?

— Да, Александр Васильевич, спасибо вам. Видать, здорово им на бюро обкома всыпали. То, бывало, не дозвонишься до них, а здесь сами приехали. Все наши замечания и пожелания учли. Я вам сейчас на площади расскажу, так нагляднее будет.

Только вышли из конторы, как к подъезду подкатил желтенький «уазик» и из него проворно выскочил Чернов.

— Какие гости! — шумно возликовал Чернов, здороваясь со всеми поочередно.

— Приехали посмотреть вашу новую деревню, заодно интересуемся генпланом всей усадьбы, — сказал Мороз.

— Расскажу и покажу в лучшем виде, — зарокотал Чернов, сразу же оказавшийся в центре. — Значит, так, контору нашу старую в перспективе намечаем на снос. Во-первых, само здание уже сыпаться начинает, сорок лет назад построено не пойму из чего — дерево пополам со шлаком. Во-вторых, тесно нам здесь. А в-третьих, не на месте — почти в центре будущей площади. Построим новое, там, при въезде на площадь, слева. Двухэтажное здание из силикатного кирпича с башенкой. На башенке сверху будут часы с циферблатом на три стороны. На двух этажах все наши административные службы и общественные организации — сельсовет, профком, комитет комсомола. И партком здесь будет.

— Так, — кивнул Мороз, — но все-таки давайте по порядку.

— Понял, — кивнул Чернов. — Начну по порядку. Прямо перед собой вы видите четыре пятиэтажных блочных здания, за которые рабочие нас здорово крыли на собрании. Помните?

Фролов и Мороз переглянулись, усмехнулись.

— Важно, что вы помните! — сказал Иван Платонович.

— Да как не помнить! Так вот эти здания, расположенные по линеечке, составят основание площади. Но мы их облагородим — оштукатурим розовым цементом, балконы отделаем цветным пластиком, двери и крылечки уже заменяем. Проведем капитальный ремонт и лестничных клеток. Облагородим и площадку около дома. Видите — уже завезли землю, песок и бордюрный камень.

Было видно, что Чернову очень нравится слово «облагородить».

— Ну что же, это выход из положения, — кивнул Мороз.

— Слева от зданий вы видите поставленный в торец фундамент, — продолжал рассказывать Чернов. — Здесь будет школа-десятилетка. Строители обещают закончить к следующему учебному году. Видите, и панели уже привезли, и кран поставили. Так что надеемся.

— Спортивный зал будет? — спросил Фролов.

— Обязательно. Кроме того, планируем так, что со временем бассейн пристроим. Ну, это уже когда побогаче будем. Заканчивать площадь с этой стороны будет Дворец культуры вместо старого клуба.

— По-моему, неплохо спланировано! — кивнул Мороз. — Как ваше мнение, Иван Платонович?

— Дворец — это, конечно, звучит, — неторопливо, раздумчиво сказал Фролов. — Но главное, наверное, не стены, а то, что внутри.

— Как это? — не понял Чернов.

— Главное — содержание работы, — пояснил Иван Платонович. — Вот у вас и сейчас клуб есть. А что в нем? Только кино крутите. Да лекцию, может, раз в месяц организуете. Что, не так?

— Мы уж думали над этим, — вступил в разговор Залегин и добавил не без гордости: — Решили, чтоб молодежь привлечь, ВИА организовать, уже инструмент купили, цветомузыкальная установка будет.

— ВИА? — недоуменно переспросил Мороз.

— Ну да! — кивнул Залегин и расшифровал: — Вокально-инструментальный ансамбль.

— Ах это, — недовольно поморщился Мороз.

— Сейчас по этим ВИА молодежь просто с ума сходит. Еще просят, чтобы дискотека была. Это чтоб танцевать под записи модных ансамблей.

— Вот именно с ума сходит, — проворчал Иван Платонович. — Вам-то самим эти ВИА нравятся?

— Я лично слышать не могу! — признался вновь вступивший в разговор Чернов. — Видать, отстал. Как включают, так хоть уши затыкай. Но ведь требует молодежь.

— И все-таки вы с этим ансамблем поаккуратнее будьте, — посоветовал Мороз. — Найдите, не пожалейте времени, хорошего, знающего руководителя. Иначе пошлятина получится.

— Уж подобрали хорошего парня, институт культуры окончил, — ответил Чернов. — Заверяет, что справится.

— Ладно, поверим! — кивнул Мороз. — Теперь рассказывайте, что с правой стороны будет.

— Ну, во-первых, детский сад. Он уже построен, как вы видите. Только мы намечаем пристроить еще один корпус.

— Понятно. А дальше?

— Дальше планируется торговый центр и комбинат бытового обслуживания — парикмахерская, химчистка, прачечная, ну и, конечно, баня.

— Сауна? — с усмешкой спросил Мороз. — Нынче это вроде модно.

— Нет, народ наш за русскую баню высказался, — серьезно ответил Чернов. — Чтоб с веничком.

— Ясно. А дальше?

— А дальше, я вам уже говорил, построим новое административное здание. Посреди площади также будет большой сквер. Мечтаем мы сделать каскад прудов.

— Каскад? — удивился Мороз.

— Да, каскад! — твердо сказал Чернов. — Вода будет из одного пруда стекать ниже, в следующий и так до того болота, куда архитекторы хотели Дворец культуры посадить. Из болота мы сделаем тоже красивый прудик, с набережной.

— Неужели это все вам Россельхозпроект напроектировал? — опять не сдержал изумления Мороз.

Чернов слегка замялся, потом ответил:

— Нет, это нам наш городской главный архитектор предложил. В порядке шефства.

— Как же вам удалось его привлечь? — заинтересовался Фролов. — У него ведь и в городе дел невпроворот!

— Спасибо Челышу. Уговорил его. Парень — золото! Еще молодой специалист, так и фонтанирует идеями.

— Теперь понятно, откуда у вас каскады появились!— улыбнулся Мороз и тут же пытливо спросил: — И когда же вы свой план намереваетесь осуществить? То, что вы предлагаете, — это миллиона на два строительно-монтажных работ!

— Если не больше! — вздохнул Чернов. — Я ведь вам еще не все рассказал.

— Рассказывайте, рассказывайте, мы слушаем...

— Значит, на берегу пруда мы хотим построить семейное кафе, чтоб веранда прямо над водой была.

— Ишь ты! — качнул головой Мороз. — Это вроде как в Москве на Чистых прудах.

— Точно! — восторженно подтвердил Чернов. — Мне и архитектор наш так сказал.

— Значит, это тоже идея архитектора? — усмехнулся Фролов.

— Общая, — насупился директор и вдруг заулыбался. — Знаете, как решили назвать? «Три пескаря».

— «Три пескаря»? — спросил Мороз. — А почему?

— Представьте, захотелось вам свежей рыбки съесть. Повар берет сачок и прямо с веранды р-раз — и пожалуйста, свежий карп или карась. Каково?

— Ну и выдумщики! — рассмеялся Мороз. — А впрочем, так и надо. Иначе скучно будет жить. Как, Иван Платонович?

— Идею поддерживаю. А где теперь по проекту у вас коровник будет?

— Отнесли от центральной усадьбы на пятьсот метров, вон туда, за будущее административное здание. Там планируем производственную зону — коровник на четыреста голов, кормоцех. А рядом с коровником будем строить и новый машинный двор — с отапливаемыми мастерскими и гаражом. Ведь сейчас слесари под открытым небом технику ремонтируют. Слезы! В мороз инструмент к рукам примерзает. Простуживаются часто.

— А ездить где ваши трактористы будут? — поинтересовался Фролов. — Они ж тракторами все скверы искорежат!

— Продумали и это! — ответил Чернов. — Сделаем отвод прямо к основному шоссе. А тракторам, тем более гусеничным, вообще запретим на площадь въезжать.

Мороз остановился и, прищурившись, снова внимательно оглядел всю будущую строительную площадку.

— Ну что ж, задумано интересно. Я сказал бы, по-хозяйски, грамотно. И чтобы жить было удобно и работать. Но все-таки какие сроки устанавливаете и какими силами будете строить?

— Как сказать... Это ведь смотря что будем строить, — ответил Чернов. — Школу через полтора года, видите, уже и фундамент есть. Второй корпус детсада попозже, потому что сейчас еще острой необходимости нет. С Дворцом культуры тоже можно обождать. А вот новые производственные помещения, жилье — с этим, конечно, подпирает. Надо форсировать. А какими силами... Создали мы по вашей рекомендации стройучасток.

— О, дело сдвинулось? — одобрительно заметил Мороз.

— Да-а. Но хозспособом много не поднимешь. Мы ставим перед ними задачу — строительство индивидуальных домиков, ну и, конечно, ремонт. А для крупных объектов нужен и солидный подрядчик. Тут мы в полной зависимости от нашего городского строительного треста. Кстати, Иван Платонович, не подумайте, что я хочу решать за «отцов» города, но имею предложение...

Фролов остановился, поглядел настороженно на Чернова. Невольно остановились и остальные.

— И какое же? — нетерпеливо спросил Иван Платонович.

— Преобразовать одно из управлений треста в передвижную механизированную колонну, специально для сельского строительства. Такие подразделения в нашей области уже есть. Я в газете читал, что такая специализированная колонна монтирует типовое здание коровника из полносборных конструкций за три-четыре месяца.

— Толково, как думаете, Иван Платонович? — быстро спросил Мороз.

Фролов вздохнул:

— Конечно, толково. Но вы знаете, сколько в городе срочных объектов?

— Я думаю, ради села придется чем-то пожертвовать, — решительно возразил Мороз. — Мне ли вам объяснять значение Продовольственной программы!

Они подошли к выстроенным по линеечке аккуратным двухэтажным коттеджам.

— Вот здесь начинается наша новая деревня, — не без торжественности начал Чернов. — Пока сдана первая очередь — семь домов. Здесь же и будет наша главная улица. Она начнется от пруда, где, кстати, мы хотим еще лодочную станцию сделать, и пойдет вот так... прямо. Эти домики — левая сторона улицы. Дальше проезжая часть, за ней посредине бульвар для прогулок молодежи...

Он со значением поглядел на Мороза. Тот улыбнулся:

— И это, оказывается, запомнили?

— Конечно. Цветы, кустарник декоративный — все как положено.

Мороз понимающе кивнул.

— Далее, за бульваром, — снова проезжая часть и правая сторона улицы. Конечно, как и с этой стороны, перед каждым домиком палисадник.

Они подошли вплотную к одному из домиков. В огороде увидели женщину с двумя ребятишками, один лет десяти, другой — пяти-шести. Ребятишки упрямо ковыряли землю.

— Поглядите-ка, вот труженик! — умиленно глядя на малыша с казавшейся огромной в его ручонках лопатой, воскликнул Мороз.

— Так в этом-то все и дело, Александр Васильевич! — с веселым задором ответила женщина, опершись на лопа-

ту. — Надо, чтобы они с малолетства полюбили землю и крестьянский труд, тогда никого из них в город и не потянет.

— Да, пожалуй, это главное, — согласился Мороз. — Простите, как вас звать-величать?

— Елизавета Никитична, — ответил за нее Залегин. — Заведующая молочнотоварной фермой. Жена нашего бригадира Шахнова.

— Помню! — кивнул головой Мороз. — А где он, кстати?

— В поле, — ответила Елизавета Никитична. — Ведь посевная началась. А у меня на ферме перерыв. Утреннюю дойку закончила и домой. Через час на вечернюю отправлюсь. А пока вот с огородом занимаемся.

— Ну и как вам новый дом, нравится? — спросил Мороз.

— Не то слово, Александр Васильевич, — ответила Шахнова. — Никак не нарадуемся! Внизу — подземный гараж и подвал, первый этаж — кухня, столовая, гостиная. На втором этаже спальня. Сарайчик неплохой, просторный, кирпичный. У нас там теленок да два поросенка. Вот только...

— Что только? — зорко взглянул на нее Мороз.

— Сарай поставили за двадцать метров от дома. Летом-то ничего. А зимой, чтоб к скоту выскочить, одеваться надо. А ведь в старых деревнях из дома в подворье прямой ход был. Удобно.

— Правильно, — кивнул Мороз. — Но с другой стороны, это ведь антисанитария? Навоз, мухи.

— Так это ж от хозяйки зависит! — засмеялась Шахнова.

— Мы с архитекторами решили так, — вступил в разговор Чернов. — Будем предлагать и такой вариант, и такой.

— Что ж, разумно! — согласился Мороз.

Вернулись к машинам. Хотя времени было уже около пяти вечера, апрельское солнышко еще жарило вовсю. Было так хорошо, что не хотелось сейчас никуда ехать. Поэтому, отпустив Чернова и Залегина в контору, Мороз и Фролов медлили, обмениваясь впечатлениями.

— Скажу откровенно, Иван Платонович, сердце радуется, когда вот такое видишь. А с другой стороны, есть определенные сомнения...

— Не возьмут ли верх частнособственнические интерес-

сы над общественными? Угадал? — быстро спросил Фролов.

— Да, — задумчиво ответил Мороз. — Я вот об этих ребятишках думаю, которых сейчас видели. Конечно, вырастут трудолюбивыми, любящими сельское хозяйство. Только вот на что это трудолюбие будет направлено? И так уже благосостояние на селе растет более быстрыми темпами, чем в городе...

— Это точно, — подтвердил Фролов. — Вы знаете, Александр Васильевич, что уже сейчас в этом же «Рассвете» каждая вторая семья имеет машину. А денег на машину, пожалуй, хватит в каждой семье...

— Вот видите! — оживился Мороз. — Есть, значит, вопрос? Поэтому тут надо очень внимательно изучать все социальные аспекты жизни села. С одной стороны, сам характер труда становится все более близким к промышленному — поглядите, вручную почти ничего не делается, все машинами. Причем труд не индивидуальный, а коллективный. Значит, и психология у селянина сейчас совсем не та, что, скажем, сорок лет назад. А с другой стороны, какая есть опасность? Как бы эти комфортабельные домики с участками не отделили бы людей друг от друга. Может быть такое?

— Вполне, — согласился Фролов.

— Вот и выходит, одна из важных задач партийных организаций на селе — поднять уровень культуры общения. Понимаете? Чтобы клуб стал не только местом проведения мероприятий, а как бы местом единения людей... Ну что, будем прощаться? — спросил Мороз, взяв Фролова под руку.

Фролов вдруг хитро улыбнулся.

— Имею одно смелое предложение!

— Ну-ка, ну-ка! — оживился Мороз.

— Поехали сегодня на охоту! Говорят, на озеро Чистое утки прилетели. Представляете, какая на озере сейчас красота? Вы ведь там сто лет не были!

— Давненько не был, — согласился со вздохом Мороз. — Но я же не собирался, не в костюме же ехать?

— Все найдем! Не волнуйтесь, — поспешил заверить Фролов, обрадованный согласием Мороза. — Отпускайте свою машину. Заскочим ко мне домой — и телогрейка найдется, и дождевик, и сапоги, а самое главное — ружье.

— Ах да, ведь ружье для охоты надо! — заразительно

расхохотался Мороз. — Эх, была не была. Только позвонить надо...

— От меня из дома и позвоните, пока собираться будем, — ответил Фролов.

— Постойте, а где мы заночуем? Для шалашика, знаешь, уже возраст не тот.

— Там рядом деревня, — сказал Фролов. — У кого-нибудь на постой попросимся.

— Удобно ли?

— Так нам всего на три-четыре часа. А светать начнет, мы и двинемся...

— Ну, тогда тянуть нечего, поехали!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

К озеру добирались по бездорожью. «Уазик» с ревом кидало из одной канавы в другую.

— Держитесь крепче, Александр Васильевич! — кричал Фролов перед очередной глубокой, наполненной водой колеей. — Хорошо, что вашу машину отпустили.

— Да, тут только на тракторах и ездить! — ответил Мороз. — Передний мост включен?

— А как же! — отвечал Фролов. — Уж свою «глубинку» я знаю.

Обоим было весело, оба чувствовали себя помолодевшими на добрый десяток лет.

— А вот и место назначения! — объявил Фролов.

Действительно, в вечерних сумерках замелькали немногочисленные огоньки. У первого же дома Фролов затормозил машину.

— Ну, к кому на ночлег проситься будем? — весело спросил Мороз.

— Сейчас спросим, — ответил Фролов, напряженно вглядываясь в сумеречную тишину деревни. — Я, честно говоря, на охоту в эти места давненько не ездил. Все больше в охотхозяйство, где домик для гостей есть...

Никто не показывался. Тогда Фролов трижды нажал на клаксон. Из ближайшего дома вышел пожилой мужчина.

— Чего надо? Заблудились? — не очень дружелюбно спросил он.

— Это деревня Величкино? — спросил Мороз, видимо не очень доверяя географическим познаниям Фролова.

— Она самая. А вы кого ищете?

— Нам бы переночевать где, — просительно сказал Иван Платонович. — С утра на озеро собираемся.

— Охотники, стало быть. Так это вам к бабе Клапе надо. У нее завсегда охотники останавливаются.

— А почему? — заинтересовался Мороз.

— Одна живет. Да и гостей привечает.

— А как нам ее найти? — спросил Иван Платонович.

— Очень просто. Всю деревню проедете, справа будет последний дом.

— Понятно, спасибо! — крикнул Фролов.

Минута, две, и они были у последнего дома.

— Невелико Величкино, — шутливо прокомментировал Мороз.

— Да, домов десять! — ответил Фролов и вылез из машины, поднялся на крыльцо и постучал. В окне показалась пожилая женщина в белом платке.

— Проходьте! — позвала она довольно приветливо.

Фролов соскочил с крыльца и подошел к окну:

— Здравствуйте! Охотники мы, на ночлег пустите? Мы хлопот особых не прибавим, уйдем раненько, часа в четыре...

— Так я и говорю — проходьте!

Фролов повернулся к Морозу:

— Ну что ж, пойдем, Александр Васильевич?

— Ружья возьмем или оставим в машине?

— На всякий случай надо взять. Хоть тут народ и небалованный, но ружье есть ружье. Кстати, где-то тут и сумка со снедью. Зоя Петровна приготовила...

Фролов забрался на заднее сиденье, нашел сумку, извлек два ружья в чехлах, одно передал Александру Васильевичу, спрыгнул на землю, плотно захлопнул дверцу машины.

— Пошли?

В сенцах было темно, и, если бы не приоткрытая в комнату дверь, через которую пробивался неясный свет, можно было бы и заблудиться. Комната, освещенная неяркой лампочкой в старинном шелковом абажуре, оказалась очень просторной. Она была разделена на две половины русской печью. В одной половине, видимо, была кухня, вторая представляла собой горницу. На полу лежали чистенькие цветастые дорожки. Такими же дорожками были обиты и рубленые стены. Мебели в комнате было немного — стол, две лавки и самодельная кровать,

настолько широкая, что на ней при желании могли улечься пять-шесть человек.

Мороз и Фролов у входа поспешно сняли сапоги, поставили ружья. Подошли поближе, чтоб познакомиться с хозяйкой. Была она сухонькой, невысокой. На морщинистом лице выделялись глаза — большие и лучистые.

— Давайте знакомиться, — степенно сказал Фролов, сняв шляпу и протягивая руку старушке, — меня зовут Иваном Платоновичем.

— А меня Александром Васильевичем, — в свою очередь, представился Мороз.

Старушка протянула в ответ сухонькую руку, которую оба почтительно пожали.

— А вас, простите, Клавдия, как по отчеству величать? — осведомился Иван Платонович.

— Просто величать — баба Кланя! — ответила старушка. — Не привыкла я к отчеству. Молодою все Кланькой кликали, а потом вот сразу бабой Кланей стала. Так что не обессудьте, проходите в горницу!

Они прошли в комнату, расположились на лавке у стола. Фролов начал извлекать из сумки пирожки, конфеты, колбасу, потом вопросительно взглянул на бабу Кланю, которая уселась на табурет, вплотную придвинутый к русской печке.

— Стаканы, что ли, подать? — с готовностью спросила хозяйка.

— Да нет, — засмущался Фролов. — Нам завтра очень рано вставать... а вот если бы вы чайку...

— Самовар еще горячий, я сама только пила, — ответила хозяйка и проворно скрылась в кухне.

— Может, не надо ее беспокоить? — тихо сказал Мороз. — Ворвались, понимаешь, в дом.

— А какое мне беспокойство? — сказала баба Кланя, внося самовар и ставя его на стол.

Из пузатенького буфета достала разнокалиберные чашки, блюдца, чайные ложечки.

— Спасибо, спасибо! Не беспокойтесь, — останавливал ее Фролов. — С нами сядете поужинать?

— Нет, я ведь только что чай пила, — отрицательно покачала головой старушка и снова села на свой табурет у печки. — Я уж тут посижу. Стариковская кровь, она не греет.

Гости принялись пить чай, поглядывая на бабу Кланю. Морозу хотелось расспросить ее поподробнее о жи-

тье-бытье, но не знал, с чего начать разговор. Неожиданно они услышали, как кто-то рядом тяжело и шумно вздохнул. Гости оглядели внимательно горницу — никого не было. Вдруг вздох повторился. Старушка, увидев недоумение гостей, с улыбкой пояснила:

— Это Светланка.

— Светланка? Дочь, что ли? — изумился Фролов.

— Нет, корова моя. Звать Светланкой. Она за стеной стоит и все слышит. Страсть любопытная!

— Значит, корову держите? — обрадовался Мороз. — И многие еще держат?

— Нет, моя последняя. И ей-то уже восемнадцать лет. Но молока дает много. Все деревенские ко мне за молоком ходят. Молочка парного хотите?

— Хотим! — воскликнул Мороз.

Через минуту на столе появился глиняный кувшин с молоком. Гости пили молоко с удовольствием, хвалили.

— Привыкла я к своей Светланке, — продолжала старушка. — Все-таки живое существо. Летом-то у нас хорошо. А как зима придет, все заметет — жуть. Иногда из дома не выйдешь. Хорошо, что директор заботливый. Трактор раз в неделю присылает дорогу чистить. Хлеб нам сюда возят. А за остальным в магазин пехом, за два километра. Ну ничего, мы народ на ногу легкий.

— А почему здесь магазина нет? — спросил Мороз.

— Нерентабельно, — с удовольствием произнесла слышанное не раз это слово баба Кланя. — Здесь же одни старики остались. Вся молодежь на центральную усадьбу подалась, в квартиры.

— Здесь, значит, им уже не нравится? — как бы больше про себя, чем для бабы Клани, спросил Фролов.

— Чему же нравиться? Школы нет, клуба тоже. Ведь мы это — неперспективные.

— М-да, — вздохнул Мороз, — неприглядная получается картина. Стало Величкино — Невеличкино.

— Точно, — подтвердила баба Кланя. — До войны в Величкине больше ста дворов было. Молодежи сколько! Хороводы водили! Речка наша, что к озеру ведет, чистая была, с рыбой. Это теперь она заросла так, что и воды не видно.

— Это почему же? — поинтересовался Мороз.

— Так, бывалоча, всем миром с косами на реку выхо-

дили, весь камыш и осоку выкашивали, вот она чистая и была. А сейчас кто, старики, что ли, пойдут?

— А куда же эти дома теперь подевались? — спросил Фролов.

— Так война, — вздохнула баба Кланя. — Почитай, в каждом дворе либо отца убило, либо сына, а то и обоих вместе... Одни бабы в колхозе и остались. Тяжело было. Все равно не унывали. Бывалоча, выйдем за околицу и частушки поем...

— Ну а сейчас-то жить полегче стало?

— Сейчас конечно! — ответила баба Кланя. — А сразу после войны нелегко было. Хоть мой старый с войны вернулся, так весь покалеченный. Достатку не было. На трудодни ни копейки не получали, так только, что с огорода брали. Задумался как-то мой старик, дескать, что делать, как дальше жить? А я ему и говорю: «Иди-ка ты, старый, в область, к самому Морозу, он чего-нибудь присоветует...»

— К кому? — изумленно переспросил Мороз.

— К Морозу, — спокойно объяснила старушка. — Это наш первый секретарь обкома. Очень умный мужчина.

Мороз гневливо посмотрел на Фролова, не специально ли это подстроено. Фролов, поняв немой вопрос, отрицательно замотал головой.

— В какие же годы это было? Мороз тогда в обкоме и не работал...

Баба Кланя, не обращая внимания на возражение гостя, продолжала свою байку:

— Пришел, значит, старый в обком, к Морозу. Послушал тот его и строго так говорит: «Меньше, товарищ, спать надо, и все у тебя будет».

— Это в каком смысле? — опять не выдержал Мороз.

— В том, значит, что работать побольше надо, — пояснила баба Кланя. — А дед мой взаправду понял.

Пришел домой, сел у окошка и сидит. Ночь подходит, а он все сидит. Я ему:

«Ты чего не ложишься?»

«Так надо!» — отвечает и сидит.

Вдруг видит, мимо дома кто-то на телеге едет. Он кричит:

«Эй, ребята! Вы куда собрались?»

А те ему отвечают:

«Тише, дед! Вот тебе куренка, только не кричи!»

Взял дед куренка, в подклеть его, а сам на печку. На следующую ночь опять у оконка сидит и видит — снова телега едет.

«Ребята, вы куда?»

А они ему:

«Тише, дед. Нá тебе гусенка, только молчи».

И так каждую ночь. И поросеночек у нас появился, и теленочек. И мешок с пшеницей, и сена добрая охапка. Зажили мы с дедом в достатке. Однажды он и говорит: «Напеки, мать лепешек, свезу Морозу. Надо же отблагодарить его за совет...»

Фролов уж и не смотрел в сторону Мороза, чтобы не расхохотаться, но почувствовал, что того снова передернуло.

— Напекла я, значит, лепешек, — певуче рассказывала баба Кланя, — дед мой сложил их в мешок и пошел в область. Приходит в приемную к Морозу, а в кабинет его с мешком не пускают. «Оставь, — говорят, — здеся свой мешок».

Положил дед мешок на стульчик и в кабинет. Мороз с ним приветливо так поздоровался, интересуется, как, мол, дела. Дед все рассказал, поблагодарил и говорит: «Не обессудь, прими от нас со старухой подарочек — лепешки наши деревенские». — «С удовольствием, — говорит Мороз, — а где же они?» — «Да в приемной оставил».

Вышли они вдвоем в приемную, туда-сюда, а мешка-то и нету. Мороз деда утешает, говорит, что, наверное, уборщица прибирала и положила куда-нибудь. А дед возьми ляпни: «Нет, товарищ Мороз, видать, и у вас есть такие, что не спят».

Мороз не знал, как реагировать — то ли злиться, то ли смеяться до слез, как это сделал не выдержавший все же Фролов. В конце концов расхохотался тоже:

— Ну, баба Кланя, развеселила.

— И то хорошо! — спокойно ответила хозяйка. — Пора вам, наверное, на покой.

— Погоди, баба Кланя, а где твой муж? — спросил Фролов.

— Помер он. Уж десять лет как помер. Детей у нас не было, вот одна и кукую.

— Материально трудно одной? — участливо продолжал интересоваться Иван Платонович.

— Да нет. Сейчас жизнь-то совсем другая. У меня

пенсия — сорок рублей. И совхозу постоянно помогаю — когда на ферме, когда в поле. А летом Светланкино молоко дачникам продаю.

— Дачники? — переспросил Мороз. — Откуда здесь могут быть дачи? Ведь продажа домов в сельской местности под дачи давно запрещена!

— А они по распискам покупают! — спокойно объяснила баба Кланя.

Мороз повернулся к Фролову.

— Как это — по распискам?

— Бывший владелец пишет новому расписку, что взял у него в долг, скажем, пятьсот рублей и что обязуется вернуть долг по первому требованию, — неохотно пояснил Фролов.

— И это как-то оформляется юридически? — продолжал Мороз.

— Да никак не оформляется, даже в нотариальной конторе, — пожал плечами Фролов. — Тем не менее, как юристы говорят, такая расписка даст основание подать в суд, если возникнет конфликт между бывшим домовладельцем и новым...

— А как местные власти реагируют? — прищурился Мороз.

— Боремся по мере сил, — поморщился Фролов. — Но за всеми не уследишь. А потом дачник хоть как-то дом старается сохранить — глядишь, звено поменяет или крышу перекроет. А так стоит дом заколоченный, гниет...

— Ну а почему самому бывшему домовладельцу в порядке дом не содержать? — не унимался Мороз.

— Дома продают, как правило, наследники, живущие в городе. Кому недосуг, кому просто неохота.

— Неохота? — переспросил Мороз.

— Конечно. Ведь если бы разрешалось наследникам иметь сад, огород, многие, наверное, держались бы и за дом. Они же из бывших деревенских, так что с удовольствием бы покопались в земле.

— Верно. А кто же запрещает?

Фролов с усмешкой посмотрел на Мороза:

— Директора совхозов ссылаются на решение областного Совета. Дескать, земли и так мало, а тут еще всякие наследники.

— А как земля эта используется? — повернулся Мороз к хозяйке.

— Никак, — вздохнула та. — Один бурьян растет.

— Ясно. По-моему, это перегиб, — покачал головой Мороз. — Как считаете, Иван Платонович?

— По-моему, тоже.

— Ну, и сколько дачников в вашей деревне? — обратился Мороз снова к бабе Клане.

— Домов пять занимают. Одна семья даже из Москвы.

— Ну а они не хотят огороды разводить?

— Дачники, они и есть дачники, — фыркнула баба Кланя. — Корзинку в руки и айда в лес. А зелень всю у меня с огорода берут. Да потом, когда им огород разводить, если месяц всего отпуск! На субботу и воскресенье и то не всегда выберутся. До той же Москвы, почитай, триста верст.

Мороз задумался, потом сказал:

— Иван Платонович, это очень серьезный вопрос. Я думаю, нам надо будет еще вернуться к проблеме наследников. Перегибов тут быть не должно...

— Ну ладно, ложитесь, — сказала баба Кланя, — не буду мешать. Вставать-то рано будете?

— Часа в четыре, — позевывая, ответил Фролов. — Толкните нас, баба Кланя, если заспим.

— А чего ж. У стариков сон хрупкий. Разбужу.

В избе было еще совсем темно, когда Фролов ощутил, что кто-то легонько потряхивает его за плечо.

— А? Что? — вскочил он, не понимая спросонья, где находится.

Потом поглядел на уже светлеющие окна и все вспомнил:

— Спасибо, баба Кланя, уже встаем.

Он разбудил Мороза, быстро оделись; в этот момент хозяйка внесла подойник с теплым, даже слегка дымящимся молоком.

— Свеженького молочка на дорожку.

— Спасибо, баба Кланя!

Они с удовольствием выпили по большой кружке молока с большим ломтем сухого хлеба и стали сердечно прощаться со старушкой. Та молча кивала головой на слова благодарности, но, когда они были уже у порога, вдруг сказала:

— Удачливой вам охоты, товарищ Мороз!

Мороз сначала замер, потом резко повернулся и подошел к хозяйке:

— Так вы меня знаете?

— Сразу узнала, Ляксандр Васильевич, хоть и дюже постарел. Помню, как ты к нам сюда приезжал, когда я еще дояркой работала. Вот вместе с ним! — кивнула она в сторону Фролова.

— Так вы и меня знаете? — удивился Фролов.

— Что же мы тут, совсем неграмотные? — обиженно поджала тонкие губы старушка.

— Да, в самом деле, припоминаю, был я в этом Величкине раньше, — задумчиво сказал Мороз. — Это, если не ошибаюсь, когда совхоз укрупняли, колхоз здешний ликвидировали...

— Точно! — обрадовалась баба Кланя. — Ох, и память у тебя, Ляксандр Васильевич.

— А вот вас не помню, — печально покачал головой Мороз.

— Где же тебе упомнить? На собрании было сотни две людей. Я тогда дояркой еще работала...

Мороз неожиданно сверкнул глазами:

— А коль вы меня знаете, что ж вы небылицы про меня рассказываете? Ведь не было никакой истории с лепешками! Да и вообще, такого и быть не могло, чтоб в партийном доме что-то пропало...

— Так то сказка, — без смущения ответила баба Кланя.

— Ну, знаете, в каждой байке должен смысл быть, — проворчал Мороз, потом вдруг сумрачно спросил: — А у вас что, воруют, баба Кланя?

— Когда плохо лежит, а начальство далеко, Ляксандр Васильевич, — спокойно ответила старушка, — то оно вроде и начинает путаться у некоторых где «мое», а где «обчественное».

— Как это? — не понял Мороз.

— Очень просто. От слова «мое» мы уже отвыкаем помаленьку, но и «наше» пока «моим» не стало. И значит, кто посмел, тот и съел. Если, конечно, это самое «наше» в хозяйстве можно приспособить. А так валяться будет, пока не сгниет. Поскольку в таком разе вся надежда на соседа.

— О чем это вы, баба Кланя? — нахмурился Мороз.

— Дак вон в овраге с прошлого года плуг лежит.

Пахали, потом бросили и забыли. И дела никому нет.

— Как же так, баба Кланя! — заспорил Фролов, которому историю с плугом было услышать крайне неприятно. — «Наше» — это значит и мое, и его, и твое.

— Это мы еще в первом классе по букварю проходили, — усмешливо ответила баба Кланя. — Только надо, чтоб до сердца дошло... Не каждый это «наше» пока принять к себе может...

— Ясно, — нахмурившись, кивнул Мороз. — Ну ладно, пошли мы. Спасибо вам большое, баба Кланя, и до встречи!

— Встретимся ли уж больше? — вздохнула старушка.

— Обязательно! — весело ответил Мороз. — И думаю, что скоро.

Фролов внимательно глянул на него, знал, что Мороз зря слов на ветер не бросает. Значит, что-то задумал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они дружно шагали по примороженной в этот утренний час земле, вдоль берега реки, действительно покрытой сплошь пожелтевшим камышом. Солнца пока не было. Вошли в сосновый бор, где еще стояла темень. Но сбиться с пути не давала речка, которая бежала к озеру. Минут через сорок энергичной ходьбы стволы сосен стали редеть, впереди показался белый просвет, и вот наконец охотники вышли на берег озера Чистое. Здесь царствовал туман. Не то что воды, прибрежных камышей не было видно.

— Куда ж мы пойдем? — чуть растерянно спросил Мороз, пытаясь хоть что-нибудь увидеть в тумане. — Небось охотники в камышах засады спроворили?

— Навряд ли, — ответил Фролов. — Место здесь дикое, берега топкие. В это время никакой машиной сюда не доберешься. Но если кто из заядлых охотников и оборудовал шалаш, все равно нам до него не добраться — лодки-то нет!

— Эх, горе-охотники! — засмеялся Мороз. — Ну и что вы предлагаете делать?

— Вон там, за камышами, — Фролов показал куда-то в сторону тумана, — заливчик. В этом месте речка впадает в озеро. Корма много. Так что прилетят сюда

обязательно. Поэтому давайте-ка сядем на это бревнышко, за камышами нас видно не будет, и спокойненько дождемся рассвета. Надо пока, кстати, ружья собрать.

— Ну что ж, давайте так, — согласился Мороз, и они не без удобств устроились на широком сосновом, гладко отполированном бревне, видимо выкинутом водой на берег.

Фролов тем временем достал одно ружье из чехла, ловко, хотя левая рука и была изуродована, прикрепил стволы к прикладу, щелкнул цевьем, зарядил ружье патронами с дробью и передал его Морозу.

— Все утки наши будут! — сказал он с усмешкой. — Ружье проверенное, бой кучный.

Мороз взял ружье, примериваясь, попробовал его навскидку, потом поставил меж колен. Фролов начал собирать второе ружье.

Задумчиво поглаживая правой рукой стволы, Мороз неожиданно спросил:

— Иван Платонович, а что, Раздаев действительно заядлый охотник был?

— Что он охоту любил, это точно! — хмуро, после некоторой паузы промолвил Фролов, прекративший даже сборку ружья.

Он пристально уставился в сторону тумана, будто силился увидеть что-то, и наконец проронил:

— Раздаев был у меня, с просьбой приходил.

— С какой?

— Умолял помочь выбраться из той ямы, в которую попал. Просил, чтобы я вам позвонил, чтобы вы замяли эту историю.

— Ну и что вы посоветовали? — настороженно спросил Мороз.

— Не знаю, как вырвалось. Но до того мне в этот момент обидно и больно было...

— Все-таки что вы такое ему сказали? — продолжал настаивать Мороз.

— Я отказался вам звонить. Грубо сказал, чтобы даже не смел ваше имя пачкать...

— Да, Иван Платонович, — Мороз покачал головой. — Видите, не имеем мы права свои эмоции наружу выплескивать. Слишком большая роскошь для нас...

В верхушки сосен ударили долгожданные лучи весеннего солнца.

— Капризное дитя солнца! — неожиданно сказал Мороз.

— Кто? — не понял Фролов, еще размышляющий о судьбе Раздаева.

— А вон та сосна, видите? — Мороз указал стволом ружья на сосну, стоявшую от них метрах в пятидесяти. — Пока она меж подруг к солнцу пробивалась, росла прямо, как стрела. А выскочила вверх и начала крутить. А верхушка какая! Обратите внимание на верхушку! Будто штопор!

Действительно, верхушка сосны причудливо изгибалась.

— Да, похоже, — согласился Фролов.

— Вот и иной человек так, — задумчиво заметил Мороз. — Пока карьеру делает, все вроде как у нормальных людей, никаких отклонений не видно. А добился руководящего поста, встал, так сказать, над коллективом, смотришь — куда скромность, куда моральная устойчивость подевались. Начинает всякие фокусы выкидывать. Ну прямо как эта сосна...

Фролов при этом снова невольно подумал о Раздаеве.

— Кстати, Александр Васильевич, раз у нас уж такой разговор пошел, хочу попросить вас...

— Что такое?

— В пятницу у меня жена Раздаева была, Роза Андреевна. Просила посодействовать с переездом. Желательно, говорит, подальше от Краснохолмска. Если возможно, то в областной центр. Объясняет, что и ей самой тут тяжело, но особенно дочке. Он же ее очень баловал, в школе она принцессой держалась... Девочка она самолюбивая, так до драки дело доходит.

— А кем Роза Андреевна работает? — поинтересовался Мороз.

— Преподает в вечернем институте...

— Тогда вопросов нет, — кивнул Мороз. — Поможем ей.

Прищурившись, Мороз наблюдал, как из тумана выходит яркое весеннее солнце. Потом негромко сказал:

— Хороша наша область. Кто-то из поэтов, не помню, назвал ее жемчужиной России. Осенью, когда у нас на востоке области торфяники загорелись, я в сельскохозяй-

ственной авиации вертолет взял, чтобы увидеть, насколько опасны эти лесные пожары и как эффективно изолируют пожарники эти очаги. Ну и не удержался, попросил летчика по большому кругу пройти, чтобы всю область посмотреть.

— Ну и как, красиво, наверное? — спросил Фролов.

— Вы знаете, удивительное чувство испытал... Вертолет шел довольно низко, видно все как на ладони. Города, поселки, деревни, дороги, поля. Ну вы же летчик, что вам рассказывать! И знаете, Иван Платонович, вдруг как-то очень зримо почувствовал, сколько сделано в области за последние десятилетия! И новые поселки появились, и новые заводы, и новые фермы и сельскохозяйственные комплексы. Честно скажу, радостно было все это видеть. Хотя кое-что и огорчило...

— Что именно? — поинтересовался Фролов.

— Ну, во-первых, садовые коллективы, что вокруг каждого города как грибы вырастают...

— Но дело ведь хорошее! — возразил Фролов. — Осваиваются бросовые земли, бывшие карьеры, болота. И польза двойная — горожане свой досуг на воздухе проводят, физической работой занимаются, и с толком — овощи, фрукты выращивают. Прошлый сезон был яблочный, так многие наши садоводы излишки урожая в детские сады отдали. Благородно!

— Разве я спорю? Дело полезное, несомненно, — усмехнулся Мороз. — Но посмотрел, как строят — кто в лес, кто по дрова! Кто хибарку слепит, а кто двухэтажный коттедж. А все почему? Участки исполком облсовета стал выдавать, а вопрос со строительством дачных домиков как следует не решили. Две лесоторговые базы организовали у себя производство щитовых домиков. Но сколько они делают? Сотни две-три в год. А надо тысячи. Вот и пошла самодеятельность! Вместо красоты уродство.

— Это еще полбеды! — покачал головой Фролов. — Поскольку материалов не хватает, начали покупать «слева». Двойное разложение получается — садоводы толкают строителей на воровство. Мы тут недавно с одним коллективом разбирались...

— Это надо пресекать решительным образом, — сурово сказал Мороз. — Но самое главное, нужно как можно скорей развивать производственную базу по изготовлению полносборных домиков. Иначе проблему не решить.

— Да, проблем хватает, — согласно кивнул Фролов и, сочувственно взглянув на Мороза, вдруг добавил: — Что, нелегка ноша — такая область, как наша?

Мороз не ответил. Он не отрываясь смотрел на озеро, которое постепенно освобождалось от тумана.

— Знаете, какая моя самая заветная мечта? — сказал он неожиданно. — Сохранить всю эту красоту для будущих поколений. Сохранить и умножить. Чтобы наши города и деревни тоже радовали глаз. И главное, чтобы люди на этой земле были самые красивые и добрые... — И добавил, очевидно, вспомнив бабу Кланю: — А «наше» чтобы было действительно нашим!

— Так и будет, Александр Васильевич! — твердо сказал Фролов. — Вспомните, как трудно было в первые послевоенные годы. И голодали и холодали. По вагонам нищие ходили. А как одевались? Особенно за детей у меня душа болела. У меня и сейчас сердце сжимается, если вижу плохо одетого ребенка. Значит, в семье трагедия. Либо отец пьет, либо мать, либо оба вместе...

— Да, бывает такое, — нахмурился Мороз.

— К сожалению. Недавно лишали одну женщину материнских прав. Спилась. Приехал я к ней, зашел в комнату, а в комнате ни стола, ни стула, ни кровати. Трехлетний малыш спал в каком-то тряпье. Ужас!

— Страшная вещь — пьянство! — горько согласился Мороз. — И одними репрессивными мерами делу не поможешь. У людей свободного времени много, и материально лучше живут, а вот жить как надо еще не все научились.

Мороз снова задумчиво посмотрел на воду, серебрящуюся в лучах солнца, и негромко сказал:

— Помните, конечно, что написано на наших партбилетах? Великие слова: «Ум, честь и совесть». Вдумайтесь хорошенько. «Ум и честь» — это могли бы написать на своих знаменах многие прогрессивные партии. А «ум, честь и совесть»? Как это хорошо! Удивительно точно и емко! И какая огромная ответственность за будущее ложится на нас, коммунистов! В том числе и за того малыша, о котором вы рассказывали... — И вдруг спросил: — Сколько у вас внуков, Иван Платонович? Один или два? Что-то я запамятовал.

— Один. Ваней зовут. В этом году в школу пойдет.

— А у меня трое, — с нескрываемой гордостью заявил Мороз. — Два внука и внучка. Мне порой кажется, что

я их больше сына и дочери люблю. Верите, каждую свободную минутку стараюсь с ними побыть. Вот и сейчас, сижу тут и чувствую себя предателем: им бы такую красоту показать.

— Понимаю. Я тоже в своем Ванятке души не чаю, а уж что про бабушку, Зою Петровну, и говорить нечего. Скорей бы, заявляет, на пенсию, чтоб внука нянчить.

— Тут, наверное, какая-то закономерность есть, — негромко произнес Мороз. — Детям мы меньше времени уделяем, то ли более заняты, то ли более эгоистичны бываем в том возрасте...

Туман отступал все больше. На камышинке прямо перед ними закачалась и звонко зачирикала маленькая серенькая пичужка. Ей ответила какая-то певунья из леса.

— Однако сейчас должны лететь! — озабоченно сказал Фролов и еще раз внимательно осмотрел свое ружье. — Александр Васильевич, будьте готовы.

— Всегда готов! — бодро сказал Мороз, вглядываясь в небо, которое из белесого становилось все более голубым.

Вдруг послышалось характерное хлопанье крыльев. И в тот же момент они увидели стремительно приближающуюся крупную крякву. Не сговариваясь, охотники дружно вскочили, вскинув ружья. Но тут случилось необыкновенное. Утка мгновенно замерла в вышине, потом внезапно круто развернулась на сто восемьдесят градусов и стала уходить.

Машинально оба нажали на курки. Далеко раздалось эхо выстрелов. Потом поглядели друг на друга и рассмеялись.

— Ученая попалась! — с досадой сказал Фролов. — Видать, знает, что такое ружье.

— А вы думали! — рассмеялся Мороз. — Только такие умные и выживают.

Снова сели на бревнышко, нежась в ярких лучах солнца. Но Мороз уже не обращал внимания на красоты природы, было видно, что какая-то мысль не дает ему покоя. Поймав удивленный взгляд Фролова, сказал:

— Разбередила мне душу баба Кланя. Подумать только! Было больше ста дворов в Величкине, а теперь десять, да и то половина под дачи занята...

— Александр Васильевич! Не машите вы так ружьем, оно же стрельнуть может, — сказал вдруг Фролов.

— Что? — недоуменно спросил Мороз, недовольный тем, что его прервали, потом взглянул на ружье, зажатое в правой руке, которой он жестикулировал, и рассмеялся: — Ах да, ружье! Заберите его от греха подальше. Все равно уже не прилетит никто. Думаете, она не сообщила остальным, что тут засада? Утки, они хитрые.

— Давайте ружье! — протянул руку Фролов и, ловко разломив его, продолжил: — Таких деревень, как Величкино, по десять дворов, у нас не так уж много. Есть и большие деревни, дворов по сорок и больше. Вот в двух километрах деревня Захарьино. Там раньше отделение было. И сейчас ферма неплохая, на двести голов, магазин, бригадный домик. Так что дачников или заколоченных домов практически нет...

— Ферма неплохая, говорите? — переспросил Мороз.

— Во всяком случае, надои выше среднеобластных. Правда... — Фролов неожиданно замялся.

— Вы что-то недоговариваете? — поинтересовался Мороз.

— Часть доярок с центральной усадьбы на работу ездят.

— Почему? Деревня большая, а народу не хватает? Как это понимать?

— Люди старшего и среднего возраста предпочитают в деревне жить, а молодежь-то вся на центральную усадьбу стремится, где удобств побольше.

— Вот как, — нахмурился Мороз. — Значит, и большие деревни, вроде Захарьина, стареют... Нет, это ненормальное явление. Надо что-то предпринимать. А что мы здесь высиживаем? Пошли в деревню.

Фролов, закинув оба ружья на правое плечо, заспешил за ним.

Они вышли к машине, оставленной Фроловым на берегу речушки. Фролов спросил:

— Ну что, сразу на центральную усадьбу?

Мороз не спешил с ответом. Хитро посмотрел на Ивана Платоновича, подумал и сказал:

— Нет, Иван Платонович, давайте-ка мы для начала заедем на ферму, в Захарьино. Народ уже должен быть.

Фролов посмотрел на часы:

— Да, утренняя дойка в самом разгаре, если не заканчивается. Так что в самый раз.

У фермы действительно стоял молоковоз. Осторожно перешагивая через навозные лепешки, вошли в здание

фермы. На доильной площадке было чисто. Карболка, щедро посыпанная на переходах, отбивала все другие запахи. Ловко сновали доярки со стаканами доильных аппаратов.

— Здравствуйте! — громко сказал Иван Платонович. — А где бригадира нам найти?

— Она в операторской!

В операторской они увидели молодую женщину в белом халатике и такой же белой косынке. Она озабоченно смотрела на приборы, делала какие-то записи в толстом журнале.

— Здравствуйте! Вы бригадир? — спросил Мороз.

— Ой! — смутилась женщина. — Здравствуйте, Александр Васильевич. Здравствуйте, Иван Платонович.

— Здравствуй, Галочка! — весело сказал Фролов. — Александр Васильевич, познакомьтесь — Спиридонова Галина Тихоновна, молодой коммунист. Недавно в партию приняли. Была одной из лучших доярок, кончила техникум, теперь бригадир.

Мороз одобрительно улыбнулся, спросил:

— Сколько на ферме голов?

— Двести.

— Ну и как вы, Галя, считаете, где лучше работать — на комплексе в две тысячи голов или здесь?

— Здесь лучше, конечно, — твердо ответила бригадир, оправившись от смущения.

— Интересно, почему? — оживился Мороз. — Ведь по расчетам на комплексе производительность выше.

— Может, и так, но зато надой выше здесь, потому что коровам теплее и уютнее. И нам порядок и чистоту легче поддерживать. Потом, каждую корову знаешь. А это тоже важно. Они ведь ласку любят, к каждой свой подход нужен.

— Ну и какие у вас здесь надои? — продолжал расспрашивать Мороз.

— За прошлый год — по три тысячи восемьсот килограммов от каждой! — не без гордости сказала бригадир.

— Неплохо. Совсем неплохо! — кивнул Мороз.

— Можно было бы и больше получать, вот только... — замялась Спиридонова.

— Что только? Опять перебои с кормами? — не удержался от вопроса Фролов.

Спиридонова повернулась к нему:

— Нет, Иван Платонович, корма теперь возле фермы, под навесом. Так что с этим все в порядке.

— А что же не в порядке?

— Да наша езда туда-сюда! Конечно, дежурного мы оставляем на ночь, но разве одна за всеми присмотрит! Коровам несладко, да и нам тоже — четыре раза в день трястись по пятнадцать километров.

— А чего здесь не живется? — не без лукавства спросил Фролов. — Ты ведь вроде здешняя.

— Здешняя? — переспросил Мороз.

— Родилась здесь, каждый кустик знаю...

— И от такой красоты уехала? Ах, Галочка, Галочка! — с напускной суровостью сказал Фролов.

— А что было делать? У меня ведь двое ребятишек. Муж — механизатор. Что же мне, работу бросать?

— Ну а если бы здесь детский садик был? — неожиданно прищурился Мороз. — Вернулись бы?

— Конечно! — радостно ответила Галина, но тут же сникла. — Хотя...

— Что «хотя»? — придирчиво спросил Мороз.

— Привыкли мы к городским удобствам — водопровод, тепло, ну и прочее.

— Понятно, — кивнул Мороз. — Значит, не только детский сад, но и чтоб жилье было благоустроенное. Понятно...

Незаметно их окружили и остальные доярки, закончившие дойку. Пожилые и молодые, они одинаково напряженно вслушивались в разговор секретаря с бригадиром.

— Да что говорить, товарищ секретарь, — не выдержала одна, что постарше. — Моемся в избе, из корыта...

— А что, бани нет?

— Так ее два дня топить надо, еще воды от реки потаскай. Дров не напасешься, к тому же некогда, работа. Так и сгнила банька за ненадобностью. Конечно, молодых понять можно.

— Значит, ничего и сделать нельзя, чтобы молодежь вернулась в Захарьино? — хитро прищурился Мороз.

— Сразу и не ответишь, товарищ секретарь, — покачала головой пожилая доярка. — Тут миром надо подумать...

— Как? Миром? — живо переспросил Мороз и, повернувшись к Фролову, сказал: — Иван Платонович, а ведь

это очень правильное предложение — подумать миром.

Фролов удивленно поднял брови:

— Не понял, какое предложение?

Но Мороз, не ответив, вновь обратился к дояркам:

— Товарищи! А не собрать ли нам здесь, в Захарьине, сельский сход да из окрестных деревень жителей пригласить, а?

Доярки замялись, переглядываясь.

— Скажите честно, когда у вас последний сельский сход был?

— Да, кажись, после войны, — неуверенно ответила одна.

— У нас теперь сессии сельсовета! — бойко ответила Спиридонова.

— Где? — спокойно-насмешливо спросил Мороз.

— На центральной усадьбе, конечно, в клубе.

— Ну и сколько от вашей деревни депутатов?

— Человека три, кажется! — засмущалась Спиридонова.

— Вот видите! Как же тут миром советоваться, что делать с деревней! Так как, соберем сельский сход?

— Соберем! А чего же? Надо, конечно! Давно пора поговорить! — согласились доярки.

— Значит, договариваемся так: ровно через неделю проводим в Захарьине сельский сход. Так уж подготовьтесь как следует. Разговор-то серьезный предстоит. Горком партии вам поможет, — кивнул Мороз на Ивана Платоновича и, прощаясь со всеми за руку, шутливо заметил: — Явка строго обязательна!

Их вышла проводить бригадир.

— А где лучше народ собрать? — спросил ее Мороз. — Может быть, вот в том домике?

Галя даже испугалась, взмахнула рукой.

— Что вы, Иван Платонович! Туда страшно заходить, не то что сидеть.

— Страшно? — с любопытством посмотрел на нее Мороз. — А ну-ка пойдем взглянем! Он открыт?

— Конечно! — кивнула бригадир. — Там уж давно запирать нечего.

Бригадный домик стоял на отшибе, на другом конце села. Рядом простиралась огромная лужа.

— Когда-то пруд был, — с грустью сказала Галя. — Даже рыба водилась. А теперь лягушки и те пренебрегают.

Подошли к домику, внешне напоминавшему запущенный сарай, хотя крыша была покрыта шифером, а стены оштукатурены.

Мороз направился к двери, просевшей от сырости, и с трудом, со второго рывка отворил ее. В нос ударил затхлый запах.

— Осторожнее! — сказала бригадир. — Тут полы кое-где прогнили, провалиться можно.

И внутри было не лучше. Стулья, и целые и сломанные, были свалены в один угол. В другом углу стоял обшарпанный стол.

— М-да! — согласился Мороз. — Пожалуй, тут собрание не проведешь.

— Строители уж полгода отремонтировать собираются, — махнула рукой бригадир.

— Полгода? — сверкнул глазами Мороз так, что Спиридоновой стало не по себе. — Я вас не виню, Галя. Себя больше виню, вот его, — кивнул на Фролова. — Ну и, конечно, директора вашего. Такую деревню губим! Однако что будем делать? Часть стульев, я заметил, более или менее целые. И стол, кажется, еще ничего.

— Будем проводить здесь! — твердо сказал покрасневший от стыда Фролов. — Я думаю, что мы сумеем убедить Чернова послать строителей, чтоб за неделю навели порядок.

— Ну что ж, значит, договорились! — сказал Мороз. — Здесь, в Захарьине, и встретимся.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Похоже, что этот понедельник обещал стать днем бурным. Едва Иван Платонович расположился за своим столом и углубился в дневник-календарь, намечая свою работу на неделю, как вошла Старцева.

— А, Юлия Васильевна, очень кстати! — произнес Фролов, бросив на вошедшую взгляд и снова обратившись к календарю. — В следующее воскресенье нам с вами предстоит необычное мероприятие...

Тут он снова взглянул на Старцеву и испугался: та сидела необычайно бледная, лишь на скулах горели ярко-красные пятна.

— Юлия Васильевна, голубушка, вы не заболели?

Старцева вдруг заговорила ледяным, непохожим на ее обычно мягкий тембр голосом:

— Иван Платонович, сколько времени вы меня собираетесь за девочку-исполнителя держать? «Юлия Васильевна, поезжайте туда, Юлия Васильевна, сделайте то-то». А мне ведь, между прочим, сорок лет, и я как-никак второй секретарь горкома, поэтому требую, чтобы со мной советовались! Особенно по сельским кадрам.

— Ого, впервые слышу, чтобы вы говорили со мной в подобном тоне. А вам не кажется, что вы сами, может быть, виноваты в таком отношении к вам. Никогда не спорите, со всем соглашаетесь?

Старцева упрямо тряхнула головой:

— Терпела. Но в конце концов всякое терпение может лопнуть. Я не вмешиваюсь, когда речь идет о городских партийных организациях...

— Ну и зря! — вставил Фролов. — Вы действительно теперь второй секретарь, значит, моя правая рука...

— Но уж когда дело касается сельских парторганизаций, настоятельно прошу без меня единоличных решений не принимать!

Фролов начал раздражаться:

— По-моему, все принципиальные вопросы, касающиеся любой парторганизации, мы решаем коллективно, на бюро горкома. Разве не так?

— К сожалению, не всегда, Иван Платонович, — твердо возразила Старцева.

— А нельзя ли поконкретнее? — прищурился тот.

— Пожалуйста. Залегина отпустить дали согласие?

— Ах, вон оно что! — протянул Фролов. — Да, дал.

— А почему со мной не посоветовались?

— Ну, во-первых, звонок был неожиданный... Вы были в каком-то совхозе, а Залегин уже сидел в кабинете начальника управления, и надо было давать ответ сразу. Во-вторых, вы знаете мой принцип — против желания не удерживать человека, тем более когда он идет на повышение... Считаете, что я был не прав?

— Безусловно! Надо было потянуть, посоветоваться со мной, с Черновым.

— Ну а какие у вас возражения по существу?

— Как какие? — Старцева даже возмутилась. — Мы оголяем такой важный участок. Где мы в совхозе найдем такого человека, который бы заменил Залегина?

— Ну, Юлия Васильевна! — протянул Фролов. — По-моему, это снобизм.

— Снобизм? — удивилась Старцева.

— Именно! — подтвердил Фролов. — Мы что же, так и родились партийными работниками? Вспомните хотя бы себя.

Старцева на какое-то время смешалась, а Фролов, тепло глядя на нее, подумал: «Вот и выросла наша Юлия Васильевна»...

Взяли ее инструктором в горком с должности главного агронома совхоза. Потом стала заведующей сельхозотделом... Единственный недостаток — терялась сначала в больших аудиториях, выступала только с бумажкой, комкала слова, запиналась. Потом стала держаться увереннее, однако, даже когда и вторым секретарем избрали, еще не всегда умела перебороть робость, особенно в разговорах с вышестоящим начальством. Фролов не раз хотел поговорить с ней на эту деликатную тему, но каждый раз откладывал, боясь обидеть.

И потому Иван Платонович был доволен и даже немного поддразнивал Старцеву.

— Снобизм это, Юлия Васильевна, снобизм! Нет у нас незаменимых людей. Тем более в совхозе «Рассвет». Председатель сельсовета Макарова — чем не будущий секретарь?

— И все-таки на Залегина у меня были другие виды! — не сдавалась Старцева.

— Какие же, если не секрет? Что же вы свои планы держите в тайне от первого секретаря?

— Да ну вас, Иван Платонович! — воскликнула Старцева, поняв наконец, что Фролов подсмеивается над ней. — Я думала, что поговорим об этом, когда будем рассматривать резерв на выдвижение кадров. Вы же знаете, в колхозе «Новый путь» председатель через два года на пенсию собирается. Я и предполагала туда Залегина предложить.

— Ну, во-первых, машинно-испытательная станция не менее важный участок и находится не где-нибудь, а в нашем районе, а, во-вторых, Залегин может и засидеться. Сколько он у нас секретарствует, шестой год? Не многовато ли? Но больше никого из сельских кадров без вашего ведома не трону.

Фролов вышел из-за стола, протянул ей руку:

— Ну что, мир?

— Мир, Иван Платонович. Разве можно на вас сердиться!

— Ну вот и отлично! — И Фролов пригласил Старцеву присаживаться поближе. — Дело нам действительно предстоит серьезное...

Она внимательно слушала рассказ Ивана Платоновича о визите в Величкино, о разговоре с бабой Кланей, о встрече с доярками Захарьинской фермы и, наконец, о намерении провести там сельский сход.

— Мы должны наконец решить проблему возрождения таких деревень, как Захарьино, Величкино, и им подобных! — не без пафоса закончил Фролов.

— Под словом «возрождение» следует понимать реставрацию? — задала неожиданный вопрос Старцева.

— Ну, если хотите, реставрацию, — благодушно заметил Фролов.

— Реставрации не хочу! — отрубила Юлия Васильевна.

— Вот как? Может, объясните?

— Объясню, — тряхнула коротко остриженными волосами Старцева. — Не обижайтесь, Иван Платонович, давайте начистоту — вы ведь горожанин, или, как теперь принято говорить, урбанист. В городе родились, в городе живете. Да и Александр Васильевич, по-моему, тоже никогда в деревне не жил, ведь так?

— Так. И не понимаю, почему я должен обижаться...

— А я в деревне родилась, выросла, школу кончила. После Тимирязевки снова в деревню вернулась. Так что, поверьте, очень хорошо эту деревню знаю.

— Так, так, интересно. Значит, у вас свой взгляд на проблемы возрождения села?

— И теперь я часто бываю в деревнях, много говорю, знаю, что будут предлагать — детский сад, начальную школу, чтоб фельдшер был.

— Ну и что? Разве это не законные просьбы?

— Законные. Действительно, без этого деревня сегодня не проживет. Но будут и другого рода просьбы — избу починить, водяное отопление сделать, чтобы, извините, и теплые туалеты были.

— Ну и что?

— А то, что с такими просьбами надо внимательно разбираться в каждом конкретном случае, — сказала Старцева. — Понимаете, Иван Платонович, многие еще живут иждивенческими настроениями: «Вот пусть при-

дет какой-нибудь дядя и крышу мне перекроет». Деревенский народ, он ведь очень непростой, очень разный.

Фролов рассмеялся:

— Что-то вы уж слишком зло говорите, Юлия Васильевна.

— Просто хорошо деревенских знаю. Вот вам баба Кланя очень понравилась. И байки вам небось всякие рассказывала.

— Рассказывала, — кивнул Фролов.

— А байки-то у нее со смыслом вредным, дескать, воровали, воруют и будут воровать. Что, не так? Вот вам и ваша баба Кланя. Конечно, надо помогать одиноким старикам. Но все ли они одиноки? Смотришь, бабушка одна живет, а в городе у нее сыновья и дочери. Так пусть и ремонтируют родителям дом. И с молодежью разговор надо повести без сюсюканья — хотите такой коттедж, как на центральной усадьбе, на здоровье. Стройте индивидуально, а материалами вас обеспечим. Возьмите ту же Галю Спиридонову. У нее два брата, да и у мужа, Василия, куча родственников. Они же, если возьмутся, за лето кирпичный дом отгрохают. А когда появятся первые такие домики в деревнях, глядишь, и другие потянутся строить. Вот уже и будет не реставрация, а обновление села.

— Насчет конкретного подхода, Юлия Васильевна, здесь, пожалуй, вы правы, а вот насчет баек бабы Клани, думаю, что нет. Она ведь не наговаривает на людей, другое дело, что свои мысли, так сказать, притчами излагает, ну, так это у нее от опыта, от возраста... Словом, значит, я прав, что поручил именно вам подготовить этот сельский сход.

Старцева вышла, сказав, что ей пора ехать открывать семинар секретарей парторганизаций, а Фролов вернулся за письменный стол, энергично потирая лоб и размышляя о непривычном разговоре со своим вторым секретарем...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Фролов и Старцева, поджидавшие Мороза у околицы Захарьина, глядели и не могли наглядеться на нежную зелень, припорошившую темный лес.

— Хорошее обещают лето, — подставляя лицо под яр-

кие утренние лучи весеннего солнца, сказала Старцева. — Так что будем с хорошим урожаем, Иван Платонович.

— Вашими бы устами да мед пить, — вздохнул Фролов, — всякое еще может быть.

И озабоченно взглянул на часы.

— Сколько?

— Без пятнадцати одиннадцать.

— Значит, сейчас будет. Насколько я помню, Мороз ни разу не опаздывал, — успокоила его Старцева.

Действительно, на пригорке мелькнула желтая машина Чернова.

— Значит, не рискнул Александр Васильевич на своей машине сюда ехать, — догадался Фролов. — Ну и правильно. Сейчас солнышко, а через два часа, глядишь, дождь пойдет. Размокнет дорога, и не выберешься.

Через минуту машина остановилась около встречавших. Из нее вышли Мороз и Чернов.

— А что Залегина с собой не захватили? — вполголоса спросил Фролов у Чернова.

— Он с агитбригадой к механизаторам Шахнова поехал, — ответил Чернов и, в свою очередь, поинтересовался: — А почему Комаровой не видать?

— Она там, в бригадном домике, хлопочет, — ответил Фролов. — Мы решили ей не мешать и встретили вас здесь. Александр Васильевич, не хотите прогуляться? Минут десять у нас еще есть.

— С удовольствием разомнусь, — с улыбкой ответил Мороз, жадно вдыхая всей грудью по-утреннему прохладный и чистый, как родниковая вода, воздух.

Они шли, не торопясь, критически оглядывая каждый дом.

— Вон крыша совсем прохудилась, — заметил Мороз. — Какими-то клочками толя покрыта. Неужели шифера нельзя достать?

— С шифером сейчас не вопрос, Александр Васильевич, — ответил Чернов. — Были бы у хозяев руки. А то вон как крыльцо раскорячило — половины ступенек нет. А забор? Того и гляди ляжет.

Неожиданно Мороз остановился.

— Тихо-то как! Прямо как на кладбище. Даже куры не кудахчут...

— Так ведь народ весь там, у бригадного домика, — не понял Фролов. — И из Захарьина, и изо всех окру-

жающих деревень, в том числе и из любимого нашего Величкина...

— Народ уже собрался! — подтвердил Чернов.

— Что ж, пойдем и мы!

...У входа в бригадный домик, блестевший свежей побелкой, гости увидали стайку мальчишек и девчонок. Они, видимо, пытались прорваться, но их не пускал пожилой мужчина, стоявший у входа.

— Кыш, говорю. Кино позже будет, тогда и приходите.

Мороз остановился.

— Товарищ! Почему вы ребятишек гоните?

— Так сельский сход — дело серьезное, не детского ума, товарищ Мороз. Мешать будут.

— Пусть идут. — Мороз повернулся к ребятам: — А ну, за мной, пацаны! Садитесь на первый ряд, сидеть тихо и чтоб на всю жизнь все запомнить, ясно?

Торжествующие ребята кинулись за ним следом.

Мороз вошел, осмотрелся и заметил:

— Неужели это тот самый бригадный домик, где мы были неделю назад? И экран новый, и пол покрашен. Даже наглядная агитация имеется. Чудеса можем делать, когда захотим.

И хитро посмотрел на Чернова. В этот момент к ним подошла невысокая полная белокурая женщина.

— Вот, Александр Васильевич, разрешите представить, — обрадовавшись возможности уйти от рискованной темы, прогудел Чернов. — Это председатель сельсовета Комарова Маргарита Ивановна.

Мороз, видимо вспомнив недавний разговор о кандидатуре секретаря парткома, невольно перевел взгляд с Комаровой на могучую фигуру Чернова и усмехнулся. Потом, взяв под руку Комарову, неторопливо пошел с ней к президиуму, не забывая здороваться на ходу. У сцены они остановились, и Мороз негромко спросил:

— Как думаете, Маргарита Ивановна, разговор получится?

— Получится, Александр Васильевич, уверена! — твердо сказала она. — Народ, знаете, с какой охотой собирался? Людям есть что сказать, наболело.

— Вот видите! — обрадованно откликнулся Мороз. — Значит, видимо, не зря мы все это затеяли. А как вы повестку дня определили?

Комарова слегка замешкалась.

— Я как-то не подумала. Может, так сформулировать:

«О перспективах дальнейшего социального развития совхоза «Рассвет».

Мороз слегка поморщился:

— Я думаю, проще надо, доходчивей. Скажем, так: «Какой быть нашей деревне?» А? Не возражаете? Что ж, пойдем в президиум. Если позволите, сначала я, так сказать, для затравки выступлю.

Мороз внимательно вглядывался в сидящих перед ним людей. Поймут ли они его, отзовутся ли? Мелькали молодые лица... «Девчата из бригады Спиридоновой», — догадался Мороз. Были и степенные, в годах, мужики. «Средний возраст под шестьдесят», — определил он. Немало было если и не старушек, то очень и очень пожилых женщин. Всего присутствующих Мороз насчитал около ста. «Как же нам поднять эту рать и рать ли это?» — невесело подумал он.

Комарова, занявшая место в центре стола, встала и звонко сказала:

— Товарищи жители деревень Захарьино, Величкино, Дворики и Щеглово! Сегодня мы собрались с вами на сельский сход, чтобы обсудить один очень важный вопрос, который волнует всех нас: какими быть Захарьину и рядом расположенным малым деревням. Надо, чтобы каждый житель встал и сказал, что он думает и какие у него есть предложения...

Люди начали переговариваться, и вскоре создалось впечатление, будто в зале повис рой пчел.

Мороз одобрительно посмотрел на председателя сельсовета, взявшей удивительно верный тон для предстоящего серьезного разговора. Посмотрел на Фролова, понял, что и тому вступление Комаровой понравилось, усмехнулся... Но в этот момент Комарова, не дождавшись предложений, сказала:

— У нас на сходе в гостях первый секретарь обкома партии Александр Васильевич Мороз, секретари горкома партии Иван Платонович и Юлия Васильевна Старцева. Разрешите предоставить слово первому секретарю обкома...

Мороз, не дожидаясь конца фразы, поднялся и шагнул из-за стола вперед, поближе к сидящим жителям.

— Дорогие товарищи! Нет сейчас для каждого сельского труженика дела важнее, чем выполнение Продовольственной программы... В нашей области многое сделано за эти годы по дальнейшему подъему сельскохозяйственного

производства, по повышению уровня механизации сельского труда, его дальнейшей специализации. Как вы знаете, Продовольственной программой намечены и значительные социальные преобразования на селе.

Было время, — продолжал Мороз, — когда мы радовались возведению первых пятиэтажек на центральных усадьбах наших хозяйств. Тогда это было решением проблемы. Нужно было закрепить кадры специалистов на селе. Но сегодня эти дома уже не удовлетворяют многих сельских жителей. Поэтому все шире практикуется создание сельских жилищно-строительных кооперативов, индивидуальная застройка домами усадебного типа, где есть и приусадебные участки для сада и огорода, и пристройки для скота.

Однако строительство новых деревень ведется в основном на центральных усадьбах, там концентрируются практически все работники хозяйств, поскольку там и детский сад, и школа, и больница, и клуб, и многое другое. А как быть с такими деревнями, как ваши? Вот о чем нам нужно поговорить...

Могу сказать, — чуть повысил Мороз голос, — что у нас в области свыше четырех тысяч деревень. В свое время половину из них определили как неперспективные. А что это значит? Школы начальные в таких деревнях ликвидировали, всякое строительство прекратили, и молодежь стала переезжать на центральные усадьбы, а то и в город...

Стало шумно. Мороз поднял руку, призывая к вниманию.

— Обком партии вовремя во всем этом разобрался, и мы запретили деление деревень на перспективные и бесперспективные. Однако честно скажу, что процесс этот еще не остановился. Что делать?

Он вдруг улыбнулся, что-то вспомнив, и сказал:

— Неделю назад мы с Иваном Платоновичем имели долгую и содержательную беседу с бабой Кланей из деревни Величкино. — Жители деревни, видно, хорошо знали бабу Кланю, знали и ее байки, а потому дружно рассмеялись, но Мороз веселого настроения не принял и продолжал серьезно: — Рассказала она нам, что в ее деревне до войны больше ста дворов было, и молодежи много, и пели, и плясали до утра. А теперь десять, из них половина на зиму заколочена. Летом дачники приезжают отдыхать. Верно?

— Верно, — угрюмо подтвердил кто-то.

— Почти то же самое и в Захарьине. Пока здесь отделение совхоза было, молодежи хватало. А перевели отделение, молодежь уезжать стала. Верно?

— Верно!

Мороз помолчал, потом посмотрел на сидящих перед ним людей и сказал:

— Такие дела, товарищи! Давайте вместе подумаем, можно ли восстановить деревню, вернуть в нее молодежь, и как это сделать!

Стало тихо. Люди, собравшиеся в бригадном домике, понимали, насколько непроста задача.

Наконец слова попросил сухонький старичок, он сидел, опершись на палку, прямо перед столом президиума.

— Пожалуйста, Сергей Иванович! Проходите сюда! — сказала Комарова.

Старичок пошел, чуть прихрамывая, к столу. Мороз обратил внимание, что на лацкане его серенького в полоску пиджачка блестело несколько боевых и трудовых медалей.

— Это Родин, наш ветеран! — шепнул Морозу сидевший рядом Чернов. — Ух, вострый старик. Всю прессу читает, подкованный. Иногда мне такие вопросики подкидывает, что не знаю, как ответить.

— Член партии? — спросил Мороз.

— Да, коммунист. Он здесь в годы войны председателем колхоза был. Прямо из госпиталя, на костылях и сюда. Ну вот теперь только с палочкой.

Родин поглядел на односельчан и неожиданно повернулся лицом к президиуму.

— Надо молодежь сюда вертать! — сердито сказал он.

— А как? Не насильно же? — спросил Чернов.

— Пусть попробует! — под звонкий смех выкрикнула какая-то девушка из бригады Спиридоновой.

Родин обидчиво поглядел в ее сторону и вдруг повернулся, чтобы уйти.

— Нет, вы погодите, Сергей Иванович! — остановил его Чернов. — Расскажите все-таки о своих предложениях.

— Ладно. Скажу. Перво-наперво надо, чтобы автобус сюда с центральной ходил, хотя бы раза два в день, утром и вечером. Значит, асфальт надо положить. Просим также помочь дома наши отремонтировать, — четко про-

должал Родин, выкладывая затаенное. — Это во-вторых. А в-третьих, конечно, чтоб хотя бы фельдшер был.

Кто-то из пожилых женщин задорно крикнул:

— Все ты, Иваныч, о своих болячках печешься!

— Болячки не только у меня, — угрюмо ответил Родин. — Война, она у многих следы оставила...

Пожилая женщина, в которой Мороз узнал доярку с фермы, выкрикнула с места:

— Баньку бы хорошо обчественну!

— Чтоб вместе с бабами!.. — гмыкнул кто-то рядом.

Комарова сказала:

— Товарищи, прошу посерьезнее. Нам бы молодых хотелось послушать. Им-то что надо, чтоб вернулись в Захарьино? Спиридонова, ты что скажешь?

Галя Спиридонова, о чем-то еще пошушукавшись с подругами, решительно вышла к сцене.

— Мы, Александр Васильевич, после того разговора на ферме бригадой все обсудили. Вот наше, так сказать, коллективное мнение — надо, чтоб было не хуже, чем на центральной усадьбе.

— А поконкретнее нельзя? — спросила Комарова.

— Поконкретнее... — Галя задумалась, подбирая слова. — Детский сад, конечно. У многих ребятишки маленькие. Даже у кого и бабушки есть, все равно сад нужен. В нем же в школу готовят. Библиотека-передвижка чтоб в клубе была, поскольку кто в вечернем, кто на заочном учится. Да обязательно приемный пункт по ремонту. Все имеют и холодильники, и стиральные машины, и телевизоры. Такую технику на горбу в город не потащишь.

— Я думаю, что здесь должен быть обязательно приемный пункт комбината бытового обслуживания, — поддержала Спиридонову Комарова. — Наш районный комбинат расширяет сферу услуг населению — не только ремонт бытовой техники, но принимает заказы на пошив одежды, обуви, шапок. Можно даже нестандартную мебель заказать.

— Ну и еще, — продолжала Галя. — Я понимаю, может, это сразу сделать и нереально...

— Смелее, Галя! — поддержал ее Мороз.

— Конечно, мы все мечтаем жить в таких домах, какие в новой деревне на центральной усадьбе строятся...

— Губа не дура! — выкрикнул кто-то насмешливо из зала.

— И при этих условиях вернутся молодые семьи в Захарьино? — спросил Мороз.

Спиридонова живо оглянулась на него.

— И не только в Захарьино, но и во все близлежащие деревни!

— Это сколько же?

— Я думаю, семей пятнадцать-двадцать, Александр Васильевич.

За Спиридоновой выступило еще несколько человек. Предлагали расчистить пруд, вспомнили, что раньше в деревне была столовая, просили расширить ассортимент товаров в магазине, организовать продажу саженцев плодовых деревьев и кустарников, поставить насосы в колодцах, чаще показывать фильмы, присылать лекторов поинтереснее... Чернов едва успевал записывать просьбы и предложения в объемистый блокнот.

Снова попросил слова Сергей Иванович Родин.

— Имею еще одно предложение всему обществу. Памятник поставить всем погибшим нашим сельчанам...

— Это давно пора сделать! — кивнул Мороз.

— А списки погибших у вас есть? — спросила Комарова.

— Списки? — грустно усмехнулся Родин и показал рукой на голову и на сердце. — Они все здесь. Пожалуйста: Абросимов Сергей, Сережа, мой одногодок, Байковы, отец и сын, Васильев Петр Гаврилович...

Голос его прервался, и на задних стульях, где сидели старушки, раздалось тихое всхлипывание...

Потом Мороз тихо сказал Чернову:

— Ну что ж, Федор Николаевич, наверное, и вам пора слово взять. Отвечайте с ходу, какие предложения принимаются, что будет сделано и когда.

Чернов встал, машинально погладил непокорную черную шевелюру и с блокнотом вышел из-за стола президиума вперед.

— Товарищи, задача, которую поставил перед нами сегодня товарищ Мороз по восстановлению наших деревень, очень актуальна. У меня самого за Захарьино душа болит, да все руки не доходят... Я ведь тоже все переживал — отделения ликвидировали, и деревни стали чахнуть. Хотя здесь имеется хорошая ферма. А ведь таких, товарищи, производственных центров у нас четыре...

— Как вы сказали, Федор Николаевич? — оживился

Мороз. — Производственный центр? Вот точное выражение, характеризующее новую форму организации деревни. Именно производственный центр. А раз есть производство, то закономерно и комплексное развитие такого села!

— Предложения, которые сегодня высказывались на сходе, для меня и для сельского Совета, — Чернов кивнул в сторону Комаровой, — не новые. Давайте мы их рассмотрим по порядку. Дорога. Вопрос, считаю, один из главнейших. Будет дорога, на машине или автобусе за двадцать минут до центральной усадьбы добраться можно. И половина других вопросов снимается. Но прямо скажу, вопрос и самый сложный. Почему? По кратчайшей от вас до основного шоссе — около пяти километров. Даже если строить однорядную дорогу, все равно стоимость выльется в десятки тысяч рублей. Но даже не в деньгах дело. Вы знаете, работаем мы неплохо и доходы имеем высокие. Больше того скажу — в перспективном плане социального развития нашего коллектива есть такое мероприятие — проложить дорогу к Захарьину.

Кто-то захлопал в ладоши.

— Рано хлопать! — сурово сказал Чернов. — Надо сначала добиться, чтобы строительство дороги попало в план работы районного дорожно-строительного управления, поскольку у нас самих нет ни специальных машин, ни асфальта. А попасть к ним в план... Легче верблюду через игольное ушко пролезть.

Фролов почувствовал, что пора вмешаться. Он встал:

— Хочу внести ясность сразу по ходу дела. Вы знаете, сейчас заканчивается строительство обводного шоссе вокруг Краснохолмска. Все силы дорожников брошены туда. Но как только дорога будет сдана в эксплуатацию, будем просить областное управление найти возможность, чтобы построить дорогу здесь, у вас.

Чернов весело провозгласил:

— Вот теперь аплодируйте!

И сам первый звучно захлопал в ладоши. Зал дружно поддержал. Фролов насупился, косясь на Чернова: «Хитер. Заставил-таки слово дать перед народом. Теперь отступать некуда, надо сделать».

Представил кислое выражение лица Челыша, у которого, конечно же, свои планы на дорожников, и снова недобрым словом помянул Чернова. Потом успокоился: «Нет, все же правильное я принял решение. Если мы что-

то недоделаем в городе, конечно, будет неприятно. Но для Захарьина дорога — это вопрос жизни».

Чернов тем временем продолжал:

— Относительно детского сада и здравпункта имею такое предложение. У вас на косогоре здание бывшей начальной школы пустует. Дом рубленый, просторный. Полы, конечно, сгнили, и крыша рухнула, дверей и окон нет, но стены хорошие, бревна так и звенят, сам проверял. Если мы это здание отреставрируем, это и недорого будет, и детишкам хорошо — от настоящего дерева здоровый дух. И там же комнатку фельдшеру выделим, с отдельным ходом. Он и жителей будет лечить, и за детишками присмотрит. Как, принимается?

— Принимается! — выкрикнули из зала.

— Ну и отлично. Тем более работы там плотникам от силы на месяц, ну и печку, конечно, надо будет переложить, поставить котел, чтоб водяное отопление было, а также умывальники и прочие удобства оборудовать. Конечно, надо будет игровую площадку сделать. Песочек привезут, ну а качели, спортивное оборудование, я думаю, папы сами в силах сделать. Договорились?.. И еще один дом пустует у вас. У пруда.

— Так он совсем сгнил! Бульдозером его давно пора снести на дрова! — заметил кто-то из стариков.

— Ничего подобного, сам проверял! — парировал Чернов. — Если бревна перебрать, ну и заменить те, что трухлявые, не один десяток лет еще послужит. Тоже предлагаю отремонтировать и сделать там приемный пункт комбината бытового обслуживания. По-моему, так будет по-хозяйски, а главное — быстро.

Чернов углубился в свои записки в блокноте.

— Так. Относительно пруда. Предложение очень правильное. Что могу сказать? Сейчас у мелиораторов сезон в разгаре. А вот ближе к зиме, когда техника простаивает, попросим их провести очистку. Сделают в два счета. И не только у вас, а во всех наших деревнях.

Он перевернул страницу.

— Библиотека-передвижка. Тоже правильный вопрос. Но тут, честно, не от нас зависит. В клубе на центральной усадьбе библиотека бедная, поделиться нечем.

Мороз спросил:

— Плохо пополняется новинками?

— Очень плохо, Александр Васильевич. Дело в том, что областной библиотечный коллектор работает только

на городские библиотеки, частично снабжает профсоюзные, на заводах. И в книжных магазинах по перечислению нам неохотно продают. У них там и так дефицит.

— Я об этом не первый раз слышу, — покачал головой Мороз. — Вас должна снабжать книгами потребкооперация. Я переговорю с облпотребсоюзом о возможности выделения вам книг.

— Спасибо, Александр Васильевич, — ответил Чернов. — И наконец, товарищи, наши жилищные проблемы. Прошли мы еще раз по Захарьину и убедились — личные дома стоят у вас неухоженными — и крыши кое у кого латаные, и краска на наличниках облупилась, и крылечки перекосились, а кое-где и заборы почти на земле лежат. Почему так получается? Вон Сергей Иванович Родин — инвалид войны, а дом у него и двор в образцовом состоянии. Потому что болеет человек за свое жилье. А некоторые, посмотришь, рукой махнули. У Серафимы Ивановны Малявиной, например. Знаю, что ты скажешь — вдова, мол, некому позаботиться. А дети и внуки на что? Можно и о других сказать, но не буду. Скажу другое. Попросим мы Родина и еще кого-нибудь из хозяйственных наших мужиков пройти по дворам, составить список, кому какой материал нужен. Обеспечим через базу стройматериалов и досками, и брусом, и шифером. Но ремонтировать будете сами. Исключение только для тех старых людей, у кого действительно никого нет. Теперь о претензиях молодых иметь коттеджи.

Заволновались молодые.

— Утихомирьтесь, я не в обиду вам сказал. Претензии ваши понимаю и принимаю. Но войдите и в мое положение — в стройучастке у меня всего тридцать человек, им на центральной усадьбе едва управиться. Когда до Захарьина очередь дойдет? Сами понимаете, не скоро. Так что делать будем? Сидеть и ждать? Есть и другой выход — строиться самим.

Кто-то из молодых женщин всплеснул руками, а кто-то даже протяжно прогудел: «У-у-у!»

— Не понимаю такой реакции, — усмехнулся Чернов. — У вас мужья кто? Механизаторы в основном, значит, умельцы. Испокон веку мужики в деревне избы себе сами ставили, печки клали, бочки и сани изготовляли, ни у кого помощи не просили. Неужели сейчас не могут научиться? Могут! Просто лень-матушка одолевает.

— Так ведь некогда им!

— Не верю. На телевизор да еще на кое-что время всегда находится. Захотят — все смогут. По пословице: «Глаза страшатся — руки делают»! Уговорил?

— Один фундамент вручную для кирпичного дома делать замучаешься! — подал реплику кто-то из знающих мужиков.

— Это верно. Поможем техникой — экскаватор дадим, кран, плиты бетонные. Проекты предоставим, консультацию с опытными строителями организуем, все будет, было бы желание.

— Надо подумать, — сказал кто-то из зала.

— Думайте, — согласился Чернов. — Это никогда не вредно. И заодно прошу подумать вот еще о чем: сколько коров у вас? В Захарьине три да в Величкине одна. Итого четыре. Не маловато? А бычков на откорме? Ни одного. Поросят штук пять, если не меньше. Да что говорить — кур и то не в каждом дворе встретишь. Не стыдно вам? В лесах, оврагах летом трава по пояс, только паси скотину да заготавливай сено впрок.

— Для поросят концкорма надобны, — подала голос какая-то старушка.

— Концентрированных кормов не дам, — отрубил Чернов. — Нам их для молочного стада недостаточно. Да и зачем? У вас картошки хватит. Прокормите. Зато будет свое мясо, не надо в совхозе просить. И на участках ваших давно пора порядок навести, а то одна картошка растет. Тут правильно вопрос о саженцах задали. Если еще не поздно сажать, привезем из соседнего района, из садоводческого совхоза.

Не выдержал, снова встал Сергей Иванович Родин. Видно было, что судьба родной деревни волновала его не на шутку.

— Правильно говоришь, Федор Николаевич. Надо нам всем миром браться, засучив рукава. И чтоб скотина была, и чтоб сады цвели, как раньше. Обещаю от всего общества — поможете нам, и мы в долгу не останемся, будет Захарьино еще краше, чем прежде.

— Ну что ж, будем заканчивать сход? — спросила Комарова. — Товарищи, мы внимательно выслушали все ваши предложения, записали. В ближайшие дни на сельсовете совместно с дирекцией совхоза утвердим план мероприятий с указанием конкретных сроков и исполнителей. Но Федор Николаевич правильно здесь говорил — очень многое зависит и от вас самих, от вашей инициати-

вы, от желания возродить родную деревню. Объявляю на полчаса перерыв, а затем демонстрация нового кинофильма...

Жители потянулись к выходу. Однако члены президиума не спешили выйти из-за стола.

— По-моему, полезный получился разговор, — обращаясь ко всем, сказал Мороз.

— Я внимательно смотрел на лица людей, — поддержал Фролов, — видно, что задело их за живое — и пожилых, а главное, молодых. Хороший всем толчок дали!

— Да и руководителям тоже такая встряска полезна, — усмехнулся Мороз. — Как, Федор Николаевич?

— Не говорите, Александр Васильевич! — в тон ответил Чернов. — Пришлось поежиться. Действительно, знал положение в деревне, но все куда-то на потом откладывал. Так что получил по справедливости.

— Сколько еще в «Рассвете» таких производственных центров, три, по-моему? — продолжал Мороз. — А по области, я прикинул, приблизительно шестьсот-семьсот. Я переговорю в исполкоме облсовета, соберем совещание председателей сельских Советов, а вы, Маргарита Ивановна, подготовьтесь как следует, расскажите об опыте проведения сельского схода, о планах возрождения деревни — производственного центра.

Видно, что Морозу понравилось это определение, он еще раз с одобрением взглянул на Чернова.

— Вообще-то, Александр Васильевич, это не я придумал, — смущенно признался Чернов. — Был в гостях у своего бывшего однокашника по институту, он директор совхоза в Московской области. Там практически во всех хозяйствах такие производственные центры создаются.

— Ну что ж, нам пример с москвичей не грех брать. Хорошо работают.

— У них знаете какая мощная сельская строительная индустрия! — не без зависти вздохнул Чернов. — Такие домики сдают под детсад, здравпункт и другие общественные нужды — заглядение. С Буньковского домостроительного комбината.

— Не горюйте, Федор Николаевич! — потрепал его по плечу Мороз. — Будут и у нас скоро такие домики. Могу поделиться радостью: правительство поддержало наше предложение о строительстве в области второго сельского домостроительного комбината.

— Вот это здорово! — у Чернова даже глаза загоре-

лись. — Тогда развернемся! У меня, кстати, Александр Васильевич, по Захарьину еще одна задумка есть. Я уж не стал при народе говорить, как следует прикинуть надо.

— Какая же, любопытно?

— Думаю рядом со скотным двором оборудовать и полевой стан. Организуем здесь по примеру Шахнова еще одну бригаду на законченном севообороте...

— И где же вы еще одного такого Шахнова найдете? — прозвучал вопрос, полный иронии.

Все обернулись. Это произнесла Старцева, сидевшая с самого краю стола. Мороз пытливо взглянул на нее.

— Не понимаю, Юлия Васильевна, вы что ж, против таких бригад?

— Если честно, Александр Васильевич, то против.

— Почему? Ведь доказана высокая эффективность их работы. Ликвидирована обезличка. Каждый член бригады действительно чувствует себя хозяином своего поля, зарплату и премию получает в зависимости от конечных результатов труда. По-моему, все ясно.

Старцева покачала головой.

— Не согласны? Тогда поведайте нам о своих сомнениях.

— Я считаю, что будущее все-таки за специализированными коллективами. Зимой — отряды плодородия, по вывозке удобрений, весной — посевные отряды, летом — отряды по заготовке кормов, осенью — по уборке урожая. Техника, сконцентрированная в единый кулак, позволяет быстро, в зависимости от погоды и состояния полей, осуществлять маневр. Скажем, созрел урожай на высоких местах, быстро убрали, перенесли в низинку, где созревает позже. Можно в случае надобности и другим хозяйствам помочь. А закрепление бригад за определенным полем... Это опять какая-то хуторская система получается. И потом действительно таких руководителей, как Шахнов, знающих не только технику, но и агрономию, найти очень трудно. А отдать бригаду в неумелые руки — значит завалить дело.

Мороз лукаво взглянул на Фролова:

— Что, Иван Платонович? Зубастая подрастает смена, а?

— А мы, что ли, другими были? — усмехнулся тот.

Старцева нервно начала подергивать воротник кофточки.

— Не обижайтесь, Юлия Васильевна, — сказал Мо-

роз. — Но давайте разберемся по существу. Хорошо, что вы не таите про себя сомнения. Ведь иной раз как бывает: человек внутренне не согласен с директивой, а делает все как из-под палки, формально. Конечно, и толку от такой работы никакого. Подобные сомнения мне высказывали и партийные работники, и специалисты. Даже в более резкой форме. Дескать, «что это за метания из стороны в сторону — то бригады с законченным севооборотом, то специализированные бригады, то опять к старому. Путаница какая-то получается». И действительно, в вашем «Рассвете» часть полей закреплена за бригадой Шахнова, а все остальное обрабатывается по-прежнему наспех сколоченными отрядами. Ведь так, Федор Николаевич?

— Так, — неохотно согласился Чернов. — Но только пока так, Александр Васильевич. Будем организовывать бригады по примеру Шахнова. У нас четыре тысячи гектаров пашни, значит, нужно четыре таких бригады. Уверен, что это единственно правильный путь.

— Вот вам мнение практика, Юлия Васильевна! — Мороз вновь повернулся к Старцевой. — Могу добавить, что я советовался и с учеными. По нашей просьбе в области проводились исследования научными сотрудниками Всероссийского института экономики и организации труда в сельском хозяйстве. Они тоже единодушно высказались за создание таких бригад...

— Понимаете, Юлия Васильевна, о том, что бригада с законченным севооборотом — наиболее эффективная форма организации труда в условиях Нечерноземья, ученые говорили давно, лет двадцать назад. Но тогда эта идея не была подкреплена должной материальной основой. Не хватало техники. Тогда и пошли по пути специализации сезонных работ, специализации возделывания отдельных культур. На центральные усадьбы свезли всю технику, стали создавать отряды. В результате резко выросла выработка механизаторов, возросла и зарплата, а урожаи остались те же, если не ниже. Почему? Потому что возникла обезличка. Тот, кто пахал или сеял, не был заинтересован в том, каким будет урожай. Он выработал свои гектары — плати. Сейчас мы имеем достаточно техники, чтобы организовать бригады, работающие на коллективном подряде. И будем их организовывать немедля.

Мороз оглядел присутствующих и повторил с нажимом:

— Немедля. Но нельзя проявлять в этом деле

поспешность, кампанейщину и формализм. В чем я, Юлия Васильевна, полностью разделяю ваши опасения, так это относительно подбора кадров бригадиров. Они должны быть и организаторами, и — что не менее важно — грамотными специалистами, знающими агротехнику как свои пять пальцев. Есть у вас такие, Федор Николаевич?

— Да откуда же, Александр Васильевич, мы таких гениев найдем? — вопросом на вопрос ответил Чернов. — Есть хорошие ребята.

Мороз неожиданно вспыхнул:

— Извините, Федор Николаевич, но не люблю я слов «хорошие ребята»! Под такую характеристику любого можно подогнать. Недавно мы на бюро исключали из партии одного директора совхоза. Встает секретарь райкома и говорит: «Может, строгим выговором с занесением обойдемся? Он хороший человек». «Хороший». Это значит, он всем улыбался, ни с кем не спорил, банкетики для начальства умел организовывать. А то, что этот «хороший человек» миллион убытку за два года дал, что хозяйство практически развалил, это как расценивать?

Чернов насупился:

— Действительно хорошие ребята. Механизаторы опытные, технику свою знают и любят. Непьющие, с людьми ладить умеют.

Мороз улыбнулся:

— Ну, вот такую характеристику принимаю. А как в вопросах агрономии, разбираются?

— Будем учить, — ответил Чернов. — Ведь Шахнов тоже не сразу Шахновым стал, до сих пор у меня всякие учебники по агрономии берет, штудирует.

— А не подойти ли нам к этой проблеме с другой стороны? — хитро прищурился Мороз. — Поставить эту проблему, так сказать, с головы на ноги.

— Как это? Не понял? — удивился Чернов.

— Что ж, скажу яснее, — досадливо сказал Мороз. — Сколько у вас агрономов, Федор Николаевич?

— Пять, — по-прежнему не понимая, ответил Чернов.

— Образование какое?

— Специалисты! Трое со средним, а двое, молодые специалисты, с высшим.

— Вот и уговаривайте этих молодых идти бригадирами!

— Что вы, Александр Васильевич! Скажи им такое, даже обидятся. Дескать, зачем мы институты кончали.

— А их не обижает, что они на голом окладе сидят, меньше любого механизатора в два-три раза получают? А их не обижает, что рекомендации, которые они так старательно разрабатывают, механизаторы ни в грош не ценят? Все равно делают кто как хочет. Что, разве не так?

— Ну, мы контролируем, — хмуро сказал Чернов.

— Всегда ли? Разве углядишь, куда он аммиак отправил — то ли на пашню, то ли в овраг? Что, не бывает?

— Бывает, — нехотя был вынужден согласиться Чернов.

— А представьте, стал агроном бригадиром. Разве он допустит, чтобы что-нибудь делалось не по науке? Никогда!

— Так они не знают, с какой стороны на трактор садиться!

— А зачем бригадиру быть трактористом? Достаточно, если он управление мотоциклом освоит. Его дело — организация труда, что, не так? Уговаривайте, как следует уговаривайте своих агрономов, дело говорю. Бейте на самолюбие, навалитесь на них всей общественностью. Уверен, отличные командиры производства получатся. Еще ордена им будем вручать!

Мороз вновь обратился к Старцевой:

— Ну что, Юлия Васильевна, убедили мы вас?

Старцева смешно прикусила губу, как бы раздумывая, сказать или нет.

— Ну, ну, смелее, Юлия Васильевна! Если есть еще сомнения, давайте.

— Александр Васильевич, но вы ведь сами рекомендуете создавать специализированные звенья на картофеле, овощах...

— Все правильно. Совсем отвергать специализацию не надо. Это будет очередной перегиб. Конечно, там, где необходимо, нужны специализированные звенья, но в составе тех же бригад, работающих на коллективном подряде. Я не отвергаю необходимости создания отрядов плодородия и, если необходимо, отрядов по заготовке кормов. Нужно разумное сочетание всех этих форм. Но, повторяю, основной формой организации труда должна стать бригада с законченным севооборотом. Вопросы еще есть?

Мороз решительно встал из-за стола, поднялись и остальные.

— Ну, Федор Николаевич, — пожимая на прощание руку Чернову, сказал Мороз, — напланировали сегодня много, желаем побыстрее все выполнить.

— Разобьемся, а сделаем, Александр Васильевич! — молодцевато выпрямившись, гаркнул Чернов.

— Зачем мне ваши осколки, Федор Николаевич! — в притворном испуге воскликнул Мороз и лукаво добавил: — Вы нам целый нужны. Постарайтесь все делать и не разбиваться!

Затем, взяв под руку Комарову, Мороз еще раз напомнил:

— Маргарита Ивановна, готовьтесь. Будете выступать на областном совещании по опыту проведения сельского схода.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

И снова осень... В шестом часу вечера Фролов со Старцевой вернулись из совхоза «Комсомолец». Помогая Юлии Васильевне выбраться из высокого «уазика», Иван Платонович продолжал начатый в кабине разговор:

— И все-таки согласитесь, что эта работа ведется у нас недопустимо медленно! Взялись вроде бы горячо, сельские сходы провели во всех хозяйствах за месяц, а выполнение намеченных мероприятий на зиму отложили. Считайте, полгода потеряли. И у любого директора, кого ни спроси, десятки объективных причин находятся.

— Так действительно, Иван Платонович, трудно за всем угнаться. То заготовка кормов, то уборка зерновых, сейчас за картофель беремся. Просто силенок на все не хватает!

— Силенок... — буркнул Иван Платонович. — Слово-то какое-то нищенское. Привыкли плакаться в жилетку. Сил в хозяйствах сейчас достаточно. Другое дело, целеустремленности, организованности не хватает. Вон у Чернова и заготовка кормов, и жатва. Однако сумел в Захарьине и детсад оборудовать, и здравпункт. И на центральной усадьбе стройка не прекращается...

...Фролов вспомнил свой недавний повторный приезд с Морозом в Захарьино. Всю неделю перед этим погода была пасмурной, тяжелой, шел снег с дождем. Но в ночь под воскресенье ударил морозец и лег снег.

Мороз и Фролов остановились у въезда в деревню в изумлении:

— Это что за чудо?

На косогоре у въезда высился высоченный столб, к которому по кругу, словно образуя крону, как у дерева, было прикреплено не менее сотни скворечников.

— Это наш пастух придумал! — не без самодовольства сказал встречавший их Чернов. — Сейчас пусто, а летом такой грай стоял. Посмотришь, невольно сердце радуется!

— Здорово! — согласился Мороз. — Скворечница веселая. И знаете, в этом есть своя символика — раз скворцы здесь, значит, деревня живет.

— Еще как живет! — пробасил Чернов. — Сейчас своими глазами убедитесь.

Они пошли не торопясь улицей, любуясь на обновленные, сверкающие веселыми красками избы, огороженные голубым штакетником. Вдруг в одном из дворов, кем-то встревоженные, загоготали гуси. Им ответил теленок.

— Слышите, Александр Васильевич? — сказал Фролов.

Они обменялись понимающей улыбкой.

— Да, а в прошлый раз была тишина прямо-таки гробовая, — сказал Мороз.

— Жители деревни уже взяли на откорм пятнадцать бычков, — деловито начал перечислять Чернов, — да еще человек двадцать собираются завести. Кое-кто телочек просит, значит, коровы будут. Почти в каждом дворе по поросенку, а то и по два. Ну а гусей и уток сосчитать трудно.

— Молодцы! — кивнул Мороз. — Видно, что крепко взялись за хозяйство.

— Я на днях из Сибири письмо получил, — оживленно стал рассказывать Федор Николаевич. — Пишет парень, ну теперь не парень, мужчина, он лет двадцать назад отсюда уехал. Узнал от родителей о преобразовании Захарьина и просит разрешения вернуться. «Всей семьей, — пишет, — будем работать в сельском хозяйстве». Вот так!

— Это, я бы сказал, очень показательно! — блеснул глазами Мороз. — Такое письмо о многом говорит.

Они вышли на площадь, где уже толпился народ — жители деревни, строители, шефы с машзавода. Две девушки в кокошниках и русских сарафанах, в которых

Мороз узнал доярок из бригады Спиридоновой, преподнесли гостям хлеб-соль.

В торжественном молчании прошли к обелиску из красного гранита, установленному на высоком берегу у пруда, там, где когда-то прощались деревенские парни со своими девушками летом 1941 года. Постояли у стелы с именами погибших, чтя светлую их память. У одной из старушек, видно, вдовы, не выдержавшей напряжения, вырвалось то ли рыдание, то ли стон. Да и старики многие украдкой смахивали слезу тыльной стороной рукава.

— И все же лучшая память о погибших, — когда отошли они от мемориала, сказал Чернов, — это наши сегодняшние дела. Идемте, товарищи, покажем вам, что нового появилось в Захарьине.

— Откуда начнем осмотр? — вполголоса спросил его Фролов.

— Со здравпункта, конечно! — не без лукавинки ответил Федор Николаевич.

— А почему «конечно»? — полюбопытствовал Мороз.

— Потому что его первым открыли! Не успели еще отделочные работы закончить, а старики наши уже очередь занимают! — с улыбкой ответил Чернов.

Мороз веселого тона не поддержал, напротив, сказал наставительно строго:

— Вот видите, значит, в медицинском обслуживании жители деревни нуждались в первую очередь. Так что правильно сделали, что поторопились.

На утепленной просторной веранде, где стояли скамейки для ожидающих, их встретил врач в белоснежном накрахмаленном халате.

— На что жалуетесь? — строго, профессиональным тоном спросил он гостей и тут же рассмеялся.

— Мы-то, слава богу, вроде пока ни на что не жалуемся! — в тон ему ответил Мороз. — А вот у вас жалоб нет на руководство совхоза?

Врач скосил глаза на Чернова, но промолчал.

— Ну же, ну же! — подбодрил его Александр Васильевич.

— В общем-то все хорошо, — сказал доктор, вводя их в светлую, стерильно чистую амбулаторию, — практически все необходимое есть, но вот обещал Федор Николаевич новую бормашину, пока ее нет. Хорошо бы оборудование иметь и для приготовления протезов. Я бы сам

делал, время у меня найдется, а спрос, сами понимаете, у пожилой части деревни на зубные протезы большой.

— Да я уж и в области просил, не дают! — не преминул пожаловаться и Чернов, на что Фролов исподтишка погрозил ему кулаком.

Федор Николаевич, тут же сориентировавшись, добавил:

— Только не подумайте, Александр Васильевич, что я вопрос забиваю...

Мороз расхохотался:

— Считай, что уже забил. Ладно, поможем, учитывая, что вы у нас первые.

В детском саду их моментально окружила веселая ватага мальчиков и девочек. Воспитательница махнула рукой, и вдруг дети хором очень старательно произнесли:

— Гуд дей! Хау ду ю ду!

— Ого! — поразился Мороз. — Уже английский в Захарьине изучают. Никак, зарубежные делегации встречать готовитесь?

— А что ж, мы хуже других, что ли? — приосанился Чернов.

Воспитательница показала им игровую комнату и спальню, озабоченно сказав:

— Федор Николаевич! Надо еще парочку кроватей поставить, пополнение ожидается!

— Это замечательно! — просиял Чернов. — Хоть десять привезу!

Один из самых настырных и, видать, информированных мальчишек дернул Мороза за рукав плаща:

— Дедушка! Вы правда Мороз?

— Точно! — рассмеялся Александр Васильевич. — Дед Мороз!

— Почему у тебя нос не красный и бороды нет? — под общий смех спросил мальчишка.

Мороз развел руками:

— К новогодней елке обещаю отрастить!

Потом он повернулся к воспитательнице:

— А как вы справляетесь с приготовлением пищи?

— Одной туго бы пришлось, да хорошо, что бабушки помогают.

Они прошли на кухню, и у плиты Мороз увидел бабу Кланю, колдующую над кастрюлями.

— Баба Кланя, вот встреча!

— Здравствуй, дорогой Ляксандр Васильевич! — чинно поздоровалась баба Кланя.

— Значит, тоже помогаете?

— А как же! И мне веселей. Ведь в них, — баба Кланя кивнула на веселую ватагу детей, — душа нашей деревни.

— Душа, — задумчиво произнес Александр Васильевич. — Хорошо вы сказали, баба Кланя. Ну а Светланка ваша как?

— А чего ей сделается? Молоко теперь только детсаду даем.

— Так вроде ферма рядом? — удивился Мороз.

— Сравнил! — всплеснула руками баба Кланя. По ее горячности было видно, что разговор об этом возникал не раз. — Разве ж можно сравнить, когда молоко от одной коровы, да еще такой хорошей, как Светланка. Ты только погляди, какие они у нас все мордастенькие.

Она показала на действительно румяных малышей.

— Сдаюсь, баба Кланя! — шутливо поднял руки вверх Мороз и тут же от избытка чувств обнял ее за сухонькие плечи. — Ах, баба Кланя, золотой вы человек.

Чернов повел гостей на площадь.

— Вот это слева — магазин! — сказал Чернов. — Тут и раньше он был, только запущенный. Сейчас, видите, реставрировали — вагонкой стены обшили, проолифили, крышу перекрыли, оконные переплеты заменили — как новенький. И дешевле, чем новый-то строить.

— Правильно, — одобрил Мороз, — деньги надо беречь. Если что можно восстановить, лучше восстановить.

— Вот, вот! — ответил Чернов, обрадованный поддержкой. — У нас еще один старый дом есть, собираемся чайную сделать.

— Чайная? Насколько она рентабельна в вашей деревне? — спросил кто-то из гостей.

— Дело в том, — не растерялся Чернов, — что днем чайная будет работать как столовая. Многие рабочие с полевого стана и с фермы, даже у кого здесь дом, наверняка предпочтут обедать здесь. Кроме того, одна из главных функций будущей чайной — проведение семейных вечеров — дней рождения, свадеб, ну и так далее. Здесь удобнее, чем дома, — и народу можно больше пригласить. И потанцевать будет где!

— Вот это особенно важно, — согласился Мороз. — В новой деревне надо сохранить то хорошее, что было в

старой деревне, когда каждый знал все о других, готов был помочь, если что, когда счастье и горе — все пополам делили. А такие коллективные вечера, понятно, без вина, конечно, сближают людей!

— Ну а новые жилые дома будете строить? — спросил он, обращаясь к Чернову.

— Обязательно, Александр Васильевич, — ответил тот. — Весной начнем, а к следующему Новому году можно будет и новоселье справлять.

— Много желающих?

— Десять семей подали заявления.

— Будете создавать жилищно-строительный кооператив? — продолжал интересоваться Мороз.

— Нет, тут будет несколько иная форма, — пояснил Чернов. — Создадим коллектив индивидуальных застройщиков.

— А чем он будет отличаться от кооператива? — поинтересовался Мороз.

— Разница в формах кредитов на постройку, — начал объяснять Чернов. — Если кооперативу открывается кредит на строительство только тогда, когда члены кооператива внесут сумму в размере 30 процентов от стоимости строительства, то источником формирования коллектива индивидуальных застройщиков служит кредит Госбанка. Причем первый взнос составляет 10—20 процентов стоимости дома, и внести его можно в рассрочку в течение трех лет.

...Когда на площади прощались с жителями села, неожиданно вперед выступила баба Кланя.

— Спасибо тебе, дорогой Ляксандр Васильевич! От общества всем вам спасибо, дорогие товарищи! Всей нашей партии низкий поклон и благодарность за заботу и внимание к простым людям. Ведь я думала, грешная, все, закончилось наше Величкино. А оно живет! И светло на душе становится...

Она вдруг всхлипнула, вытерла уголком белого головного платка слезы. Фролов почувствовал, как спазма перехватила ему горло. Он украдкой взглянул на сидевших рядом — у многих увлажнились глаза...

— А что, Иван Платонович, — повернулся Мороз к Фролову и, положив ему руку на плечо, пытливо заглянул в глаза. — Я думаю, ради вот таких моментов мы с тобой трудимся и живем!

...— Вот, — когда уже возвратились домой, сказал

Фролов, обращаясь к Старцевой, — и в «Комсомольце» так нужно делать.

— Сравнили, Иван Платонович, «Рассвет» и «Комсомолец»!

— А почему не сравнить? Когда-то «Комсомолец» тоже в передовиках ходил, а эту всю пятилетку топчется на месте. Что, директор стал хуже работать?

— Что вы, Иван Платонович! Вы же знаете, Фомичев — крепкий руководитель и специалист хороший.

— Знаю. Но не вижу в нем прежнего огонька. Может, устал? Или болен?

Старцева пожала плечами:

— Да нет, не жалуется на здоровье.

— Может, в семье что-нибудь?

— По-моему, все нормально.

Фролов, нажав кнопку вызова лифта и глядя на загоревшийся огонек, задумчиво произнес:

— Вся беда, наверное, в том, что середнячкам мы недостаточно внимания уделяем, к передовым едем за опытом, к отстающим — чтобы помочь. А среднее хозяйство тревоги не вызывает — там все, как говорится, «нормально». Планы, во всяком случае, выполняет. Пожурили директора на очередном совещании, что рост урожайности и продуктивности слабоватый, и до следующего совещания. А ведь когда коллектив начинает топтаться на месте, это очень опасно. Где гарантия, что через год или два «Комсомолец» не скатится в отстающие?

Старцева сделала протестующий жест.

— Я прошу, Юлия Васильевна, поговорите в совете РАПО, пусть они повнимательнее проверят работу средних хозяйств...

... Едва Фролов вошел в кабинет, снял и повесил в шкаф свою заслуженную летную кожанку, в дверь заглянула Антонина Семеновна Уварова.

— Вы приехали, Иван Платонович?

— Да как будто бы! — не сдержал усмешки Фролов.

— Наконец-то, — не принимая шутки, сказала Уварова. — Мне нужно срочно с вами согласовать график отчетно-выборных собраний.

Сев за стол, Фролов взял протянутую ему тонкую красную папку и неожиданно как-то странно посмотрел на Уварову.

— Антонина Семеновна! Это что же — еще один год пролетел! Как быстро! Вроде вчера мы с вами сидели вот

так же... Помните, вдруг позвонил мой фронтовой друг...

— Костенко? Конечно, помню! — оживилась Антонина Семеновна. — А на следующий день я узнала про Раздаева. Помните?

Сказала и пожалела о сказанном, увидев, как сразу потускнело лицо первого секретаря.

Раздаев... Разве мог он, Иван Платонович, забыть о нем? Поутихла боль. Но жизнь все еще напоминала о происшедшем. Часто, разговаривая с людьми, Фролов вдруг ловил себя на мысли: нет ли в ком-либо из них раздаевских черт характера — неуемного честолюбия, нечистоплотности в выборе средств при достижении поставленной цели, неискренности, прикрываемой маской рубахи-парня, жадного желания ухватить побольше жизненных благ... Нет, Фролов по-прежнему всемерно доверял тем, с кем он работал, гасил в себе ненужную подозрительность, но урок с Раздаевым остался шрамом в душе навечно. И первый секретарь, будучи человеком добрым и деликатным в личных отношениях, становился беспощаден, если видел где-то проявление «раздаевщины». Он без сожаления расстался с заведующим промышленным отделом горкома, узнав, что тот пытается корректировать планы предприятий, используя методику Раздаева. Настоял на исключении из партии заместителя управляющего строительным трестом за постройку им дачи из фондовых материалов. Он добился освобождения директора одной городской школы, узнав, что тот не помогает больной матери.

...К действительности Фролова возвратили слова Уваровой.

— Я, Иван Платонович, хорошо запомнила вашу прошлогоднюю установку.

— Какую установку? — недоуменно спросил Фролов, еще не вернувшийся окончательно к графику отчетно-выборных собраний.

— А вот посмотрите — на машзаводе и в совхозе «Рассвет» собрания проводятся в разные сроки.

— Почему? Можно было бы и в один день. На машзавод поедет Иноземцев, ему полезно поближе с активом познакомиться. А в совхоз «Рассвет» — Старцева. Там секретарь парткома новый, Комарова. Надо ей помочь хорошо организовать собрание. А вот тут, Антонина Семеновна, вы допустили промашку! — палец Фролова уперся в середину графика.

— Где? — Уварова подалась вперед, чтобы разглядеть.

— Видите? На один день наметили собрание в совхозе «Комсомолец» и на кирпичном заводе. Мне необходимо побывать и там и там. Так что я попрошу в одной из организаций перенести собрание. Договорились?

В дверном проеме показалась Леночка.

— Иван Платонович. К вам пришли Ребров и Костенко, по делам идеологической комиссии. Говорят, вы на шесть назначили.

Фролов взглянул на настенные часы.

— Извинись за меня, пожалуйста. Пусть подождут, пока мы с графиком разберемся. Напои их пока чаем.

Однако Леночка не уходила.

— Что-нибудь еще?

— Я их чаем, конечно, напою... А потом можно я уйду? Дежурный по горкому уже пришел.

— Что-нибудь случилось? Дома? — встревожился Фролов.

— Нет, дома все хорошо, — Леночка смущенно опустила долу ресницы. — Просто у меня свидание сегодня. В семь часов.

— Свидание? — Иван Платонович заулыбался. — Святое дело! Иди немедленно. Хуже нет, когда девушка на свидание опаздывает. По себе помню! Давай, давай, собирайся! Завтра доложишь...

Еще продолжая улыбаться, Иван Платонович вдруг с грустью подумал: вот пройдет юбилей города, а потом еще год, другой, и ему наступит пора собираться на свидание со своими грядками. Ну что ж, всему, как говорится, свое время. А пока надо работать. И он стал внимательно вчитываться в график, оставленный Уваровой...

●

ПОЭЗИЯ

Джемма ФИРСОВА

ВЕРНОСТЬ

* * *

Все только начало, все только
начало —
Не будет конца, и не будет
причала...
Мы вышли в открытое звездное
небо, —
В тот космос, в котором никто еще
не был.
В тот космос, в котором
блистание света,
Где чувства — галактики, звезды,
планеты...
Где жар бесконечного мира
творенья,
Где чудо любви — из мгновенья
в мгновенье...
Где мы прорастаем друг
в друга корнями
И где мирозданье сливается с нами...
Где вечности, кажется, будет нам
мало, —
Не будет конца —
Будет только начало.

* * *

Не бери даров, не одаряя,
Не бери того, что не вернешь.
Как одну из заповедей знаю:
Дар неотдаренный — та же ложь...

Как одну из заповедей знаю:
Долг невозвращенный — тот же грех.
И любовь и радость принимая,
Не воздав, — не верь и в свой успех...

У судьбы есть долговая яма,
И проценты долга — во сто крат.
И она взыскует с нас упрямо,
Без различья — нищ ты иль богат.

Как бы счет ни медлил долго-долго, —
Неожиданно и в неурочный час
Платим мы судьбе по счету долга —
Долга, убивающего нас.

Не бери даров, не одаряя!..

* * *

Что значит — изменить себе? —
Да то же, что предать другого.
Что значит — верным быть себе? —
Другому не солгать ни словом.

* * *

Тебе не надоели грозы
И не наскучили дожди?
Пока не высушу я слезы,
Иной погоды и не жди!

Ты день молчишь — и небо хмуро
В пределах Малого Кольца.
И мокрый город спит понуро
Два дня без твоего лица...

На третий день уж не могу я
Сдержать над городом грозу.
Так сильно по тебе тоскуя,
Лишь разрушенье я несу...

А на четвертый день, на пятый
В Омахе страшный снегопад,
Или над Кубою торнадо,
Или в Батуми выпал град...

Как легкомысленно и смело
Ты обращаешься со мной.
Будь осторожен: то-то дело,
Коль ты не справишься с грозой!..

* * *

Я думала: огонь погас
Отныне — навсегда.
Я думала, рассудит нас
Полночная звезда...

Я думала, что я опять
Себе принадлежу,
Что время я вернула вспять
И сердца не бужу.

Я упивалась тишиной,
Столь непривычной мне.
Но вновь ворвался воин мой
На огненном коне.

И вновь охвачены огнем
И нивы, и поля,
И звезды в небе светят днем,
И в солнце в ночь — земля...

И снова я как на краю
Сгорающих миров —
Встречаю новую зарю, —
Мир, сотворенный вновь...

Он только строится сейчас —
Еще грохочет гром.

Он только намечает нас —
А встреча, взгляд — потом!

Еще в движении пласты,
Еще в наметке — путь.
Но как смертельно знаешь ты,
Что больше — не свернуть.

И как спокойно знаю я,
Навоевавшись всласть, —
Какое чудо бытия
Второй попытки власть!..

* * *

Какое счастье знать,
Что ты живешь на свете.
Какое счастье ждать,
Проснувшись на рассвете.

Как нежно вспоминать
Касанье губ и звуков, —
Не помнить — ощущать
Наперекор разлукам.

Любимый голос твой
Услышать — задохнуться!
И, как к земле прибой,
К тебе опять вернуться...

ПОЭЗИЯ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Айра КААЛЬ

* * *

В тенистом парке липы расцвели.
Весь небосклон — в узорах
частых молний.
Ох, милое дитя!
Так липы высоки,
что шейку можно искривить,
на них глазея.
Нить молнии зеленой
промелькнула,
за нею — синие и белые зигзаги...
Лиловых молний вовсе нет
сегодня?
Вершины лип колышутся над нами,
сияющие, словно гроздья хмеля,
а свет повсюду охристо-кораллов
и полон волнами тепла.

О, если бы мгновенье это
с собою можно было б взять
сейчас!
Вот эти краски, это излученье,
вот эту высь — без края, без
границ —
и мощь, которую и выразить
не смею...

Но так нельзя — мгновения другие
тогда бы сразу начали смущаться
и затаились у меня в углу,
подобно треснувшей посуде.

* * *

Душа моя полна чудес.
Да, ныне
живое море в жилах закипает.
Да, ныне я люблю.
Да, ныне я живу,
со мной — простор и солнце, хмель и свежесть.

За что бы ни взялась, все спорится в руках...
В других прекрасное вселяю настроенье.
Всех дома застаю, к кому ни загляну,
бокал пригублен ли — в нем пена через край.

В зрачках — лазури ясной отраженье,
и ощущенье неба — в каждом вздохе.
Коль тяжело кому-нибудь — приду на помощь,
мучение в блаженство превращаю
и в нежность — вечные заботы!

Волшебной силой ныне обладая,
любить могу вернее и сильнее
все лучшее, что в людях есть всегда.
И так, как прежде, я не ошибаюсь.

Эне МИХКЕЛЬСОН

РЕКВИЕМ

* * *

Час предвечерья воскресного
с густо зардевшимся небом со снегом звенящим
с полузамерзшей грядою деревьев

на древнем валу городском
(Столь отдаленным в пространстве покажется это
если взглянуть из деревни родной)
Только теперь когда сумерки мглистой завесою
весь застилают пейзаж по ступеням неспешно схожу
Нынешний пишется год.

* * *

Привкус вечера утро во рту ощущает
травы гнутся под тяжестью рос и отсутствуют запахи
в мире
что из ночи бездонной встает
О пора мне запомнить и вдруг оживлять уходящий
куда-то пейзаж
из которого я родом.

* * *

Сменить за домом дом машины с улиц
куда-то увести
Часы на Ратуше протяжно трижды бьют
слезятся камни влагою дождя
ночь переходит в утро фонари
в кругах туманных нехотя тускнеют
печален свет
изогнута дорога
о если ты когда-нибудь существовал
все времена ты помнишь безусловно.

Дебора ВААРАНДИ

ЛЮДИ СМОТРЯТ НА МОРЕ

Когда угомонится дымный день,
когда чуть слышный шепот древних башен
к безмолвным подворотням низойдет,
когда до невозможности бездомны
составов беспокойных голоса —

людей неудержимо тянет к морю,
и вновь они из города приходят,
и застывают, как бы на пороге
огромного, таинственного мира,
молчат
  и отрешенно смотрят вдаль.

Везде, всегда, издревле, неизменно,
влекомые врожденным притяженьем
к чему-то вечному, с чем связь не прерывалась,
в июньских сумерках — магическом кругу,
когда лучится зыблемая влага,
как очи женские, блаженством и любовью,
порой осеннею, в голубизне прозрачной,
где птицы мечутся, крича на все лады,
и где-то там, в преддверии покоя,
когда вот-вот настанет время льда,
у парапета люди замирают
и молчаливо на море глядят.

Я сквозь вечерний воздух различаю
фигуры темные на скалах, на камнях,
немые силуэты вдоль прибоя,
их очертанья в призрачном свеченье.
И ближе, чем когда-нибудь, они
мне вдруг становятся, и сердцу все дороже
в своих привычных диалогах с морем,
где вовсе не слова нужны, а мысли.

Зачем иначе надо было им
прийти, стоять, молчать
и видеть море?

НОЧЬ

На пустоши рос можжевельник.
Мы были там призрачной ночью,
которая нас уносила
волною в дремотное море.

Твой голос совсем изменился,
бормочущим ветром повеял.
Слова, что услышать успела,
как почки, во мне распустились.

В кустарнике серые камни
стояли, как сонные кони,
привычно бока подставляя
в замшелых и теплых попонах.

И пальцы мои изменились —
вершины деревьев ероша,
угрюмые тучи сзывают,
чтоб ночь эта стала темнее.

И встал до небес можжевельник,
в траве с головою я скрылась,
и росы с цветов земляники
на щеки мои осыпались.

И губы мои изменились —
вода ключевая лучится,
то в реве клокочет оленьем,
то в горле звенит соловьином.

Перевел с эстонского
Владимир АЛЕЙНИКОВ

Рис. В. Тихомирова

КНИГА ТРЕТЬЯ

34

А в Оренбурге маленькая передышка и большая радость — праздник Первого мая. Две победы отмечаются: под хутором Беловом и на Салмыше. Даже митинг-маевку устроили губком и губисполком. Народу на улицах, правда, маловато: все мужское рабочее население встречает праздник в окопах. Ослабло пока напряжение на севере, зато на восточном и южном направлениях жмут казаки с бешеной силой: налетают и откатываются от жесткого отпора красноармейцев, но отдыха нет ни тем

Окончание. Начало в № 1, 2.

ни другим. Идут в станицы обозы со страшным грузом — везут казаков, раненных и погибших на полях сражений. Заполняются и братские могилы под красными жестяными звездами на деревянных обелисках. Тесно становится в госпиталях.

Гулко бахают пушки в степи под Донгузской и у Неженки, в пойме Урала, где по-весеннему порозовели шелково блестящие уремные чащи высоких тополей и ясеней. Ожили кусты и деревья, ждут только теплой погоды и весеннего первого дождичка, чтобы окутаться нежным пухом первой зелени. Шумно проносятся ватаги перелетных птиц, опускаясь отдыхать на вешние разливы, и повсюду у скворешен на все лады заливаются скворчики.

Подходя к громаде собора, где на площади, вокруг трибуны, толпился народ, Наследиха перекрестила мелконькими движениями душку под полушалком, истово перекреститься помешало сознание, что она мать партийных детей. «Спасибо тебе, господи, не взыскал за мои прегрешения. Трудно мне, неразумной, понять, что к чему! Мы привыкли кланяться тебе, у большевиков — свое понятие, а ведь они хорошие люди, и ты сам рассуди, как быть».

Так, поговорив на ходу с богом, Наследиха тоже пробилась к трибуне, чтобы лучше услышать слова ораторов, и тут сразу столкнулась со своими «девчонками». Фрося в легкой пальтушке и красной косыночке, принаряженная Харитина с работницами детдома Наташкой и Петровной (смотреть за детьми осталась Айша, которая категорически заявила, что не пойдет обратно в станицу, пока не кончится стрельба), Вира, наспех смывшая с рук пыль наборных касс, и Рогнеда, едва не попавшая на днях в лапы казаков под Неженкой, — все дружной веселой стайкой стояли в толпе, радуясь общему торжеству, хорошей погоде и своей молодости.

Тут и Вирины сестренки подоспели, окружив ее тесным хороводом.

Пока здоровались да обменивались новостями, народу на площади собралось много. На трибуну, украшенную хвоей и флажками, поднялись Акулов, братья Коростелевы, другие работники губкома и губисполкома, военные командиры и штабисты. Высоко взвились на древках большие красные знамена, реявшие на ветру, и вдруг грянула музыка «Интернационала» — духовой оркестр,

вызвав восторженное ликование ребятишек, взметнул возле трибуны свои серебряные трубы, ослепительно блестевшие на солнце. И все запели, путая и пропуская слова, но дружно и четко повторяя припев.

Потом Акулов своим полнозвучным, далеко слышным голосом предложил почтить молчанием память бойцов, отдавших в боях жизнь за победу революции. Многие заплакали, когда оркестр торжественно и печально исполнял похоронный марш.

Первое слово на митинге взял Александр Коростелев — политкомиссар Оренбургской группы обороны. От имени всех трудящихся и защитников города он поблагодарил 277-й Орский рабочий полк за мужество и исключительную стойкость, вновь проявленные в боях с колчаковцами у хутора Белова и на Салмыше.

— Теперь угроза вторжения в Оренбург с севера отражена, но по-прежнему тяжелое положение остается у нас на восточном направлении и на южном, за станцией Донгузской. На западе развивается наступление казаков генерала Толстова на Уральский район, который прикрывает 22-я стрелковая дивизия 4-й армии Фрунзе. Город Уральск осажден, хотя он держится так же геройски, как наш Оренбург. Голодная блокада не сломила красноармейцев, и они будут биться за свой город до победы. Мы знаем, что дутовцы опять проводят мобилизацию. Это нас не страшит: мы тоже будем создавать новые ополчения и получили для этого оружие из Бузулука. Нам предстоит еще долгая напряженная борьба с врагом, но мы сокрушим его. Залогом этого является ваша стойкость, товарищи оренбуржцы, и самоотверженная работа для фронта и тыла наших дорогих женщин. Вам, товарищи женщины, и бойцам рабочих полков мы обязаны тем, что сегодня так торжественно встречаем здесь Первое мая. Расчеты Дутова и его войскового правления явиться сюда в дни пасхи потерпели крах!

— Ура! — несколько тысяч голосов слились в нестройный, но мощный гул.

35

На квартире Рогнеды Харитина разложила на постелях и стульях свое приданое, привезенное в узлах из Изобильной.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовалась

Рогнеда, уже одетая, чтобы вместе с ней идти в Нахаловку.

— Гостинцы для праздника... Своим работницам в детдоме я уже отдала. Теперь мамане — шаль кашемирову, у меня твоя есть хорошая. Фросе тоже шаль и платье шерстяно, Вире юбку с кофтой навыпуск. Девчонкам и парнишкам на рубашки, да Нюше ишо кофточку, — приговаривая, Харитина с явным удовольствием, быстро и ловко разбирала свое имущество. — Смотри, сколь добра всякого! Когда бежали с Фросей из станицы, все покидала. А теперь, думаю, чего ему пропадать в сундуках? Посовала средь мешков на возы — легкое же все! Я и постелю забрала. Теперь гляди: одно одеяло мне, другое Фросе, это — Вириным сестренкам. Кошмой картошку прикрыла на дорогу, а теперича ее на постели поделим, Вире тоже, а то што она с маленьким на соломе-то будет! А из этих тонких холстов пошьем ему простынки да рубашечки.

В Нахаловку шли по просохшим улицам целой гурьбой. Не очень широко праздновали в домишках рабочих: из каждой семьи кто-нибудь находился в окопах или дежурил в госпитале. Многие потеряли уже своих близких. И все-таки первомайский праздник ощущался на каждом шагу: то красный флаг развевался на ветру, то гирляндочка из хвои красовалась зеленью на убогих воротцах.

Фрося в новом платье Харитины и цветном кашемировом платке особенно привлекала внимание встречных солдат, но надобно сказать, что глаза молодых красноармейцев сразу разбегались, стоило им окинуть взглядом всех ее подружек: каждая была хороша по-своему в свадебных обновках казачки.

— Молодец ты, Харитина! — сказала ей Вира, тронутая щедрыми подарками. — Мы тебя особо уважаем потому, что не ради своего приданого отправилась ты в Изобильную на этакий риск.

36

Веселая компания еще не успела спеться, все некогда было, а петь одна Рогнеда не хотела, поэтому попросила выступить самых младших. На нарах мигом образовалось нечто вроде сцены. Сняв с печи светленькую трехлетнюю Кланьку, тетка Палага шлепнула ее легонько и сунула на нары:

— Пляши!.. Ба-а, ишо кого-то бог несет, — обернулась тетка Палага на стук двери.

— Да это же Харитон! — Наследиха чуть не уронила с шестка последний лист с ягодными шаньгами, обожгла руку и, постанывая, помахивая ею, бросилась к сыну. — А Павлик? — со страхом спросила она.

— Жив, здоров. Завтра явится.

— Пошто он с тобой не приехал? — заговорил дед Арефий.

Харитон протиснулся среди малых и взрослых, необычно стесняясь, сел рядом с Харитиной.

— Я тебя теперь шибко уважаю, — сказал он, коснувшись нечаянно плечом ее плеча. — И жалею тебя, голубушка ты наша!

— Во-от, давно бы так! — с дерзкой усмешечкой пропела Харитина, вспомнив непримиримую злобу Харитона к Нестору и всему казачеству. — Не все мы плохие.

— Да я не об том, — упавшим голосом произнес Харитон.

— Об чем же ишо? — она с прежней смелостью повернула голову — в упор смотрели на нее слегка косящим взглядом глаза деверя, особенно светлые на обветренном, мужественном лице; впервые она заметила тень рыжеватых усов над его твердо и резко очерченным ртом, пшеничные валки бровей над высоким переносьем.

Странно он смотрел на нее, будто обнимая, притягивая к себе взглядом, и она опять смутилась, отодвинулась подальше от его могутного плеча: чего доброго, облапит при всех!

Но он, почувствовав ее смятение, придвинулся снова.

— Жалею, стало быть, люблю тебя.

— И я вас всех люблю пуще родных, — попробовала отговориться она, будто не понимая.

— А я не так, как всех... — Он взял ее маленькую руку, утонувшую в его горячей широкой ладони, бережно сжал, и Харитина почувствовала, будто толчки его сердца отдаются, колотятся в ее груди.

— О, господи! — она рывком встала, но Харитон, не выпуская ее руки, притянул ее обратно, вынудил присесть.

— Ты не убегай — может, последний раз видимся. Завтра снимает нас Гай с Салмыша, был, оказывается, приказ Фрунзе... Первый батальон Шалина ушел 27 апреля на подмогу 216-му полку на хутор Белов.

Заговорив о боях, Харитон как будто отдалился от Харитины, и она облегченно, но и не без сожаления вздохнула, попробовала тихонько высвободить руку, но не тут-то было — Харитон сразу наклонился к ней, требовательно заглянул в глаза:

— Знаю, не время сейчас для нежностей. Я и вообще-то не занимался ими... Не тянуло меня к девчатам. Понравилась одна, боевая, да убили ее казаки. Я к ней близко не подходил — стеснялся, а бабами, которые сами навязывались, — брезговал. И, по правде сказать, не верил в любовь. А вот она — явилась, приворожила, незваная, нежданная. Скажи хоть словечко ласковое, зазнобушка милая! Могу ли надеяться?..

Харитина беспомощно огляделась. Да ведь в землянке народу полно! Женщины у стола хлопочут, щебечут. Рогнеда ребятишкам на гитаре что-то наигрывает. И, видно, по просьбе матери, не желавшей мешать беседе молодых людей, Фрося водружала на нарах принесенный ею с улицы кипящий самовар.

— Сижу, ровно барыня! — вспыхнув до корней волос, сказала Харитина, а про себя с раскаяньем: «Забыла про бедного своего Николашу! Что обо мне подумают-то: рука об руку, будто молодые, сидим!»

— Хозяйничать есть кому. А ты со мной побудь. Глядеть на тебя — душа радуется, за все-то страшные дни и ночи — такая отрада! — И... замолчал Харитон: ведь не знает еще она, как он ее милого брата Нестора в упор сразил. Счастье-то какое, что выжил казак!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Разговор с Фрунзе вели по прямому проводу Михаил Дмитриевич Великанов, известный оренбуржцам как храбрый боевой командир, назначенный начальником оренбургской группы после Вилумсона, Акулов и Александр Коростелев. Еще не утихло гордое торжество победы в Салмышском бою, еще летели оперативные сводки о ней командующему Южной группой Фрунзе, а от него — командующему Восточным фронтом Каменеву, а над Оренбургом снова сгущались черные тучи...

Возле Великанова — номер фронтовой газеты, в кото-

ром говорилось, что героизм 277-го полка на Салмыше был выше всяких похвал. Сколько солдат и офицеров потонуло в Салмыше — сосчитать невозможно. На столе штаба лежал свежий номер оренбургских «Известий». В нем на видном месте была напечатана «Телеграмма командующего Южной группой М. В. Фрунзе и члена Реввоенсовета В. В. Куйбышева начальнику обороны Оренбурга о награждении отличившихся в бою на реке Салмыш»: «3 мая 1919 г. Предлагаю немедленно представить к награждению отличившихся в бою на реке Салмыш из состава полка. Всему полку от имени Рабоче-Крестьянского правительства объявляю благодарность за его геройский подвиг. Уверен, что геройский 277-й полк и впредь оправдает доверие трудового народа. Командующий Южгруппой Фрунзе. Член Реввоенсовета Куйбышев».

Да, положение защитников города снова осложнилось: проведя мобилизацию, белоказаки 1-го корпуса с юга и 2-го корпуса с востока повели решительное наступление на Оренбург.

— На помощь 210-му от Донгузской до Каменно-Озерного мы направили 217-й рабочий полк, а на восток для подкрепления 216-му 218-й рабочий полк, — говорил Великанов, стоя возле телеграфиста. — Эти полки Оренбургский губком партии и командарм-1 срочно сформировали в последних числах апреля. Но сил слишком мало, чтобы противостоять всей армии Дутова, и мы просим командование Южного фронта выделить подкрепление для Оренбургской группы.

Подхваченная Михаилом Дмитриевичем лента ответа Фрунзе гласила:

«Командование фронта не имеет возможности выделить сейчас подкрепление для Оренбургской группы. Постарайтесь обойтись собственными силами, используя все резервы».

Тогда к проводу встал Акулов.

— Штаб 1-й армии в своем донесении просил штаб Южной группы «о срочном усилении обороны Оренбурга не менее как бригадой пехоты, двумя кавалерийскими полками, двумя батареями, а также принять срочные меры для прикрытия тыла армии». Мы со своей стороны провели объединенное заседание Оренбургского губкома партии и губисполкома. Взамен снятых войсковых частей с нашего фронта, в частности 277-го Орского рабочего полка, отмеченного в вашем приказе за Салмышский бой,

рабочее население Оренбурга поголовно мобилизовано. Резервов у нас больше нет.

«Куда направлен 277-й полк?» — спросил Фрунзе.

— 277-й полк, чтобы прикрыть правый фланг 20-й дивизии Первой армии, обороняющейся севернее Оренбурга, по приказу Гая повел наступление на Григорьевку и Деево. После двух суток боев эти пункты заняты. Защищать Оренбург остались четыре местных полка. Против них Дутов бросил свои казачьи корпуса, усиленные частями белой армии и колчаковцами. Положение у нас отчаянное, но рабочий класс, вставший под ружье, сражается мужественно, не теряя надежды на победу и на вашу помощь.

«Мы продумаем вопрос и сообщим без промедления, — последовал ответ Фрунзе. — Мы отправили вам две тысячи винтовок, а армейское пополнение выделить трудно».

— Вот оказия какая! — Акулов сел, сутулясь и опираясь о край стола сжатыми кулаками. Повернул голову к Великанову, застывшему в задумчивости у аппарата, потом взглянул на Коростелева, стоявшего с другой стороны. — Что будем делать, товарищи?

Впервые Коростелев видел Акулова таким помрачневшим и встревоженным.

— Надо потребовать возвращения в Оренбургскую группу обороны 277-го полка, — твердо заявил Великанов. — Белогвардейцы и казаки жмут на Каменно-Озерное, вынуждая 210-й полк отходить шаг за шагом. А для нас каждый шаг — приближение катастрофы: тут все рядом — и Каменно-Озерное и Неженка.

— От Донгузской до Менового двора тоже рукой подать, — напомнил Коростелев. — Правильно сказал Великанов. Попросим Фрунзе вернуть нам 277-й Орский полк для подкрепления малоопытных в военном деле новых рабочих полков.

Ночь уже наступила. Лечь бы на скамью в штабе обороны, подсунув под голову шинель, уснуть перед новыми испытаниями часик-другой... Но Акулов протирает покрасневшие глаза и опять подходит к аппарату. В Оренбурге 24.00, в Москве 22.00 — десять часов вечера. Ленин еще в рабочем кабинете Кремля... Телеграфист отстукивает вызов по прямому проводу. Председатель губкома докладывает Ильичу о боях за город. Просит оказать содействие в получении подкрепления, просит снова разрешения выплатить очередную заработную плату

семьям рабочих, ушедших на фронт. Ленин обещает переговорить с командующим Южной группой Фрунзе. Разрешает выплатить зарплату. Передает привет участникам обороны. Интересуется здоровьем Ивана Алексеевича. «Может быть, вам согласиться на работу в политотделе Туркармии?» — «Нет, я достаточно здоров, прошу оставить меня в обороне Оренбурга, — отвечает Акулов. — Считаю, я здесь нужнее».

Хорошо, что Ленин не слышит, как он кашляет, ожидая ответа. Ленин обещает поддержать его просьбу.

Разговор окончен. Теперь — спать. Но надо еще написать письмо Петру Баранову, старому верному другу, назначенному начальником политотдела Южной группы Восточного фронта, и его жене, с которыми только недавно удалось установить переписку. И обязательно письмо матери.

Преодолев сон и усталость, уселся за стол...

Закончив письмо другу, он с минуту сидел в каком-то оцепенении, потом привычным движением отбросил свалившуюся на лоб прядь светлых волос и потянулся за чистым листком бумаги.

«Дорогая мама! Поздравляю вас всех с только что прошедшим Первомайским праздником. Извини, родная моя, что не нашел времени для письма раньше. Закружились мы тут немножко — нажимали колчаковцы и казаки. Но наши геройские рабочие полки разбили и отбросили их. Сейчас у нас спокойнее. Ты не тревожься. Здесь легкий воздух, хорошая природа, и иногда я чувствую себя почти как на курорте...»

Немножко отодвинувшись, Акулов посмотрел критически на свое сочинение: «И чего я вру? Ведь мать понимает, чувствует, каково нам здесь...» И вдруг карандаш выкатился из его вяло разжавшихся пальцев, голова опустилась на стол. Через минуту он уже крепко спал, блаженно посапывая, прижавшись лицом к письму, как к материнской щеке.

2

Набег казаков, когда они появились за Уралом всего верстах в трех от города и в течение нескольких часов обстреливали его улицы и вокзал из четырех орудий, был отбит лишь поздно вечером силами 217-го рабочего полка. Один из его батальонов, в котором находился Митя

Наследов, пятью днями раньше отогнал врага за Донгузскую и захватил штаб и контрразведку казачьего полка, которая арестовала Харитину. После радостной встречи с казачкой для Мити наступила сплошная боевая страда.

Всегда скромный и сдержанный, Митя не мог представить себя в бою со стороны. Ему казалось, он действовал как все, когда поднимала его из укрытия окопа неодолимая сила призыва: вперед! В такие минуты он забывал о смерти, о страхе и помнил только о том, что надо защищать себя и товарищей и гнать как можно дальше убийц в черных мундирах с голубыми лампасами и затесавшихся среди них золотопогонников. Жаль было колоть штыком лошадей, но Митя уже был однажды в юности под их копытами... И жгла сердце ненависть к этим конникам-кулакам, изрубившим в станице Изобильной его отца Ефима Наследова и весь отряд железнодорожников, которых они хитростью заманили в засаду. Митя — тихоня, как называл его отец, — походил в атаке на ураган, он был храбр, но разумен: не зарывался, не отрывался от товарищей, потому что берег и их. За это его полюбили в роте, отметили сразу командир полка Иван Молодов и комиссар Ефим Башилов.

А сегодня захлебнулась атака, и рота залегла под сплошным настилом пулеметного огня. Патронов дутовцам не занимать, и пулеметами Колчак их вооружил изрядно. Лежа за непросохшим пластом зяблевой вспашки, Митя впервые пожалел о том, что не обидел его бог ни ростом, ни могучей статью. «Был бы я заморышком, подкрался бы незаметно к пулеметам да гранатой их, окаянных». Но не подкрадется днем на ровном месте и замухрышка... Вот и лежали бойцы, с тоской и злостью слушая, как свиристели над ними пули, взрывая фонтанчики земли на пахоте, в которую они вжимались. А кое-кто уже затих, закоченел навечно...

Костя Туранин осторожно повернул голову к Мите, блеснул угольно-черными глазами на смуглом да еще выпачканном землей лице:

— Я, знаешь, Мить, в такие минуты не о мировой революции думаю, для которой становлюсь плохим защитником, а о матери и сестренках. Жалко расставаться с ними и с Гераськой тоже. И о Фросе вспоминаю... Вот вскочил бы со злости да в атаку. Но ведь и шагнуть не успеешь — так они строчат, сволочи! Хоть бы наш папаня шарахнул по ним из пушки.

— И правда, чего молчит полковая батарея? — откликнулся Митя, тоже думавший о Вире, как она будет жить, если его убьют, сама шестая, когда родит еще ребеночка от него? Жалость и нежность затопляли душу. Целовал мысленно ее светлые волосы и теплые губы, ласкал тонкие руки, говорил рвущиеся из сердца слова. Нет, он еще вернется к ней, обнимет всех ребятишек. Отчего же медлят батарейцы? Дайте вы им прикурить! — просил Митя, зная боевую работу отца Кости — артиллериста Федора Туранина. — Хоть бы один снарядик положили в это пулеметное гнездо, откуда нас поливают свинцом. Похоже, не один пулемет там поставлен.

Не успели друзья детства перекинуться словом, как легкий на помине, громкоголосо откликнулся басовитый кузнец — артиллерист Федор Туранин. Ахнула его батарея, взвился вдали, за пахотой, черный с багровым подсветом куст взрыва, а второй чуть подальше, и стихли пулеметные очереди. Но из-за увала вынеслась казачья конница и, стремительно нарастая, так покатилась на красноармейские цепи, что батарее нашей бить нельзя.

Но тут-то уже можно было действовать! Без паники, чтобы не допустить окружения, подождали красноармейцы и «вдарили из всех винтов». И свои пулеметчики поддержали. Не ожидая новых «гостинцев», лихо развернулась казачья лава и потекла назад.

— Скатертью дорога!

Однако «скатертью» не вышло: успел-таки Федор Туранин долбануть раза два по чубатой коннице. Мог бы и больше успеть, да, видно, мало давали снарядов и хорошо знали об этом дутовцы.

* * *

Отогнали казаков и вернулись в свои наспех, неглубоко вырытые окопы. Хорошо, что кончилась апрельская оттепель с грязью по колено и напоенными ледяной водой сугробами в каждом овражке. Земля подсыхала, тонкая нежная травка начинала прокалывать ее зелеными иголочками. Но края окопов, притолченные ногами, обутыми в сапоги, лапти, а то и босыми по теплу, тянулись обтертые, голые, как рубцы заживших ран. Пролитая здесь кровь убитых и раненых, уже впитанная землей, но оставившая багровые следы, еще усиливала это сходство.

Митя устало присел на бруствер, опустив рядом вин-

товку, и огляделся. Далеко позади окопов четко выделялись белые стены и верхушки башен Менового двора — жестокая сказка прошлого: меняли-то военнопленных и рабов!.. А из-за него вдруг появилась толпа людей. Ближе оказалось — женщины и подростки с белыми узелками в руках. Подошли и стали растекаться вдоль позиции: родные принесли еду красноармейцам, только отдавали кому придется: бойцы в окопах не сидели на одном месте, а все свои, и никто лишнего куска не съест... Но Мите даже есть не хотелось после горячки боя, и он не ждал никого: где же Вире ходить в такую даль?

— Обойдемся полевой кухней, небось с голоду не помрем, — сказал он ей перед уходом, запретив носить передачи, а вот сейчас взгрустнулось: «Пока мы тут, пока цел деревянный настил на железнодорожном мосту через Урал — пришла бы на минуточку!» Бывает и на обозном порожняке обратно солдаток подбрасывают, если бои пройдут без большого урона.

Но знал: не придет. А вот Федор Туранин крупными шагами направился кому-то навстречу. Нет, не тетка Палага. Она вчера была и принесла целое ведерко похлебки, заправленной пшеном, да еще картошки в мундире. Всех накормила: и Федора, и Костю, и Митю. А на днях уху приносила из щуки. Гераська сидел дома с девчонками. Сегодня же, похоже, он летит-торопится: расцеловав отца и Костю, поставив перед ними принесенную еду, подбежал к Мите:

— Айда поешь! Маманя наказала: тут на всех — суп она сварила с картошкой. Круглик с сазаном испекла. Я теперь полавливаю на донки. Жирнущий сазан. Видать, у них, рыб-то, еды в реке вдосталь, не то што у нас. А у вас на позиции еще как трахнет — любой кусок поперек горла станет. — Подержал в руках винтовку Мити, азартно прицелился в рыхлую синеву неба, простеганную пороховыми дымками. — Попросил бы ты батю оставить меня в окопах хоть до завтра. Все воюют, я один дома.

— Значит, так надо. Сам ведь понимаешь: матери без тебя — не разорваться же! А Виру ты видел?

— Ну как же! Нарошно забегал вчерась. Думал, письмишко даст к тебе. Да куды-ы! Чево-то печатали срочно. Сказала, завтра пошлет и носки тебе довяжет. А все поклоны со мной. Во-о — принимай! — Гераська шутя раскинул руки и словно вытряхнул что-то перед Митей. — Пацаны шибко по тебе скучают, и Вира тоже просила

сказать... — Гераська покраснел, на круглоглазом лице его с широконьким утиным носиком выразилось смущение. — Просила передать, что любит, тоскует, но надеется на встречу и письмо тебе большое напишет.

— А здорова она?

— Кабы была нездорова, не работала бы, а то вся энтой сажей наборной умазанная. Видать, шибко старается. Все для фронта печатают. Харитон на праздник домой приходил, гостил цельные сутки, а Паша остался дружков хоронить на Янгизке. Мы — все свои — пировали у тетки Дуни и дедушки Арефия. Народу-у было — полна землянка. Но об том наша маманя обсказала тебе, поди-ка. Айда уж — поешь! Вон и Костя с батей зовут, руками машут. — И еще, шагая рядом с Митей, сказал Гераська с тяжелой недетской печалью: — Што-то плохи наши дела у Неженки. Раненых везут навалом. Опять этот клятый атаман Дутов настегал да раззадорил своего Акулинина — гоняг кавалерию с Каменно-Озерного, пушки тащат! Губком всех туда мобилизовал — и рабочих, какие оставались, и служащих. Говорят, могут казаки до «Креста» красноармейцев попятить, тогда всего там семь верст нашей земли до Оренбурга останется. Буржуи знаешь как злорадствуют!

3

— Вот и прикидывай, как выкрутиться! — горячился вбежавший в штаб Великанов, все еще не получив приказа возвратить в группу обороны 277-й полк. — Ну снимем мы батальон 217-го из-под Донгузской, чтобы послать в Неженку, а там казаки — опять до Урала прорвутся.

— Придется снять да послать! — угрюмо сказал Александр Коростелев. — Сегодня мы с Акуловым и Поляковым всю ночь на позиции провели, раза два в контратаки ходили.

— Звони еще раз Фрунзе.

— Акулов только что звонил. Там телеграмма от Ленина насчет наших дел, вот копия.

Великанов, сразу успокоясь, взял текст телеграммы Ленина командующему Южной группой Восточного фронта, стал читать вслух: «Знаете ли Вы о тяжелом положении Оренбурга?» — У закаленного в боях командира вдруг сорвался голос, такое удушье от волнения комом

подступило к горлу. Подумал горестно: «Эх, дорогой Владимир Ильич, разве мы стали бы отвлекать вас в такое гибельное для всей страны время? Знаем, каково вам, и сами сил не жалеем, чтобы сохранить Оренбург — первостепенный фланг для операции Фрунзе. Только одолевают, ломят враги. Уступить им нельзя, и не отойдем».

— Что же ты, читай! — поторопил Александр Коростелев, кивнув вошедшим комиссару 217-го полка Башилову и членам губкома Здобнову и Занузданову. — Телеграмма от Ленина Фрунзе. Передали нам из Бузулука.

Великанов прокашлялся и начал сначала:

— «Знаете ли Вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передали от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать 2 полка пехоты и 2 кавалерии или хотя бы на первое время 1000 пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы Ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы, как нарушающей военные приказания. Ленин. 12 мая 1919 года».

Несколько минут в штабе стояла тишина, но лица командиров просветлели. Хотя Ленин и не приказывал командующему Южной группой выделить помощь оренбуржцам немедленно, но все равно она будет оказана, а сейчас надо делать перегруппировку сил, еще раз собрать резервы. В резерве ничего уже не осталось, но каждый ощутил новый прилив сил и желание немедленно действовать. Так дороги были в тяжкий момент внимание и забота Ленина и его доброе партийное слово!

* * *

Батальон, в котором находились Митя Наследов и Костя Туранин, был двинут под Неженку вместе с двумя батальонами 218-го полка. Шагая по деревянному настилу железнодорожного моста через грозно идущий полноводный Урал (пешеходный мост оренбуржцы сами уничтожили, чтобы в город не ворвались белоказаки), Митя жадным взглядом окидывал спуск к Уралу от Беловского бульвара и здания города, красовавшиеся над обрывом. Левее под берегом, у Зауральной рощи, раньше шумела шерстомойка богача Хусаинова, где работали

почти все нахаловские женщины. Сюда бегали сначала Харитон и Митя, потом Пашка вместе с другими мальчишками-подростками — утаптывали в бочках с водой грязную овечью шерсть, чтобы скорее и лучше промокла. Здесь впервые и заметил Митя тоненькую девочку с синяками на руках и лице, с открытым взглядом светло-синих глаз, озорным и печальным. Дерзко защищалась она от насмешек безжалостной ребятни, а работала по приказу папани, вечно пьяного буяна казака, поселившегося с большой семьей в Нахаловке. Тогда и пожалел ее Митя, но она и жалость отбросила... «Гордячка ты моя», — с щемящей душу нежностью подумал Митя, вспоминая совсем недавнее детство.

Когда батальон проходил по Николаевке, на обеих сторонах улицы образовались толпы людей. Особенно много набежало подростков, они стремились попасть в ряды красноармейцев. Пришлось оцепить колонну комендантской командой. Тогда ребятишки, приметив статного молодого красавца Шереметьева, командира 218-го полка, стали просить:

— Дайте нам винтовки, вот увидите, как мы будем бить беляков!

Командир знал, что у многих подростков в колонне были отцы и братья, но он решительно отклонил их просьбы:

— Помогать фронту вы можете и в городе.

Митя, так и стригущий глазами по сторонам, вдруг увидел в толпе женщин на тротуаре сестренок Виры. Забыв обо всем на свете, он окликнул их, и Нюшка сразу помчалась в сторону так, что заплясала, замоталась по спине ее длинная тонкая коса, а Зойка через минуту уже бежала рядом с колонной, путаясь под ногами солдат, чтобы подскочить к Мите. Он взял ее на руки, расцеловал, а она гладила его лицо, обнимала и говорила:

— Сейчас Нюша позовет Виру. Вы уж больно шибко идете, но Вира догонит. Куда вы отправились-то?

— Через Форштадт к Кресту.

— Я ее встрену и скажу. Она догонит, — уверенно повторила Зойка и выбежала на тротуар...

Теперь он шагал с краю колонны и то и дело оглядывался назад. Но уже кончались прямые, точно по линейке, застроенные добротными казачьими домами улицы Форштадта, а Виры все не было. А он, как и Зойка, поверил, что она обязательно догонит. Но не на крыльях

же полетит! Ясно — перехватит извозчика или даже верховую лошадь, недаром она казачка — не побоится и того, что в положении...

И правда, догнал красноармейский отряд, но не лихач в пролетке, не верховой скакун, а боец на бричке, и на глазах у командира батальона, привыкшего ничему не удивляться, и Кости, проникшегося доброй завистью к счастью друга, Митя прыгнул в бричку, откуда махали ему руками Вира и Нюшка с Зойкой, гордые удачно выполненной задачей.

Бричка катила рядом с колонной споро шагавших красноармейцев, которые, как один, поворачивали носы вправо и одобрительно кивали Вире. Но она сейчас, кроме Мити, никого не видела.

— Милый ты мой! Сокол ты мой ясный! — говорила Вира, как великое счастье ощущая его ответное крепкое рукопожатие, живую близость родного плеча, теплоту дыхания возле своего лица. — Довелось нам увидеться, и теперь я буду ждать спокойно. Довольно горя и всяких бед, выпавших на нашу молодость! Беречь себя ты не можешь, я знаю. Пусть сберегет тебя моя любовь. — Она вдруг засмеялась, сжала ладонями его лицо и почти пропела: — Неправильно говорю: не «сберегет», а «сбе-режет». Переживаю за тебя, за город наш несчастный и такой гордый, за хороших людей, не имеющих корки хлеба, а сама учусь и наборному делу, и слова запоминаю, и все статьи Ленина стараюсь прочитать, понять. Пока ты воюешь, я ох какая грамотная стану! И девчонок тоже учу. Степка от них не отстает, и Яшка много печатных букв одолел. Мы будем такими, что ты еще гордиться нами станешь. Напиши с позиции либо передай с кем — где вы тут будете. Ежели близко, еду какую-нибудь принесем с Нюшей. Я тебе ишо письмо не передала — две почи писала...

— Ну, ребята, прощевайтесь, а то меня хватятся — влетит по первое число, — сказал, не оборачиваясь, боец, правивший лошадью и с удовольствием слушавший бесхитростные, волнующие изъяснения молодой солдатки, которая атаковала его на улице с такой отчаянной, стремительной решимостью, что он не сумел отказаться и сразу погнал догонять полк. — Встретились перед боями, и ладно. Значит, уже повезло. Поторопись, солдат! Сам знаешь — служба. А я твоих обратно мигом домчу. Не бойсь, не растрясу, — добавил он, успев заметить острым

взглядом округленный живот молодушки. — Повозка моя рессорная.

— Спасибо тебе, друг! — серьезно сказал Митя, коснувшись ладонью его плеча, поцеловал девочек, в последний раз заглянул в залитые слезами глаза Виры, прижался горячими губами к ее — крепко сжатым, словно сдерживающим крик, — и спрыгнул на дорогу.

А Вира уже сгоняла слезы обеими ладонями, жалея, что не смогла до конца свидания наглядеться на дорогого человека, и тянулась ему вслед из повернувшей обратно повозки, махала платком, сорванным с плеч, и говорила про себя беззвучно, но страстно:

— Пусть сбережет тебя наша любовь! Пусть сбережет тебя твоя храбрость в бою!

4

218-м рабочим полком командовал только что организовавший его казак Александр Шереметьев, фронтовик-прапорщик, который на германском фронте служил выборным командиром казачьей дивизии, а вернувшись домой в Переволоцк, сбежал в Оренбург, чтобы дутовцы не забрали его в свое войско. В 1918 году он был делегатом губернского съезда Советов, сражался в актюбинской армии Зиновьева. Шереметьеву только что исполнилось 22 года, но он при всей своей молодости пользовался доверием большевиков и рабочих-красноармейцев. Командир вывел полк за Крест в разрыв между 216-м и 210-м полками. Так Митя с Костей, теперь командиры взводов, оказались на восточном направлении.

Конечно, Митя, хотя он и участвовал не раз в боях под Донгузской, не мог считать себя опытным командиром. Нужно было немедленно идти в наступление, а бойцы Шереметьева еще не имели понятия о перебежке подразделениями; не умели ложиться и вскакивать по команде, и было среди них немало людей, которые никогда не держали в руках оружия.

Комиссар 217-го полка (батальон которого влился в состав 218-го полка вместо одного его батальона) тоже фронтовик, 24-летний Ефим Башилов был назначен в этом году председателем губернского ревтрибунала и членом Военного совета Оренбургского укрепрайона, но за недостатком командиров, как все члены губкома партии и

губисполкома, был направлен на передовые позиции, сам вызвался идти в бой вместе с новичками.

С должностями и чинами считаться не приходилось — каждый являлся бойцом Красной Армии. А тут предстояло первое боевое крещение двум батальонам 218-го полка, плохо обученным за недостатком времени, и, конечно, весь комсостав заранее волновался.

За одиноко черневшим издали Крестом, неведомо кем поставленным у тракта верстах в семи от Оренбурга, где были отрыты оборонительные линии окопов, полк остановился в увалистой открытой степи. Далеко справа виднелась лесистая пойма Урала. Здесь-то и получился разрыв между 216-м и 210-м уже обескровленными полками.

Красноармейцы Шереметьева залегли в цепи, «обживая» окопы, примерились, как стрелять по противнику, но казачья пехота — впереди роты пластунов — тоже не дремала, подтягивалась, постреливая, к передовым линиям. За ней черной тучей по горизонту надвигалась кавалерия, причем часть казаков спешивалась — по сообщениям наблюдателей, — передавала лошадей коноводам и тоже присоединилась к своей пехоте. Обходя окопы, командиры и комиссары разъясняли вчерашним рабочим, что в атаку, которая им предстоит с минуты на минуту, надо продвигаться с перебежками: пробежать и залечь, потом вскочить, еще пробежать и опять залечь, чтобы не было большого урона от вражеского огня. Бежать, ложиться, стрелять — все строго по команде, а потом по призыву — сразу в атаку.

Об этом только что мобилизованным красноармейцам говорили и перед походом, а теперь разъяснили уже на местности. По возрасту состав полка был очень разный: от семнадцатилетних юнцов до пятидесятилетних, ходивших уже в дедах... Были и такие, кому, как Петру Ивановичу Изюмову, за шестьдесят...

— В атаке я не подведу, только бы дорваться до гадов, — говорил седоусый широкоплечий слесарь из депо Иван Спичак, у которого в прошлогоднем набеге дутовцы изрубили двух сыновей. — Силенка есть, и злость кипит, но вот эти перебежки с поклонами, прямо скажем, закавыка... И упасть-то старому непросто, а подскочить вовсе. Разве поспеешь за молодежью?

— Ничего, отец, не сомневайся, — сказал Митя. — И упадешь, и подскочишь, словно вихрем подхватит.

Зорко оглядывая будущее поле боя и красноармейцев, Митя двигался дальше, по примеру других командиров еще раз показывал неумевшим стрелять, как обращаться с винтовкой, помещал их рядом с опытными, старыми красногвардейцами.

Заставив пригнуться к земле, бахнуло несколько артиллерийских выстрелов, прострекотали пулеметы. Где-то у казаков прозвучал сигнальный горн. Послышалась команда — приготовиться к атаке 218-му полку...

В розовом свете майского утра, когда солнце уже золотило верхушки свежо и нежно озелененных деревьев в пойме и крыши дальних хуторов, стали видны наблюдателям ползущие по земле казачьи цепи.

А у Креста поднялась над окопами от старого тракта чуть не до Урала и до Орской железной дороги сплошная стена красноармейцев. И молодежь, и старики — весь полк, впервые идущий в бой, — не слушая команды, без всяких перебежек двинулся на врага. Подхваченные одним порывом, мгновенно смыкая ряды над павшими от выстрелов, плечом к плечу, ощетинясь штыками, сверкающими в косых лучах утреннего солнца, красноармейцы надвигались таким неотвратимо грозным строем, что у белоказаков сразу возникла паника.

Первыми побежали к своим коноводам спешившиеся казаки, пали на лошадей и поскакали, перепутав ряды кавалерии, шедшей в наступление. Не разобравшись, в чем дело, потекла с поля боя и кавалерия казачьего резерва. Тогда и мобилизованная в станицах пехота, привычным ухом уловившая гром удалявшихся копыт, оглянулась, подскочила и тоже пустилась наутек. Последними побежали пластуны, кувыркавшиеся от беcприцельного огня новобранцев.

Красные командиры, схватившиеся поначалу за головы от удивления и страха за своих бойцов, но шедшие с ними в первых рядах, от души смеялись, наводя порядок на занятых позициях. Оказывается, белые офицеры, хорошо изучившие психические атаки своих золотопогонных отборных частей, решили, что красные подтянули ночью такие большие резервы, что тоже решили пойти в психическую атаку. Врага ошеломило мощное движение красноармейцев: в полный рост, сплошной, казалось,

неоглядной стеной; такой атаки казаки не видывали, вот и драпанули.

— Здорово мы их пугнули!

— Без штыков погнали!

— Можно, оказывается, без выстрелов ходить в атаки! — радовались рабочие, приняв свое первое боевое крещение.

— Учтите: такой маневр по неопытности можно применить только однажды. Счастливо обошлось! Но теперь об этом станет известно всей белой армии. И если вздумаете повторить, не слушая команду, начисто выкосят пулеметными очередями, — уже серьезно, даже строго говорил Шереметьев.

А комиссар Ефим Башилов шутил с юнцами:

— Мы думали, вы в атаке закричите «мама», а вы молодцами держались. Хотя честно признаюсь: когда вы поперли прямым ходом, без перебежек, даже не клонясь под огнем, я чуть не облысел от потрясения. Так твердо шагали, но что бы вы стали делать, если бы у казаков не возникла паника и они бросились бы на вас?

— В штыки приняли бы. Штыком колоть каждый сумеет.

Митя и Костя едва успели обменяться впечатлениями от необычного боя, как в тылу у Креста возникло шумное движение и послышались крики «ура!».

— Что там произошло? — Молодые взводные командиры только успели разбежаться, а навстречу шумело:

— 277-й Орский полк вернули в Оренбургскую группу!

— Фрунзе распорядился дать его нам обратно для подкрепления.

— Ура! Фрунзе! Ура! Юлину и Терехову!

Стали подходить части прославленного боевого полка, и вскоре на позиции устроили митинг. Выступали Акулов, Мартынов, Александр Коростелев, комиссар печати Мискинов и Занузданов. Теперь 218-й полк и батальон 217-го полка возвращали в Оренбург на южное направление, где казаки в это время опять прорвались до Урала и начали обстреливать город из орудий.

5

— Вот где опять довелось свидеться! — Харитон обнял Митю, а тот тоже крепко обхватил брата за плечи: стояли, улыбаясь и покачиваясь, мерялись силенкой, по-

ка не подбежал Пашка, не повис сразу на обоих, а тут Костя подоспел, и здоровяк матрос Чоба, и Федор Монастырский, и еще знакомые ребята... Вмиг образовалась куча мала. Отпыхиваясь, лежали, отдыхая на теплой земле, и так сладко дышалось от запаха молодой травы, уже густой щеткой стоявшей повсюду, так славно шли в глубине синего неба белейшие клубы редких облаков, что показалось, будто нет никакой войны. Будто мирная молодежная маевка у Сакмары. Вот сейчас поднимутся и веселой гурьбой — в реку. Накупаются до мурашек по коже — и бегом в родную Нахаловку. Не так-то уж много надо было им для веселья!

— Ох, как я рад, что мы с тобой встретились! — сказал Пашка, приподнимаясь на локтях и заглядывая в глаза Мите.

— И я рад. — Митя прижал голову младшего братишки к своему лицу. — Совсем ты отбился от дома, вояка наш дорогой! Гляди, уж скоро усы начнут расти!

— А чево ты думаешь? Мне нынче пятнадцатый год пошел. В полку я как дома. Покуда не справимся с контрой, буду воевать. Если в Оренбурге увидишься с мамашкой, передай ей поклон от меня и Феди Монастырского, и Фросе, и Вире с Харитиной, и дедушке Арефию нашему дорогому...

— Все они наши дорогие, да на побывку-то не отпустят. Сразу будем форсировать Урал, чтоб отогнать белоказаков подальше.

— А Харитоша на праздник домой отпросился. Был в Нахаловке. Всех повидал... там и ночевал у мамани. А Фрося теперь живет в городе вместе с Харитиной у этой цыганской певицы. Нестор-то где-то за Бузулуком воюет, у Чапаева. Тетка Палага вместе с маманькой пироги пекла с рыбой и полбяной кашей. Это Гераська поймал рыбу-то на Сакмаре.

По-пластунски подползли Чоба и Харитон, широко разлеглись рядом, облокотясь на землю:

— Расскажи, Митяй, как это вы в психическую-то рванули! — попросил Харитон, перекусывая белыми зубами зеленый росточек пырея.

— Да так уж получилось... Народ необученный, команду мимо ушей пропустили. Как вскочили, так и поперли без остановки. Мы забегаем вперед, даем команду, куда там! Загребают и нас с собой. Тут выстрелы загреме-

ли — палят наши без прицела, а белоказаки уже стрекача дали. Но сначала и они постреляли — пластуны ихние. Кое-кого ранили, и убитые есть. Падали, а ряды тут же смыкались — и дальше, без останову. От этого у белоказаков еще пуще страху добавилось, а у нас полное воодушевление.

— Сколько разных чудес происходит в боевой обстановке. И все они от храбрости, — сказал Чоба, ходивший теперь в командирах роты; с бескозыркой ему давно пришлось расстаться, лишь краешек полосатой тельняшки в распахнутом воротнике френча напоминал о его матросской службе. Круглое лицо похудело, строже глядели карие очи, глубоко посаженные возле крупной картофелины носа, сильные мускулы так и бугрились под узковатыми рукавами: работал командир роты и штыком, и саперной лопаткой; опекая молодежь, учил ее в редкие часы отдыха окапываться, строить немудреные укрепления и осваивать приемы азиатской борьбы. — Все чудеса на земле либо от трудолюбия, либо от храбрости, — повторил он. — Когда мы с Алибием Джангильдиным переплыли на двух шхунах через Каспий, захваченный белым и английским флотом, а потом через пустыню везли оружие в Туркестан — это тоже было чудо. Но вот воюю я, ребятки, уж не первый год и все жду, и, покуда жив буду, буду ждать главного чуда, которое посулил нам Алибий в самом гиблом месте на Мангышлаке, при такой адовой жаре-духотище, какой и в глубоких угольных забоях нету.

— Чего же он вам посулил? — с мальчишеским любопытством спросил Митя.

— Что на Мангышлаке, где, кроме барханов, саксаулов да гнилых болот, нет ничего, будет цветущий край, когда утвердится Советская власть! Это только придумать надо!

— А ведь мы там вместе с тобой у Джангильдина были, — напомнил Костя, придвигаясь к Чобе. — Правда, поход выдался трудный, но память на всю жизнь. Джангильдин — что командир, что человек — самой высокой пробы, и если он сказал: «Гиблые земли станут цветущим краем», — то так оно и будет.

— Рад я встрече с тобой, Костя! А еще пуще рад, что ты словам Джангильдина тоже веришь. — Чоба сжал в широкой ладони руку Туранина. — Уцелели мы с тобой до сих пор, встретимся и еще!

— Значит, ты со всеми повидался в Нахаловке? — спросил Митя Харитона.

Тот молча кивнул.

— Как Фрося-то живет?

— Ничего. Работает все там же. По Нестору сохнет, только письмами и дышит.

— Большая любовь у них. — Митя вспомнил свое последнее свидание с Вирой, гордо улыбнулся. — Все-таки самое главное на земле: любовь и дети. Мне теперь так хочется поскорей отвоеваться. Всех этих дутовых, деникиных, колчаков повыгнать с нашей земли и устроить хорошую мирную жизнь. Чтобы без обид и всяческих несправедливостей, без голода жили люди. Ведь и голод-то терзает не потому, что хлеба нет, а потому, что отнимают его разные паразиты. И я бы тогда работал, и детишек растили бы с Вирой. Я их всех очень люблю, но мне так охота подержать на руках своего маленького. Кто будет, мальчик или девочка, — все равно. Главное — Вира его родит от меня, и это тоже чудом мне кажется, и оттого я еще пуще люблю ее, хотя сильней любить, пожалуй, невозможно. Какой я был счастливый, когда она догнала нашу колонну. И мне так жалко Фросю, столько она мучилась из-за своего Нестора, когда их разлучили. А потом этот слух, что он перешел на сторону белых казаков... А теперь опять мука — страх, чтоб не убили. — Митя замолчал, взглянул исподлобья на Харитона: как же он ни разу не перебил, не оборвал его — ведь он разговоры о любви терпеть не может!

Однако лицо Харитона выражало доброе внимание, размягченность какую-то. Совсем не свойственное брату выражение увидел Митя, удивился и возрадовался чутким сердцем. Но брови Харитона — выпуклые, словно из темного золота отлитые, — вдруг сурово наползли на крутое переносье, а углы резко очерченного твердого рта скорбно опустились.

— Чего ты? — встревожился Митя, угадав печальную растерянность и смущение под маской этой суровости.

— Ох, никому я не говорил... То Фроську не хотелось расстраивать, то Харитину... Боюсь, не простит она мне этого злодейства. Теперь, когда я в нее так врезался, горит во мне все от одного ее взгляда... Я ведь и не думал, что она, казачка кровная, среди бандитства возросшая, такую душу имеет, нежную да отважную. Ради чужих детишков на смерть пошла. В дело Ленина поверила,

в партию нашу вступила. Вся чистая, как цветок лазоревый, а не побоялась ни тифа, ни грязи, ни голода. Ведь не ради кого любимого — мужа-то ее вскоре после свадьбы наши в бою убили, — а из дружбы с Фросей и с братом... Нестором этим самым...

— Почему ты так о Несторе?

Харитон оглянулся на товарищей, на Пашку, увлеченно вспоминавших бои на Салмыше, понизив голос, сказал:

— Потому, что это я в него пулю всадил, когда он осенью приезжал в Оренбург искать Фросю и Харитину. Я не знал, что он порвал со своими. Был в казачьем мундире, и увидел я его в доме Софьи Кондрашевой, когда она ему на шею вешалась. Тут сам черт не разобрался бы! Я уж уходил со двора, когда они боковую дверь открыли и сразу на меня напоролись. Мог он тогда меня подстрелить? Очень даже просто. Вот я и поторопился...

6

С сознанием выполненного воинского долга возвращались красноармейцы 217-го полка в Оренбург. Опасения за Неженку улеглись: лучший полк в группе обороны не пропустит дутовцев на восточном направлении, а на днях должны еще прийти с Бузулука коммунистические роты, обещанные Фрунзе.

— Теперь еще повоюем, продержимся, пока подойдет обещанное подкрепление, — говорил в штабе Акулов, старавшийся воодушевить людей и словом и личным примером в бою. — Главное — успешно пошли дела у Фрунзе. Удар по армии Ханжина облегчит оборону и Оренбурга и Уральска.

— Но нам-то пока тяжело: позиции наши — настоящий тришкин кафтан, — посетовал Великанов, переставляя флажки на карте Оренбурга и его пригородов. — Отбили от Неженки, теперь надо латать оборону на юге. Под прикрытием огня батарей с правого берега Урала, на лодках и катерах форсировать Урал силами 218-го и 217-го полков. Отогнать белоказаков хотя бы до Менового двора, чтобы они не обстреливали город.

— Спасибо, что вернули нам 277-й полк, — сказал Иван Мартынов, принесший в штаб груз своих продовольственных забот.

— Устояли всем чертям назло! Даже атака под Крестом говорит о счастливой звезде обороны: совсем малыми жертвами обошлись, а продвинулись к Неженке, завоевали жизненно необходимое пространство верст на пять. Ведь дутовцы могли в тот день ворваться в город! — Акулов был доволен ходом событий в Оренбурге.

— Пять верст! Чему тут радоваться?! — сердито сказал Мартынов.

— Оптимист неискоренимый! — Александр Коростелев невесело усмехнулся, подошел к Великанову. — Нам надо проследить за форсированием Урала. Батареи сразу мы не перекинем. Когда отгоним беляков, снова сделаем деревянный настил на железнодорожный мост, а теперь батальоны усилим пулеметами.

— Я сообщу Фрунзе о ходе боев и о прибытии под Неженку нашего 277-го полка. Надо поблагодарить его за внимание.

— Правильно, Иван Алексеевич, одолевать просьбами мы все мастера, а сказать спасибо забываем, — согласился Коростелев. — Нашим руководителям тоже дорого доброе слово.

— То-то, милый друг! — весело сказал Акулов. — Внушаю я вам исподволь, что доброе партийное слово дороже всего. Поэтому надо поменьше нервничать.

Оставшись с телеграфистом, сидевшим у клавишей за столом буквопечатного аппарата «Юза», Акулов невольно засмотрелся на его работу. Как дорога теперь возможность пользоваться этим аппаратом связи. Правда, разговор «по прямому проводу» шел беззвучно, и не видно того, кто стоял где-то далеко, в другом городе, возле такого же стола с синхронно вращающимся типовым колесом, но присутствие собеседника ощущалось в его немедленных ответах и вопросах, и, если это был Ленин, вызывало особенно волнующее чувство ответственности. Ожидая вызова, Акулов еще раз перечитал телеграмму из штаба Южной группы о лучшем использовании в обороне 277-го Орского полка.

«Нам жизненно необходима эта поддержка. Главное — продержаться, пока Фрунзе развертывает свою операцию по прорыву фронта Колчака, — думал Акулов, — не дать Дутову ударить в тыл бузулукской группе. Скоро уже два месяца держат здесь оборону наши рабочие».

— На проводе товарищ Ленин! — сказал телеграфист...

7

Башкирия поразила краснохолмцев богатством и разнообразием своих лесов, тучностью распаханных под зябь черноземных полей, продвигаться по которым в весеннюю распутицу было сущим мучением: в черном месиве застревали повозки, пехота с трудом вытягивала лапти и пудовые от налипшей грязи сапоги. Масса оврагов и ериков, забитых в конце апреля снежной кашей, через которые переправляли орудия и броневики. И повсюду извилистые степные реки в зарослях пробудившейся от зимнего сна черемухи и вербы, белеющей нежно пушистыми барашками.

Нестор вспоминал, как бегал с ребятишками в пойму Илека, откуда приносили охапки серебристых вербочек перед пасхальной неделей. Это было единственное, о чем он вспоминал без горечи и злости — беспечное детство...

Комбриг-73 Иван Кутяков, взявший своей разведкой вестовых Колчака в деревне Карамзихе, хотя и отправил его приказы о наступлении не командарму Зиновьеву, которому он теперь подчинялся, не в штаб Южной группы фронта, а своему «батьке» Чапаеву, всей душой воспринял наказы Фрунзе: «Неприятель думает, что мы — за сто, за двести верст, а ты налети на него как снег на голову: стесни, опрокинь, гони, не давай опомниться...» Так действовал с самого начала Чапаев, когда в августе 1918 года разгромил под городом Николаевском трехтысячный отряд Чехословацкого корпуса. Умело маневрируя, решительно и лихо пускал в дело свою бригаду и Кутяков.

После доставки приказов Колчака, получив задание от Фрунзе «прощупать» передний край противника, Кутяков с 16 апреля повел разведку боем, да так удачно, неожиданно упав как снег на голову колчаковцам, что остановиться не счел нужным. Так и получилось, что первая победа его стала началом прорыва фронта белых между 6-м и 3-м уральскими корпусами, растянутого от бугульминской железной дороги до Оренбургско-Стерлитамакского тракта.

11-я дивизия колчаковцев, находившаяся за Ратчином, расстроенная дерзким и страшным в своей неистовости нападением кутяковцев, потеряв два полка, стала пятиться.

В это время отиравшийся в малом полевом бузулук-

ском штабе предатель Авалов, поставленный комбригом по настоянию Троцкого, сбежал к врагам, захватив план контрудара Фрунзе. Чтобы не потерять преимущества неожиданности, Фрунзе 28 апреля начал свой контрудар по армии Ханжина, бросив на нее 42 тысячи штыков и сабель. Чапаев повел в бой две свои бригады в составе 5-й армии Тухачевского с ближайшей задачей овладеть районом Бугуруслана. Справа 31-я оренбургская стрелковая дивизия и кавалерийская бригада армии Зиновьева пробивались вместе с бригадой Кутякова к железнодорожной станции Загладино, чтобы потом повернуть тоже к Бугуруслану. Часть сил 1-й армии и 24-я ее Железная дивизия двигались от Шарлыка (Михайловское) на север, вдоль реки Дема в тыл 3-го корпуса белых.

Нестор в первых боях был поставлен Кутяковым командиром кавалерийского эскадрона, в который вошли все краснохолмцы. А после разгрома 11-й и 12-й дивизий 6-го корпуса и удачных налетов на передовые части 3-го корпуса был назначен командиром дивизиона 73-й бригады, состоящего из трех эскадронов, числом до 600 сабель.

Фрунзе вместе с полевым штабом находился в центре наступления. Подъехав с ординарцем Сергеем Сиротинским и своим помощником Новицким к спешившимся у бивака кавалеристам, он поздоровался за руку с Кутяковым и Нестором, приветливо кивнул близстоящим:

— Каково самочувствие?

— Самое боевое. Потери за переправу понесли небольшие: хорошо поддержала артиллерия соседнего полка и своя батарея. И вот заняли плацдарм на берегу Малого Кинеля. Пленных взяли человек полтораста, — доложил Кутяков.

— Хорошо деретесь, товарищи казаки! — сказал Фрунзе Нестору.

Михаил Васильевич уже знал, что занятый плацдарм закреплен для новых боев переправившимися частями соседней пехотной дивизии и кавалерийскими соединениями 75-й бригады Потапова. Самый трудный в распутицу участок от Бузулука до Бугуруслана в сто пятьдесят верст по низменности был преодолен наполовину.

— Снарядов хватает?

— Маловато, но пока не кончилась распутица, мы о пушках не плачем. Приходится их на руках подтаскивать. А броневики вывозим и на верблюдах и на быках...

— Противнику распутица тоже не помощница! — напомнил Фрунзе, оглядываясь на подскакавших Чапаева и Потапова. — Вот ваш начдив летает как вихрь по фронту в любую погоду!

Чапаев, и правда взвихренный, так и горел воодушевлением, радуясь тому, что теперь его дивизия уже действовала как одно целое (бригаду Кутякова ему вернули), и он получил возможность свободного маневра. Доволен он был и краснохолмским пополнением — не подвели казачки! Потапова тоже вполне устраивала военная выучка и напористость в бою, которую проявляли переданные ему сотни краснохолмцев.

— Не знаю, как они встретятся с белоказаками, а колчаковцев бьют лихо! — сказал он Чапаеву, оглядывая бойцов, располагавшихся на короткий отдых.

А тот, подкрутив тонкий ус, только усмехнулся озорновато:

— Небось со своими куркулями им, как и с золотопогонниками, не по пути. Большинство из бедных семей, фронтовики. Да и на Дутова шибко злые.

Увидев Фрунзе и Кутякова, эти двое тоже спешились, кинув поводья ординарцам. Над водой клонились благоуханные, в клейких листочках ветви тополей и уже кипенно-белые кусты черемухи. Дав коням попить, молодые бойцы направились за своими начальниками, чтобы те могли «в секунду вдеть ногу в стремя», коли возникнет надобность, но, не утерпев, сломали на ходу по ветке-другой горько и сладостно пахнущей черемухи, только-только раскрывшей цветочные почки.

— Девчат нет, так сами украсились! — заметил Фрунзе, глядя на белые душистые кисточки в петлицах кавалеристов, за пряжками ремней у пехотинцев; кто под фуражку, кто за ухо заправил милую сердцу веточку. — А ведь весна-красна наступила, товарищи! — почти с изумлением промолвил он. До сих пор он не обращал внимания на ее приметы в горячке подготовки к прорыву фронта противника, в постоянных переживаниях-столкновениях из-за интриг председателя Реввоенсовета республики Троцкого, считавшего план удара по флангу армии Колчака бредовой затеей. Троцкий видел главную опасность в Деникине на Южном фронте и совершенно игнорировал устремления Колчака встретиться с этим генералом в Саратове для совместного похода на Москву (а Колчаку до Саратова оставалось всего 70 верст). Пред-

седатель Реввоенсовета республики предлагал для сохранения Красной Армии уход ее за Волгу (на правый берег) с эвакуацией Самары, не считаясь со сдачей врагу хлебных районов, бакинской нефти и семи железных дорог. Чтобы парализовать действия Фрунзе и его наступление, Троцкий стремился снять командующего Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева и заменить его послушным генералом Самойло, а также снять члена Реввоенсовета Сергея Ивановича Гусева, а потом и самого Фрунзе. Но Фрунзе поддержал член Реввоенсовета Южной группы Куйбышев, решительно отказавшийся от эвакуации Самары, вокруг которой строил укрепления инженер Дмитрий Карбышев, наводивший мосты и в Бузулукском районе для выдвижения броневых частей. Заступался в Москве за своего командующего и его помощник Федор Федорович Новицкий. Однако все время ощущал Фрунзе подвохи враждебно настроенного Троцкого. Если бы не Председатель Совета Обороны, дорогой Владимир Ильич, поверивший Фрунзе, план его был бы сорван. Но даже после опубликования в газете «Правда» 12 апреля «Тезисов ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», в которых указывалось на опасность и предлагалось парторганизациям направить все усилия на проведение мероприятий для победы над Колчаком, Троцкий продолжал упорно проводить свою опасную политику под видом помощи Южному фронту.

В тезисах говорилось: «Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны». Коротко и ясно. А Троцкий в самые решительные минуты наступления Фрунзе старался парализовать силу его удара.

8

Подкрепились щами и кашей, принесенными в котелках из подъехавшей полевой кухни, и прямо под открытым небом, не раскидывая палатки, устроили совещание полевого штаба с участием начальников дивизий, командиров бригад, полков и дивизионов. Ставилась очередная задача Туркестанской, 5-й и 1-й армиям и отдельно 25-й Чапаевской дивизии, самой быстрой и маневренной благодаря кавалерийским частям и боевитости ее командиров.

Фрунзе говорил, предельно собранный. Все в нем было просто, естественно: и голос, и спокойные движения рук, которыми он подкреплял ясные, убедительные слова, все внушало доверие и уверенность. «До чего свой, близкий человек, каждому бойцу понятный», — думал, глядя на него, Чапаев, успевая схватывать суть приказов командующего Южной группой и его стратегические соображения.

«Как я мог жить, не зная таких людей, как Фрунзе и Куйбышев, как Тухачевский, Чапаев, Потапов и Кутяков? — радостно удивлялся Нестор, обдумывая решение своей боевой задачи на местности. — Как я жил в кулацко-казачьей станице, где из меня готовили карателя, не знал, что такое Ленин в жизни народа, и не только русского народа!» И снова жадно слушал полководца из рабочей среды, сумевшего ударить по первоклассно оснащенной, намного превосходящей и в технике и в живой силе огромной армии Колчака.

— Частям 1-й армии развивать удар вниз по левобережью Демы, 5-й армии к 4 мая занять Загладино и двигаться на Бугуруслан при активной поддержке 25-й дивизии, особо отличившейся в последних боях. В Бугульме Колчак хочет подготовить нам какой-то сюрприз. Поэтому надо выбить белых и из Сергиевки, а с началом их отхода на север, 5-й армии организовать преследование, чтобы отрезать часть корпуса Каппеля до Бугульмы. — Фрунзе взглянул на собравшихся командиров. — Туркестанской армии после взятия Бугуруслана ставлю задачу выйти в район Сарай-Гира и нанести удар в направлении Белебея. Надо выйти в тылы колчаковцев в этом районе, тогда мы сможем нанести поражение корпусу генерала Каппеля. Противник силен, хитер и вооружен до зубов Антантой. Наше преимущество — неожиданность нападения, но необходимы: отлично налаженная взаимосвязь, взаимовыручка частей и свобода маневра. Тут, — Фрунзе обратился к Чапаеву, — я вас стеснять не стану. Главное — точный расчет, стремительность и внезапность удара — этим вы сбережете жизнь бойцов. Самое страшное — нерешительность и промедление, дающие врагу время собраться с силами для отпора, а еще хуже действия без учета возможностей противника, без знания обстановки. Поэтому всеми мерами усилить разведку, послать в нее самых опытных.

Распределив задачи и обязанности, устроили роскошное

чаепитие, доставив целый бак кипятку на печке-двуколке с заваркой настоящего чая, — разжились в колчаковском обозе.

— Антанта угощает в ожидании пинка под зад ее любимому адмиралу и всем его иностранным атташе! — пошутил Сиротинский, рассмешив командиров.

Что может быть лучше настоящего чая? Да еще подоспела полевая почта, и каждый счастливец расцветал улыбкой при виде адресованного ему письма. Пришло письмо и Нестору... Но он так побледнел, так широко распахнулись его светло-серые глаза, что все обратили на него внимание.

«Наверняка влюблен по гроб жизни и боится получить отбой от возлюбленной, — решил Фрунзе, с симпатией и сочувствием глядя на молодого командира. — В бою не робеет, а в сердечных делах как юноша...»

Нестор вскрыл конверт, адрес на котором был выведен незнакомой рукой, и облегченно вздохнул — письмо написано Фросей. «Вот ведь как напугала! А в письме, сразу видно, карточка». Развернул и засмеялся, в самом деле как влюбленный мальчик. И оттого, что он, не прячась, открыто рассматривал фотографию, все тоже потянулись взглянуть. И первый забрал ее Чапаев.

— Вот это да! Которая? — спросил он отчетливым, почему-то тихим голосом. — Черноглазка? Надо же!

— Та, что светловолосая, — сестренка Харитина, хоть малограмотная, но смышленая и энергичная, работает директором детдома в Оренбурге. А смугленькая — королевна моя, Фрося, заведует рабочей столовой. Обеим по восемнадцать лет еще не исполнилось. Обе члены партии большевиков.

Нестор уткнулся в письмо, читал и улыбался, потом захохотал так, что и другим стало весело. Фотография переходила из рук в руки: две сближенные женские головки, снятые крупным планом. Брали снимок бережно, вытирая ладони о полы гимнастерок, о шинели, и невольно вздыхали: такие прелестные лица у жены и сестренки командира Шеломинцева! Особенно поразила всех красота Фроси, пытливый и вдумчивый взгляд ее черных глаз и тонко выточенные черты миловидного лица, светящегося добротой и умом.

— Бывает же на свете такая красота! — сказал Кутяков, вспомнив свою тоже восемнадцатилетнюю женку,

прикатившую к нему на фронт под Уральск этой зимой, в тревожное время кулацкого мятежа.

Ему, командиру бригады Кутякову, не уступавшему в умелой маневренности и лихости Чапаеву, было самому-то всего двадцать два года. Молодежь, еще не вышедшая из комсомольского возраста, окружала Фрунзе, и он, любуясь ею, почти с грустью вглядедся в лицо Фроси, в самом деле выглядевшей сказочной королевной возле своей прехорошенькой золовки.

— Вот что делает война проклятая! Каких людей она разлучает, какие чувства испытывает, — заговорил он серьезно. — Еще и за то должны мы всыпать белопогонникам и белоказакам, что не только сеют они смерть на нашей свободной теперь земле, но и сердца терзают переживаниями. Идя в бой, помните о своих любимых и поседелых от горя матерях. А бойцам говорите, что сделали мы революцию для счастья людей. — И, обращаясь к Нестору, спросил: — Над чем вы так смеялись, товарищ Шеломинцев?

Нестор, улыбаясь, рассказал о поездке Харитины под видом монахини в Изобильную. И командиры тоже от души посмеялись.

Но подъехал комиссар Чапаевской дивизии Фурманов, опоздавший на совещание, и рассказал о злодействах белоказаков в сожженном ими башкирском ауле...

9

Войска шли теперь по Бугуруслано-Белебейской возвышенности. Земля здесь была посуше. На холмах нежно зеленели березовые рощи, в низинах раскидистые липы. Попадались одинокие шиханы — останцы, окруженные сосновыми борами и темными ельниками. Словно вологодским сквозным кружевом накинулись мелкими еще, сморщенными желтоватыми листочками и длинными сережками могучие дубы. И опять распаханные черноземы, заросли вербы, черемухи и тополей по берегам красавиц речек. Весна стремительно шагала по горам и просторам долин, перегоняла в пути отряды конницы, артиллерийские батареи и измотанных, но рвущихся вперед пехотинцев. И чем краше становилась земля, тем строже делались лица командиров, тем чаще высылались вперед кавалеристы для разведки и эскадроны для разведки боем. Но далеко зарываться им не разрешалось, чтобы

не внести переполох во вражеском стане раньше времени.

Удар в направлении Бугуруслана был нанесен смежными флангами Туркестанской и 5-й армий. В упорных боях особо отличилась 25-я стрелковая дивизия Чапаева и 24-я, разбившая 19-ю пехотную дивизию Ханжина; 4 мая красные войска заняли Загладино и Бугуруслан — небольшой городок, расположенный у железнодорожной станции на реке Большой Кинель — притоке Самары. Потерпев поражение, белогвардейцы стали отходить, стремясь удержаться на севере у Бугульмы и на востоке у Белебея. Вскоре от пленных и захваченных «языков» стало известно, что Колчак задумал создать новую группу возле Бугульмы.

— Не пройдет у него этот номер! — заявил Чапаев, получивший задание при поддержке 27-й дивизии расстроить планы верховного правителя.

Война уже утюжила эти земли — попадалось много выгоревших дотла аулов и русских деревень. Безлошадное башкирское крестьянство ютилось в наспех отрытых землянках. Обиженная земля взывала к милости проходящих войск, но милости от войны, катящейся огненным валом и все сметающей на своем пути, ожидать было трудно. Красноармейские части старались все-таки оказать посильную помощь населению: делились трофейными продуктами, помогали там, где задерживались в постройке жилищ многодетным семьям. А колчаковцы крушили всех и вся, словно решили оставить после себя безлюдную пустыню.

Для Нестора этот многотрудный и опасный поход был настоящей школой политграмоты. По возможности он не пропускал ни одной лекции Фурманова в боевых частях дивизии, жадно вслушивался на митингах и совещаниях в слова Чапая, который был не так сведущ в вопросах политики, как его комиссар, но зато по боевой тактике, по разборам проведенных боевых действий и в постановке конкретных задач для своих соединений стоял на такой высоте, что все его приказы выполнялись не только беспрекословно, но и с воодушевлением. Ему верили свои, перед ним — судя по показаниям пленных и взятых разведчиками «языков» — трепетали враги.

— Чапай зря вперед не пошлет! — говорили бойцы после очередной победы; они без ропота несли тяготы походной жизни.

Чем дольше воевал Нестор со своими казаками под его началом, тем сильнее привязывался к бесстрашному, гордому, а иногда немножко наивному начдиву.

10

— В Красной Армии вы не просто сражаетесь с противником, а все военные действия наполняете глубоким смыслом, — сказал Нестор Фурманову, выйдя вслед за ним из палатки начдива. — Я раньше по молодости мало смыслил в политике, а теперь вижу: нельзя без нее жить.

Фурманов немного старше Нестора, но он прошел школу классовой, революционной борьбы вместе с текстильщиками Иваново-Вознесенска, под руководством Фрунзе. С семнадцатого года на советской и партийной работе, участвовал в подавлении эсеровского мятежа. Потом был назначен Фрунзе, уже командармом-4, комиссаром в 25-ю дивизию Чапаева и умно, тактично просвещал своего вспыльчивого, но отходчивого начдива, а заодно — комсостав и рядовых бойцов.

Нестору Фурманов тоже очень нравился: не встречал он таких людей в дутовском окружении и прислушивался к каждому его слову.

Вот в погребе разрушенного поселка на железнодорожном разъезде обнаружено несколько башкирских семей, схоронившихся от проходившего здесь боя. Окруженные красноармейцами, они жмутся в кучу, блестят из отрепьев одежды черными испуганными глазами. Фурманов подходит, высокий, сильный, с обветренным лицом, на котором так и светятся тоже черные глаза, дружески берет под локоть оборванного бабая:

— Скоро кончал война, мир будет, товарищ. Землю будем пахать, хлеб сеять, кумыс делать.

Еще не дряхлый бабай, усиленно морща лоб, старается понять слова красного командира, но прежде всего доходит теплая интонация. Ни угроз. Ни крика. Никаких требований.

— Кумыс!.. Кони нету. Кобыла белый генерал взял. Сынка убил. Три сынка. Дочка пропал. Красивый дочка... — По рытвинам морщин старого башкира заблестели ручейки слез. — Ты кто? Колчак?

— Нет. Красная Армия. Командует Фрунзе, член Реввоенсовета Куйбышев из Самары.

— Пурунзо? Койбаши? — Старик кивает головой: значит, что-то слышал. Но больше всего рад тому, что это не колчаковская армия, надругавшаяся над мирными жителями. Отделив, словно барашков, от сбившихся в кучу людей четырех мальчишек, один другого меньше, сказал: — Сынка ребятишка. Матка тоже увел казак. Дай хлеб. Собсем голодный.

Красивый босой мальчонка лет трех, с грязной рожицей под потрепанным треухом, в одной продранной на пузке рубашонке привлек внимание Нестора недетским выражением осунувшихся глаз. Добывая из кармана шинели ломоть хлеба и кусок сахара, он наклонился к ребенку, но тот, увидев над собой кудрявый казачий чуб, дико взвизгнул и бросился, весь дрожа, к деду:

— Каза!.. Каза!..

— Боисса, — сказал старик печально. — Вот, — он задрал полу засаленного изорванного бешмета — багровые следы казачьей нагайки, прорубившей кожу на тощем боку, обожгли Нестора жгучим стыдом: «Что понадобилось белоказакам от старого человека?»

Старик погладил прильнувшего к нему ребенка, сам стал совать ему в руки гостинец Нестора, но мальчик взял только хлеб; что такое сахар, он не знал.

— Девчонка... Такой, — старик показал ладонью ниже своего локтя, — увел. Баловали. Потом убили. Я просил. Плакал. Гнал миня на коне. Бил шибко. Я упала. Вот! Все так. Другой аул тоже.

Старик вздохнул надрывно. Навидавшиеся и своего и чужого горя глаза его теперь сухо светились в воспаленных, набрякших веках.

Красноармейцы постояли молчаливым кругом, потом пошарили в тороках, отдали погорельцам кто краюшку хлеба, кто кусок вяленой рыбы или печенные в костре картофелины.

Так же молча сели на коней и двинулись вперед... к Бугульме.

— Я их теперь, как падаль, расшвыривать буду, — тоненьким своим голоском, осипшим от возмущения, сказал Гора Кучугуров. — Тоже мне, свободное сословие — казаки! От чести и совести у Дутова и Колчака свободны. Это точно! За это с них никто не спрашивает.

А Нестор все думал, даже в висках заломило: «До чего же докатилось казачество? Да нет, оно на царской служ-

бе всегда такое было. Недаром его использовали для карательных экспедиций!»

Не выходил из ума глазастый голопятый мальчик в рваном треухе, не знавший, что такое сахар, но крепко запомнивший обличье белобандитов, и звучал в ушах его отчаянный детский вопль: «Каза!.. Каза!..»

На привале Нестор раздобыл у каптенармуса ножницы и большую расческу, хмуро попросил Федота:

— Остриги меня покороче, чтобы ничего казачьего не осталось.

11

Удар на Бугульму не был уже неожиданностью для колчаковцев. Терпя поражения под Бугурусланом, который был занят 4 мая частями Туркестанской армии Зиновьева и 5-й армии Тухачевского, белые стали отходить на север. В этих жестоких боях опять отличилась 25-я дивизия Чапаева. И сам он, и его крылатые комбриги Потапов и Кутяков проявляли чудеса маневренности, а бойцы дивизии не знали ни страха, ни устали в боях и переходах.

Но Фрунзе посылал их вперед и вперед, не давая врагу опомниться. Сразу после взятия Бугуруслана, колчаковцев, отходивших на север, стала преследовать 5-я армия Тухачевского, усиленная бригадой Кутякова. Колчак, располагая железной дорогой, гнал новые подкрепления, с ходу вступавшие в бои. Однако остановить наступательный порыв красноармейцев им не удалось. Туркестанская армия наносила удар в направлении Белебея, чтобы выйти в район Сарай-Гира и действовать на тыловых сообщениях колчаковцев, а 5-я армия и дивизия Чапаева уже «оседлывали» с юго-востока Симбирско-Златоустовскую железную дорогу, отбрасывая белых с подступов к Бугульме. 13 мая Бугульма была занята красными войсками.

Получив известие о требовании Самойло отправить 5-ю армию за Каму в помощь 2-й армии Шорина, Фрунзе срочно «оторвал», как шутили чапаевцы, бригаду Кутякова от 5-й армии и вместе с дивизией Чапаева двинул ее под Белебей.

— Как видишь, не заблудились мы в трех соснах! — сказал Нестор Горе Кучугурову на биваке, когда их бригада и Иваново-Вознесенский полк потеснили передо-

вые части генерала Ханжина и захватили важные плацдармы перед Белебеем.

— Я и не думал, что мы заблудимся, но хотел наглядно представить нашим ребятам этот треугольник перед Уфой: Бугуруслан — Белебей — Бугульма. Отсечем его у Колчака и ударим на стык двух дорог — Чишму, а может, возьмем ее в клещи и прямо на Уфу.

— Больно ты скорый. Прежде надо корпус Каппеля разгромить и взять Белебей.

— А я что говорю? — устало и добродушно возразил Гора, устраиваясь на подстилке из нарезанных липовых ветвей. Он был легко ранен в левое предплечье и после перевязки остался в строю.

Растянувшись во весь свой богатырский рост, с седлом под изголовьем, он с минуту лежал молча, вдыхая запах затравевшего редколесья, слушая шум молодой листвы, сквозь которую проглядывали припозднившиеся звезды. Наступали самые длинные дни и короткие ночи, и соловьи, пользуясь передышками в стрельбе, начинали свою полнозвучную перекличку в душистой чаще леса. А один какой-то отчаянный, прочистив горлышко коротким пощелкиванием, вдруг запел над недавним полем боя. Все бойцы притихли, внимая сладкоголосой птице. А он, как солист почувствовавший власть над чуткой аудиторией, еще наддал, рассыпавшись такими коленами: свистом, щелканьем, трелями, бульканьем, раскатами, что Федот Кашеваров пришел в умиление:

— Надо ж этакую силу иметь малой пташке! Чуете, братцы, как он нам выдает за то, што мы тут сечу устроили у его гнезда. Которые запели в лесу — замолчали, значит, тоже его слушают. Вот бы моего деда сюда с Кубани: он знаток был — знал толк в соловьях. — Федот замолчал, слушая; свет от костра ярко выявил его приметную физиономию с широко распахнутыми глазами и вздернутым носом, и конники заулыбались, глядя на него.

— Ты, Федот, того... рот не разевай и уши не развешивай. А то под соловьиную песню свистнет по тебе вражья пуля из темного лесу, — с угрюмой усмешкой посоветовал Иван Щедров, только что опустивший в братскую могилу своего дружка Егора, вместе с которым в прошлом году уходил из Сухоречки от белочешской контрразведки. — Вот прострелили чехи ногу Егору на путях, а мы спрятали, выходили его. Дошел в нашем эскадроне чуть не до

Белебея. Рубил беляков наповал, а тут, на исходе боя, свистнула пуля — и нет казака... Красного бойца. Знать, тоже заслушался чего-то, поверил в тишину.

— У нас дозоры круговые выставлены, — отмахнулся Федот, но все-таки присел на землю, охватив руками колени, снова самозабвенно уставился в темные кущи, откуда лилась, звенела переливами ария лесного певца.

«Это правда настоящий артист! — подумал так и не уснувший Гора Кучугуров: болела, ныла у него свежая рана, а соловьиное пение растревожило еще тоску по мирной жизни, которая мерещилась ему после звона клинков и грохота стрельбы. — Придет на землю великий, желанный мир. Может быть, и не уцелеем мы, не доживем до той поры. Но вспомнят о нас счастливые люди... Не смогут они забыть, как мы тут сейчас, как держат оборону в Оренбурге и Уральске, в Царицыне и Петрограде, как голодные рабочие стоят у станков, готовят боеприпасы, льют пушки и падают от истощения».

Неловко повернувшись и чуть не вскрикнув от боли, Гора увидел Нестора, так же, как Федот, сидевшего у костра рядом со Щедровым и что-то писавшего, устроив на колене планшет.

«Наверно, письмо Фросе. — Гора вспомнил полученную Шеломинцевым фотографию жены и сестренки. — Ох, Харитина! Так и не сказала ни словечка, ни разу не взглянула ласково. Какие храбрые оказались девчата, и хорошо, что с ними был Антоша Караульников. Ушли от карателей через Урал вместе. Ладно, что эти подлецы не пустили в пойме палы: людей сожгли бы шутя, да травы и лес пожалели».

— Ты почему не спишь? Боль одолела или соловьев слушаешь? — спросил Нестор, подсаживаясь к нему.

— Не до соловьев мне, чего-то разволновался — душа горит.

— Может, попросить у фельдшера лекарства какого-нибудь? Рука-то как?

— Болит, конечно, но терпеть можно. Утром перевяжу — и в строй. С винтовкой не смогу — наганом обойдусь. А вместо лекарства покажи-ка мне еще карточку, где Харитина с Фросей.

— Скучаешь по ней? — Нестор сочувственно улыбнулся, доставая из нагрудного кармана дорогую фотографию, задержался взглядом на лице Фроси и подал Георгию.

По тому, как близко поднес Гора к улыбающимся гла-

зам карточку, жадно всматриваясь при свете костра в черты полюбившейся ему Харитины, Нестор не хуже доктора определил состояние боевого товарища, именуемое любовным недугом.

— Я думаю, Харитина не обидится, если я отделю ее сейчас от Фроси. — Нестор добыл из вещевого мешка футляр с бритвой и бережно разрезал фотографию напополам. — Вот я тебе засватаю сестренку, но не обессудь, если она за это время облюбовала кого другого.

12

Рабочие полки продолжали держать оборону Оренбурга. После возвращения из-под Неженки 1-го батальона 217-й полк отбросил дутовцев от левобережья Урала до Менового двора и хорошо укрепился на этой линии, ожидая обещанного Фрунзе подкрепления.

Митя не успел даже на полчаса заглянуть домой: из боев на восточной окраине Оренбурга — в стремительную атаку на юге. А потом рытье окопов, соединительных ходов, сооружение пулеметных гнезд. Ведь впереди на степном просторе скопилось против полка около девяти тысяч белоказаков, из них не меньше половины — кавалеристы. Если бы генерал Жуков двинул сразу всю эту громаду, он смял бы и смел в реку рабочий полк. Но дутовцы после неудачи на хуторе Белове и разгрома корпуса Бакича на Салмыше стали действовать с оглядкой. Что-то они медлили, чего-то ожидали?

И вдруг 13 мая приказ из штаба 1-й армии командиру 217-го полка: перейти в наступление и расширить плацдарм до станции Донгузской.

— Чем это вызвано? — гадал комсостав полка, вызывая штаб Оренбургской обороны. Но Великанов выехал в сторону Сырта, где вспыхнуло кулацкое восстание.

— Выполняйте приказ! — коротко ответили в штабе армии.

— По-видимому, пришло крупное подкрепление из Бузулука, которое с ходу займет позиции рядом с нами, — решил командир полка и объявил бойцам о наступлении.

Обстрелянные красноармейцы усомнились в успехе наступления: и так с трудом удерживали занятый рубеж, отбивая контратаки дутовцев, но приказ есть приказ. Прогремели залпы артбатарей, сыграл горнист, поднялись комиссары, и бойцы в горячей атаке вышвырнули бело-

казаков из наспех вырытых ими окопов. Успех ободрил, и уже азартно сделали следующий бросок все три батальона.

Первый батальон, в котором был Митя Наследов, выдвинулся вперед и, рассчитывая на поддержку флангов, рванулся дальше.

Взводы Мити и Кости Туранина дрались рядом... Всего несколько часов назад, пользуясь передышкой, ребята встретились на полковой артбатарее с Федором Тураниным. В первый раз после возвращения из-под Неженки они забежали к старому артиллеристу. Рассказали о победе в нечаянной психической атаке. Федор слушал посмеиваясь. Оказывается, он, как и все однополчане, уже знал об этом необычном сражении. Еще более похудевший, ширококостный и жилистый, он держался молодцом, но очень сожалел, что Костя не успел заглянуть к матери, не навестил Гераську и маленьких сестренок.

— А я с Вирой встретился, — похвалился Митя, однако лицо его не выразило особой радости. — Трудно ей, моей голубушке, справляться со всеми делами одной...

— Ничего, она характером твердая — справится. И не одна она там теперь. Об этом не печалься, сынок! Думай, как врага побить. Теперь уж, поди-ка, недолго осталось... Слышно, хорошо идет наступление на Ханжина у Фрунзе. Сегодня сообщили по телефону — взяли наши Бугульму. А Бугуруслан освободили 4 мая. Теперь идут на Белебей, а там Уфа рядом.

Тут и застал друзей приказ о наступлении. Обнялись крепенько, расцеловались — и по местам.

Коротко сообщив о предстоящей задаче красноармейцам своего взвода, Митя проследил, как они разбирали по подсумкам полученные патроны, проверяли винтовки и пулемет, потуже затягивали вещевые мешки и ремни на шинельках и пиджаках.

«Завтра напишу Вире большое письмо. Скажу, что люблю ее с каждым днем пуще. Вот даже в моей широкой груди тесно сердцу, так оно рвется к ней».

* * *

Развивая успех наступления, 1-й батальон еще продвинулся вперед и к полудню подошел к Допгузской. Генерал Жуков с усмешкой слушал в штабе сообщение об этом наступлении.

— Надо же! Немедленно послать два полка кавалерии, ударить с флангов, отрезать этот красный полк от тылов и уничтожить.

— Не мало ли двух полков? — усомнился начальник штаба: после боев на Салмыше понятие «рабочий полк» утратило обычное значение.

— Запугали вас! Надо разбить это представление. Учитесь у них воевать. Чем берет Чапаев? Внезапностью нападения. Маневренностью.

13

Митя сидел, примостясь у бруствера в старом окопе, не раз переходившем из рук в руки, и писал на листке, вырванном из тетрадки. Передавал всем приветы, кланялся и целовал тоже всех подряд, а Вире сообщал, как рвался заглянуть домой, когда возвращались с Неженки. «Но у моста шло сражение, и мы торопились на помощь. Отбросили дутовцев до Менового двора и тем довольны были — укрепились. Думали, вы к нам на позиции заглянете. И опять я обниму тебя, моя дорогая! Как хорошо ты сказала, что вы учиться успеваете. А я вами и так горжусь. Только жалею, что ничем вас еще не порадовал. Но завоюем мирную жизнь, станем работать не за гроши, как у хозяев, тогда купим девочкам книжки и пальтушки новые справим, а Яшке и Степке коня на качалке возьмем. Места теперь у нас довольно, пусть побалуются, пошумят. И еще я думаю, как у нас будет маленький, и мы все будем его нянчить...»

На этом месте оборвалось письмо: трубили тревогу... Митя бережно свернул его и вместе с огрызком карандаша опустил в карман... Быстро вскочил и побежал по окопу, поднимая прикорнувших где попало бойцов...

Скоро вдали показались цепи идущих в атаку пеших казаков. Их было очень много, но двигались они медленно, делая короткие перебежки.

— Как будто ждут чего-то или нас подманивают! — крикнул Мите Костя, взвод которого в боевой готовности ждал команды по соседству. — И артиллерия их молчит почему-то.

— Новый тактический маневр, — отозвался Митя, посылая связного на батарею, прося открыть огонь по атакующим.

Но казаки предупредили: после очередной перебежки

из-за невысокого увала выкатились пушки, развернулись и начали бить прямой наводкой по окопам, занятым красноармейцами. Батарея батальона ответила. Еще не выровнявшие линию фронта из-за упорных контратак на флангах два других батальона полка не смогли ввязаться в артиллерийскую дуэль: велико расстояние, и опасно попасть в своих.

Снарядов у Федора Туранина было мало, и враги, конечно, знали об этом. Однако меткими выстрелами он сумел опрокинуть две вражеские трехдюймовки. Но другие продолжали обстрел. Ожидаемое с часу на час, хотя и не обещанное, подкрепление из Оренбурга не подходило. Пришлось бойцам вжиматься, врываться в землю, углубляя окопы, вокруг которых гуляли взрывы. Раз — и летят кверху кровавые клочья тел и комья земли, перевитые смрадным дымом и огнем. Раз — мимо, и вздох общего облегчения под ливнем песка и черноземного крошева. А казаки полеживают себе под летящими снарядами...

— Прямо злости не хватает! — говорит Митя лежащим рядом пулеметчикам. — Ну пусть только подойдут, тогда мы им врежем!

Постреляв вдоволь, пушки как смылись, понеся еще урон от редких, но метких выстрелов батареи Туранина. Рассчитав, что в окопах красных осталось немного бойцов, казаки хлынули в атаку. Тут их и встретили не штыками, а прицельным ружейно-пулеметным огнем. Лавина сразу откатилась и прильнула к земле. Минуты какого-то зловещего затишья. А потом мгновенно возникший и стремительно нарастающий ураганный топот тысяч копыт с востока и с запада...

— Товарищи! Нас окружают. Отходим назад. Без паники. Огонь открывать по команде. Бить только наверняка! — громко прозвучала команда батальонного.

Поднялись бойцы, плечом к плечу подались назад, шагая лицом к врагу.

— Не робейте, ребята, нам теперь все одно! Главное — уничтожать дутовцев до последнего патрона! — кричал Костя Туранин.

— Побежите — на скаку будут рубить пополам! — вторил ему Митя.

— Лучше почетная смерть в бою, чем смерть труса. — Это далеко слышный голос комиссара полка. — За нами Оренбург, наши жены и дети. Отступаем, но в боевом порядке.

Когда налетели тучи казачьей кавалерии, первый батальон еще не выровнялся по фронту с растянувшимися флангами, но встретил белоказаков дружными прицельными выстрелами: закувыркались всадники и лошади. Прикрывая отходящих, открыли огонь пулеметчики, засевшие в воронках от снарядов и отрытых раньше пулеметных гнездах.

Но из степей накатывались с гиком и свистом волна за волной новые отряды кавалерии. Теперь они старались охватить весь полк сплошным кольцом. Но всюду встречали ожесточенный отпор. Сжимаясь как пружина, неся огромные потери, отбиваясь штыками и огнем винтовок, полк дружно отступал к железнодорожному мосту. Пренебрегая собственной жизнью, часть пулеметов и батареи отослали скорее назад, чтобы защитить мост, не допустить казаков в город, и если удастся какой-то части полка вырваться из окружения, то обеспечить ее переход за Урал.

Полк без паники продолжал сражение, а подкрепление из Оренбурга так и не подходило, и вот первый батальон уже наполовину отрезан и окружен. Бойцы рабочего ополчения дрались с безумной отвагой. Однако силы были неравны; что может сделать небольшая пехотная часть в голой степи в круговом охвате нескольких тысяч кавалеристов? Туранин уже от моста бил по скоплениям конницы. Щурил дальнозоркие глаза, стрелял и не замечал того, как текли слезы по грязному его лицу с провалами на щеках от сквозного ранения на германском фронте.

И все-таки, понеся огромные потери, подразделения полка, отбиваясь на ходу, прорвались в город. Последние бойцы отходили, сбрасывая толстые доски настила с железнодорожного моста, а спасенные пушки и несколько пулеметов открыли огонь со своего берега по казачьим сотням, подскакавшим в азарте погони к самой воде. Тут появился Михаил Великанов с отрядом бойцов, вернувшихся с ним из сыртовских станиц. По его команде мигом подбросили к мосту патронов и снарядов. Но самого начальника обороны красноармейцы полка неожиданно взяли в оборот. Стоя среди обозленных донельзя бойцов, он впервые растерянно слушал их возбужденные выкрики о предательстве, о том, что их нарочно погнали на убой в это наступление.

— Человек пятьсот потерял наш первый батальон! — тряся кулаком перед его носом, орал прокопченный поро-

хом батареец Туранин. — Ребята наши зря порублены!..

— Куда такого хренового начальника!

— Бей его!

— Черта ему в зубы!

И все надвинулись на маленький пятачок, где стоял Великанов. А с левого берега неслись матерные выкрики казаков, в ответ им частили пулеметы, гулко бахали пушки. Второй раз не удалось белоказакам ворваться в город с юга. Но полк, геройски вырвавшийся из окружения да еще заслонивший единственную переправу через Урал — железнодорожный мост, превратился сейчас в неуправляемую толпу, клокочущую гневом.

Еще минута, и смяли бы Великанова на глазах у его отброшенного в сторону отряда, но примчались вихрем Акулов и Александр Коростелев. Раздав толпу грудью лошади, потрясенный случившимся, Александр громко крикнул:

— Нельзя устраивать самосуд, товарищи!

Въехал в потеснившееся людское сборище и Иван Алексеевич:

— Друзья мои дорогие! Славные наши защитники, на кого вы так ополчились? — Знакомый всем звучный голос Акулова, столько раз ободрявший их за три месяца обороны, заставил бойцов опомниться. Оглянулись, и у многих на глазах блеснули слезы.

— Сколько храбрецов порубили, проклятые!

— Как же он послал нас в наступление без всякого резерва?

— Ни людей для подкрепления! Ни снарядов! — враз сменив гневные выкрики на жалобы, заговорили красноармейцы.

— Да кто он-то? — Акулов всмотрелся и увидел среди толпы бледного до синевы Михаила Великанова. — Это не он дал приказ о наступлении, а командарм, — жестко бросил Акулов. — Мы тоже виноваты — упустили, не успели предупредить несчастье на вашей позиции.

Ему привыкли верить. Он, как и Александр Коростелев, был душой этой обороны, и каждый участник ее, стоявший сейчас перед ним после кровопролитного, но героического боя, снова ощутил себя солдатом. Все подтянулись, вспомнили о винтовках за плечами, о том, что враг рыщет на левобережье Урала, и начали строиться повзводно, по ротам — остаткам батальонов. И тогда председатель губкома, начальник политотдела и начальник

группы обороны Оренбурга, снова вскочивший в седло, с горестью увидели, как поредел полк.

Александр Коростелев еще заметил стоявшего вне строя Федора Туранина.

— Где Костя? — спросил он, подъехав к артиллеристу.

— Там. — Туранин, не поднимая головы, махнул рукой в сторону моста.

— А Митя Наследов?

— Тоже там... — Широкие костистые и под гимнастеркой плечи Туранина заходили ходуном. Он отвернулся, еще ниже опустил голову и, спотыкаясь, пошел в сторону.

14

Вира в этот день вместе с Фросей и Харитиной, только что закончившей прополку картошки в огороде детдома, работала в госпитале возле своего общежития. В течение трех месяцев обороны она ежедневно приходила сюда, во время больших боев оставалась и на ночь. Ее легкие и гибкие сильные руки так ловко помогали врачам при перевязках, она так умела и словом и улыбкой успокаивать тяжелораненых, что ее оценили здесь все: от начальника госпиталя до уборщиц. Комиссар госпиталя пытался даже поначалу уговорить ее оставить типографию и перейти сюда штатной медсестрой.

— Нет, я хочу стать настоящей наборщицей, а здесь буду помогать, сколько смогу. Приведу и своих сестренок... Они хоть и девчонки еще, но шустрые, толковые, к работе приученные и раненых помогут обслуживать. Что подать, принести, врача позвать, либо почитать книжку, али письмо написать. Старшая, Нюша, грамотная...

Девчонки тоже «пришлись ко двору». Шепелявая Мотька своей серьезной заботливостью и старушечьей ворктней на непослушных больных, нарушавших предписания врачей и порядок в палате, развлекала и самых угрюмых.

— Ну чего ты меня пилишь, как законная жена, коли мне покурить охота? — вопрошал пожилой красноармеец, с удивлением разглядывая худенькую малявку, мешавшую ему подняться на койке. — Я и так два раза перепиленный: ноги пилили, осколок доставали, поперек живота распороли — чего-то шарили во внутренностях.

— Штало быть, надо, раз шарили, — сухо возражала Мотька, — кто жря туда полежет? А медишинская шештра шкажала, штоб ты лежал шмирно, не дрыгалши. Ешли

чего хошешь, я пошуду подам, оправишша, тогда уберу.

— Ах ты, язвочка махонькая! Ну полежу смирно, а ты мне цигарку сверни — кисет под подушкой. Я хоть разок курну, покуда здешнего начальства нет. Муторно ведь курящему человеку без табаку да еще при таких болях.

— А што дак жакашляшша, швы-то и лопнут, — не сдавалась девочка, получившая строгие наказы от медсестры, валившейся с ног после круглосуточного дежурства и сбежавшей «в подсобку» вздремнуть на часок.

Но Мотьке все-таки жаль солдата, годившегося ей не только в отцы, но и в деды. Она оглядывается на его соседей по палате — тоже лежачих раненых, которым прислуживает изо всех своих слабеньких сил.

— Дай кисет, я ему сверну, — примирительно разрешает конфликт чубатый батареец из казаков. — Окошко открыто — дым вытянет, — добавляет он, видя колебания девочки.

Она запускает под подушку тоненькую руку, осторожно вытаскивает «шертово желье» в сатиновом кисете, в который завернут и коробок спичек.

Сосед свертывает и раскуривает цигарку, а Мотька вставляет ее в оттопыренные губы солдата.

— Ишь ухватилша, будто робонок за материну шишьку! Што хорошего! — осуждающе говорит она, сердито глядя, как он, шлепая губами, пускает струйки дыма и ртом и обеими ноздрями.

Все в палате начинают смеяться, сначала тихо, потом все громче и наконец взрываются хохотом, заметив смущение девочки.

Смеется и курящий раненый и, поперхнувшись дымом, в самом деле заходится кашлем. Цигарка падает на подушку. Испуганная Мотька, обжигая пальцы, хватает ее, придерживая другой рукой, всей ладонью трясущийся под повязками от кашля и смеха живот раненого.

— Вот дак уштроили! — чуть не плача говорит она, не понимая все-таки, над чем смеются вокруг нее взрослые больные люди. — Перештаньте, пожалушта! У него швы...

— Ох, подь ты совсем! — говорит солдат, вытирая слезы, выступившие на его глазах от смеха и от боли. — Не бойсь, доктор сшил меня не шелком, а дратвой сапожной. Я же отсюда опять пойду беляков бить.

Тут дежурный врач явился с обходом, и медсестра откуда-то вынырнула, неодобрительно повела носом, учуяв запах махорки.

— Я пойду! — отпросилась у нее Мотька.

— Иди да приходи завтра обязательно, — сказали раненые в несколько голосов. — Спасибо тебе, Мотя-Матреша!

* * *

Мотька уже сбегала с высокого крыльца госпиталя, глядя на уходящее в зауральную пойму солнце, на яростные краски заката, широкими красными полосами вмазанные в полнеба.

— Знать, то ветер жавтра будет шильный! — заметила девочка, и в это время ее окликнул красноармеец с ярко-белой повязкой под фуражкой, с винтовкой за плечом, вошедший, хромая, во двор госпиталя.

— Ты не знаешь, девочка, где живет Вира Сивожелезова? Теперича она Наследова...

— Тута. Она шештра моя. — Мотька сразу насторожилась: по всему видно, побывал парень в сражении, а она знала, как боялась Вира за Дмитрия и как ждала от него весточки. — Зашем тебе она?

— Да вот... передать, сказать надо...

— О Мите? — Девочка подскочила к бойцу, уставилась ясными глазенками в его усталое осунувшееся лицо. — Пишьмо принеш? — А сердчишком уже почуяла неладное: чего он отворачивается, не хочет глядеть на нее. — Говори!

— Што тут говорить? Убили его под Донгузской за Меновым двором. Весь наш батальон растрепали. Ну, чего стоишь, зови сестру! — Боец посмотрел в залитое слезами лицо девчонки, на ее беспомощно опущенные руки. — Ну-ну, не плачь! Как сестре-то сказать?

— Нельзя ей нишего говорить. В положеньи она. Вше равно што обухом ударить.

— Тогда я пошел. Не сегодня завтра сама беспременно узнает.

Мотька повернулась — бежать домой, поплакать тишком и... оробев, опять пристыла на месте: на верхней ступеньке террасы стояла Вира, очень бледная, широко открытыми глазами, словно впрямь ожидая удара, смотрела то на плачущую сестренку, то на раненого красноармейца, не успевшего отойти.

— Она? — спросил боец, а Мотька, еле расслышав, кивнула, бросилась к Вире, будто защищая, обняла ее обеими руками.

Красноармеец, еще пуще хромая, подошел к ступеням, взглянув на Виру, сразу вспомнил: приходила ведь она с другими женщинами в окопы, когда приносили передачи, догнала на бричке, провожая батальон на позиции в Неженку.

— Здравствуйте! — Он неловко улыбнулся и обозлился на себя за глупую эту улыбку. — Извиняйте, с плохой вестью я зашел...

Вира сразу задрожала, как надрубленная березка, но не повалилась, а, опираясь на острые плечики Мотьки, выпрямилась вся, будто повыше стала, стараясь приподняться над обрушившимся на них горем. А лицо ее сделалось совсем прозрачным, словно восковым, с синими тенями вокруг ушедших в глубину глаз.

— Лавой навалились в степи, окружили и многих наших порубили...

— И Митю?

— Да. И командира взвода Туранина Костю тоже...

— Когда? — глухо уронила она, снова с трудом разлепив непослушные губы.

— Сегодня, около полудня. Мы отбивались, как могли. Но их было — тучи! Конные с шашками. Однако мы отошли с боем и не пустили их через Урал. Потрепали наш полк крепко. А тех, кого окружили, посекли.

Вира слушала, окаменев, но слова красноармейца уже не доходили до нее, все сосредоточилось на одном: «Сегодня около полудня порубили Митю». И вдруг сорвалась с места:

— Где он? Куда вы его девали?

Мотька вцепилась в платье сестры:

— Держи ее! Не пушкай!

Нюшка, зачем-то выскочившая на крылечко бывшей людской, сразу догадалась, что произошло, подбежала к Мотьке:

— Скорей зови Фросю и Харитину!

Все вместе они с трудом удерживали Виру, рвавшуюся к месту побоища. Она всхлипывала, задыхалась в рыданьях без слез: высушило, вмиг вызнобило их страшное горе.

Красноармеец еще постоял в растерянности и, махнув рукой, заковылял со двора. Голова его была перевязана, а из дырявого сапога сочилась кровь — он сам еще не опомнился от разгрома полка.

Фрося держала подружку под локоть, не отпуская от себя, и рыдала так, что у Харитины сердце разрывалось.

15

Ночевать все остались у Виры, хотя Фрося боялась за мать и деда — умереть ведь можно от такого удара. Переживала за них и Харитина.

Она проснулась, насквозь озябшая. Оказывается, уснула, сидя за столом, когда Фрося и Вира свалились, наплакавшись, на кошму постели... То ли тоже уснули, то ли замерли на койке обессиленные. Ведь работали почти круглосуточно, недоедали все время, откуда же браться силам?

На кошме чернеет в полутьме только голова Фроси с разметанными волосами, а Виры нет.

Харитина испуганно вскочила, в одном легком платье выбежала на улицу... Днем стояла жара, а ночь была холодная, лунная и, верно, от близости больших рек, переполненных шалой водой, и сырости их затопленных пойм, истерзанный войной город окутывала прозрачная пелена белесого тумана. В степи изредка бухали выстрелы пушек, и со всех сторон в пригородах громко пощелкивали винтовочные выстрелы. Неспокойно шла под бледными звездами майская ночь.

Харитина продрогла, но возвращаться за жакеткой не стала — надо скорее найти Виру: где она? Во дворе ее не было, и хотя в окнах госпиталя мерцал свет и двигались черные тени людей, занятых на трудном ночном дежурстве, Харитина не стала искать там подругу. Тревога и предчувствие новой беды вынесли ее за ворота. При дутовцах она не пошла бы одна ночью на улицу. Сколько пьяных казаков и офицеров шлялось по ней, гоняясь за каждой юбкой, как бешено мчались на лихачах подгулявшие компании! Сейчас по городу ездили патрули, на перекрестках и кое-где у домов стояли караульные, Харитина подходила к ним и спрашивала, не видели ли они моloденькую женщину с распущенными почти белыми волосами. Она ушла босиком...

Часовые на вопросы не отвечали, а начальники дозоров строго интересовались:

— Почему женщина бродит ночью в таком виде?

— У нее сегодня белоказаки зарубили в бою мужа. Она беременная. Я боюсь, чтобы она не сделала чего над собой.

Харитину пропускали, и она быстро шла, почти бежала по Николаевской, главной улице Оренбурга, к Беловскому

бульвару над обрывом правобережья Урала. С высоты обрыва виднелся ажурный переплет железнодорожного моста. В вырытых вдоль берега траншеях сидели красноармейцы, охранявшие эту окраину города. Мигали язычки огня, и слышались частые выстрелы пулеметов у моста и правее, напротив черной под луной Зауральной рощи. А на той стороне, уходя далеко в степь, горели размытые туманом огни — костры казачьих лагерей. Это там шли сегодня жестокие бои... Где-то там лежат изрубленный Митя и его дружок, смуглый цыгановатый Костя, который при встречах с Фросей робел, краснел и не сводил с нее взгляда. Много осталось там убитых красноармейцев — все рабочие из Оренбурга.

Раздался выстрел, точно в бочку ухнуло, снаряд со скрежетом прогудел над Харитиной и взорвался где-то за кадетским корпусом. Это казаки снова пробуют пристреляться.

На краю обрыва Харитина остановилась, посмотрела вниз и на дорожке между кустарниками совсем близко увидела Виру, спускавшуюся к берегу Урала. Она шла босиком, в стареньком платье, в котором работала в госпитале и в типографии. Волосы, спадавшие до пояса, казались белым покрывалом.

Цепляясь за кустарники, Харитина почти скатилась на тропинку. Вира шла, словно лунатик, прямо глядя перед собой широко открытыми глазами. Она не слышала топота бегущей Харитины и, когда та очутилась перед нею, загородив дорогу, не удивилась, а протянула руки, хотела отвести ее в сторону.

— Куда ты? — задыхаясь, спросила Харитина.

— Иду за Митей. Ну как же ты думаешь? Надо найти его и похоронить. Мы будем приходить к нему на могилку, разговаривать с ним.

— Бог с тобой. Через Урал нет переправы. И где ты найдешь его? Степь широка, там везде казаки. Они шибко боятся заразы, поди-ка, всех убитых стащили уже крючьями в ямы. Жара ведь. Мухи...

— Я тоже боюсь, что Мите нельзя лежать на жаре. За Костей придут из Нахаловки. А я должна взять Митю. Я никогда не успокоюсь, если он будет валяться в степи.

— Пойми ты, что казаки всех так изрубили, что не узнаешь никого, а теперь стаскивают в ямы и зарывают. Они убьют и тебя. Пойдем домой, там ребятишки ждут, плачут.

— Ребятишки? Господи!.. Да, господи! Я же просила тебя!.. Не отнимай его у меня! Мало разве горя свалилось на нашу молодость? — Вира вцепилась в свои разлохмаченные волосы, раскачиваясь, простонала: — Лучше бы я умерла.

— Пойдем домой! — Харитина даже обрадовалась отчаянью Виры, отрешенный вид которой пугал ее: с распущенными волосами и мертвенно-бледным лицом она казалась выходцем с того света. И эта лунная ночь, холодная, мглистая. В самом деле с ума сойти можно!

* * *

С трудом привела ее домой Харитина: то Вира шагала рядом, словно прибитая, то начинала метаться, порываясь обратно. Харитина уговаривала ее, стращала, даже ругала, напоминала, в каком она положении:

— Что бы Митя-то сказал, кабы увидел тебя босую на холодной росе? Ночь-то какая мозглая. Заболеешь — кто ребятишкам мать заменит? Маленькие ведь они ишо. Их пожалей, коли себя не жалеешь!

Мотька и Нюша стояли у калитки госпиталя, не зная, куда бежать, где искать сестру. Завидев женщин, сломя голову бросились навстречу.

— Што Фрося? — спросила Харитина.

— Все плакала, вот так плакала! Вставала с койки два раза, как вы ушли, и падала. Мы с Мотькой подымали ее, водичкой брызгали. А теперь она ушла. Оклемалась.

— Ишо того не легше! — Харитина крепче обняла Виру, вместе с Нюшей ввела во двор. — Куда же Фрося-то ушла?

— В Нахаловку, она думает, вы там — у мамани.

— Да разве бы я пошла без нее? — Харитина горестно покачала головой. — Все будто разума лишились! Оно и понятно; вот разрывается душа на все четыре стороны: кого утешать, куда податься? Ведь тетка Палага тоже, поди-ка, замертво лежит. И маманя наша бедная...

— Пойдем к ней! — тихо сказала Вира.

— Ты ложись в постелю. Оденем тебя потеплей. Согреешься, легше станет. Штоб горячка не прикинулись, как со мной было, когда Николашу убили. Девочки тебя стеречь будут. А утром все — в Нахаловку. — Преодолев уже слабое сопротивление Виры, Харитина уложила ее на койку, с одной стороны Мотьку, с другой — Нюшу, на-

крыла всех одеялом, а дрожавшую, как в лихорадке, Виру сверху еще Митиным полушубком.

— Глядите тут у меня, не выскакивайте зря! А я — в Нахаловку. Может, догоню Фросю, не свалилась бы где опять.

16

Возле Бугульмы Колчак задумал было создать новую группу, но неожиданный натиск бригад Чапаева, поддержавших соседнюю 27-ю дивизию, расстроил планы «верховного правителя». 13 мая он сдал Бугульму, где у станции железной дороги сбились — ни проехать, ни пройти — тяжелые битюги и крестьянские сивки с повозками колчаковских обозов. Две тысячи пленных сдались красным войскам, захвачена масса трофеев. Дивизия Чапаева стремительно продолжала задуманный маневр, чтобы ударить по Белебею с севера. Преодолев левые притоки Камы и Белой, разделившие возвышенность на ряд увалов, чапаевцы подступили к Самаро-Златоустовской дороге под Белебей, куда Фрунзе и Новицкий уже стянули части Туркестанской и 1-й армий, которым противостояли соединения армии Ханжина и корпус Каппеля.

Пока шла перегруппировка войск, Фрунзе успел побывать в Симбирске у члена Реввоенсовета Восточного фронта Сергея Ивановича Гусева. Вернувшись в Самару, он вместе с Куйбышевым просматривал телеграммы. Известия были радостные: 31-я стрелковая дивизия разгромила большой отряд колчаковского полковника Мандрыки, 75-я бригада уничтожила Стерлитамакский полк; Иваново-Вознесенские полки — Домашкинский и Пугачевский — форсировали реку Ик, левый приток Камы в пределах Белебеевской возвышенности, и разбили Уфимский пехотный полк, а дивизия Чапаева нанесла сокрушительный удар Уфимскому гусарскому полку и разведывательным частям 50-го Орского полка Каппеля.

— Я с тем приехал в Самару, чтобы договориться с вами, что после Белебея будем сразу брать Уфу и гнать Колчака за Урал. В Симбирске я и Сергей Иванович Гусев, — Фрунзе нахмурился, — крепко поспорили с Самойло. Самойло, напуганный своим шефом Троцким, хотел забрать у нас 5-ю армию и послать ее за Каму на помощь Шорину против Гайды. Договорились так: часть армии Тухачевского — Шорину, часть — нам для наступления

на Белебей. Я возглавлю Уфимскую операцию в качестве командующего Туркестанской армией. Пора очистить Урал от контрреволюции; скоро настанет время готовить Южную группу для боев на фронте Оренбург — Уральск — Ташкент.

* * *

Генерал Каппель! Ох, этот лихой вояка, возглавивший корпус отпетых белогвардейцев — последний оперативный резерв белых под Белебеем. Командиры Красной Армии его и ненавидели, и признавали как сильного врага: махровый жестокий монархист, надежная опора Колчака, но прежде всего — вояка, способный на молниеносный маневр, на яростное и хладнокровное наступление.

— С таким стоит потягаться. Как говорилось у господ, «скрестить мечи»! Воевать умеет, но мы сами с усами. Бивали разных, не устрашимся и этого золотопогонника. Мы уже крепко тряхнули белых в Бугуруслане и Бугульме, а завтра... — Чапаев развернул карту, кивком головы подзывая своих комбригов, комэсков, командиров дивизионов и пехотных частей. Поправив бурку, Чапаев рубанул узкой ладонью по воздуху, указывая на восток: — Берем станцию Сарай-Гир вместе с Туркармией и наносим удар в направлении Белебея, чтобы выйти на тыловые сообщения колчаковцев. Части 1-й армии нажмут на левый фланг Каппеля с юга вдоль Демы, отвлекут его внимание, 31-я дивизия ударит с востока и также с юга одновременно, а мы двинем обходным маневром севернее Белебея для глубокого охвата противника. Это по плану штаба, одобренному Фрунзе. Главное — взаимосвязь, решительные действия и свобода маневра на местности. Порядок наступления: ты, Шеломинцев, поведешь свой дивизион на правом фланге комбрига Потапова, части 73-й бригады Кутякова наступают слева — резерв и обозы позади. Разгромим Каппеля! — Чапаев рассмеялся, сверкнув синими глазами. — Недаром Фрунзе объединил всю нашу дивизию! Далеко видит Михаил Васильевич!

Все краснохолмцы теперь рядом, под командой Чапаева, и это радовало Нестора, хотя на большом участке фронта, да еще в лесистой местности, не видно, кто где находится. Только собственная воинская часть, собранная в кулак, перед глазами. Да снуют взад-вперед связисты и ординарцы, тянутся провода телефонов от КП эскадронов

и рот к полевому штабу дивизии. В ожидании приказа все напряжено до предела, еще и еще раз проверяют свою готовность все участники предстоящей операции.

— А может, Нестор Григорьевич, впереди нас нет беляков? Может, они в самом Белебее окопались?

— Это что же — соловьи тебе напели? Гляди, Федот: весна-красна — хитрая девушка! Не зря нашей бригаде полк пехоты подкинули. Вот заговорят артбатареи, пехота двинется на окопы — выковыривать врага штыком. Следом мы — марш-марш!

* * *

В светлый солнечный день, когда особенно пышно зеленели леса под Белебеем, горело всеми цветами радуги роскошное разнотравье полян и опушек, еще не выбитое копытами коней, дрогнула вся окрестность от грозного рева пушек. Били со всех сторон города, расположенного на живописных крутых холмах. А потом пошла в атаку пехота, накатывалась, как валы морского прибоя, сметая и ломая линию вражеских укреплений. Лихорадочно затарахтели пулеметы, смешались в сплошном грохоте ружейные выстрелы. И наступило обманчивое издали затишье после гула и грома, когда на поле сражения идет глухая возня штыковых атак, крики и стоны людского единоборства. Оглушает тишина после взрывов: тут встречи накоротке, смерть лицом к лицу. И сразу нарастающий вихревой свист клинков, обвальный топот тысяч копыт — двинулись в атаку лавины кавалерии.

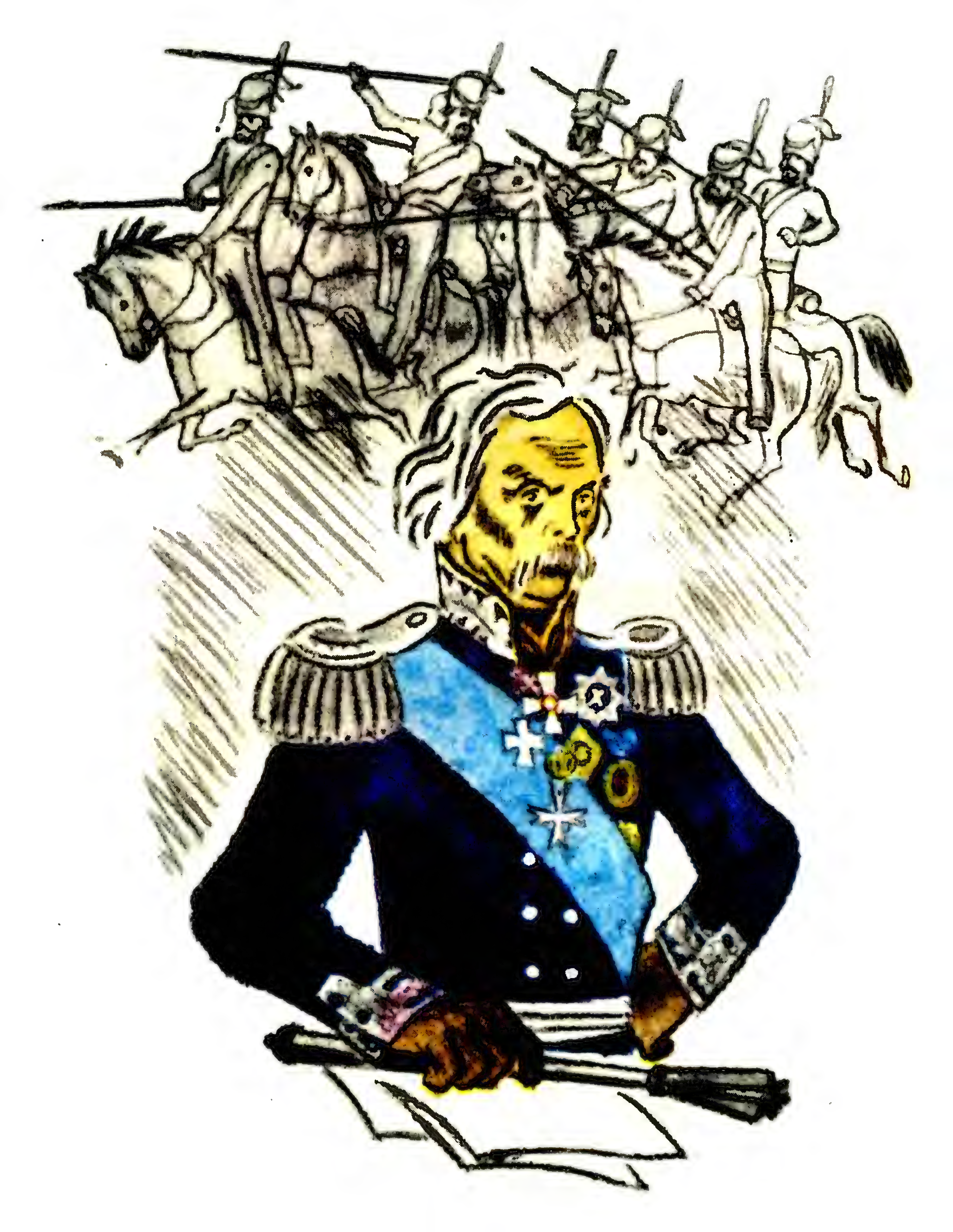
Окончание на стр. 193

СЛАВА ОТЕЧЕСТВА

Алексей Марков

ВИХОРЬ-АТАМАН

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

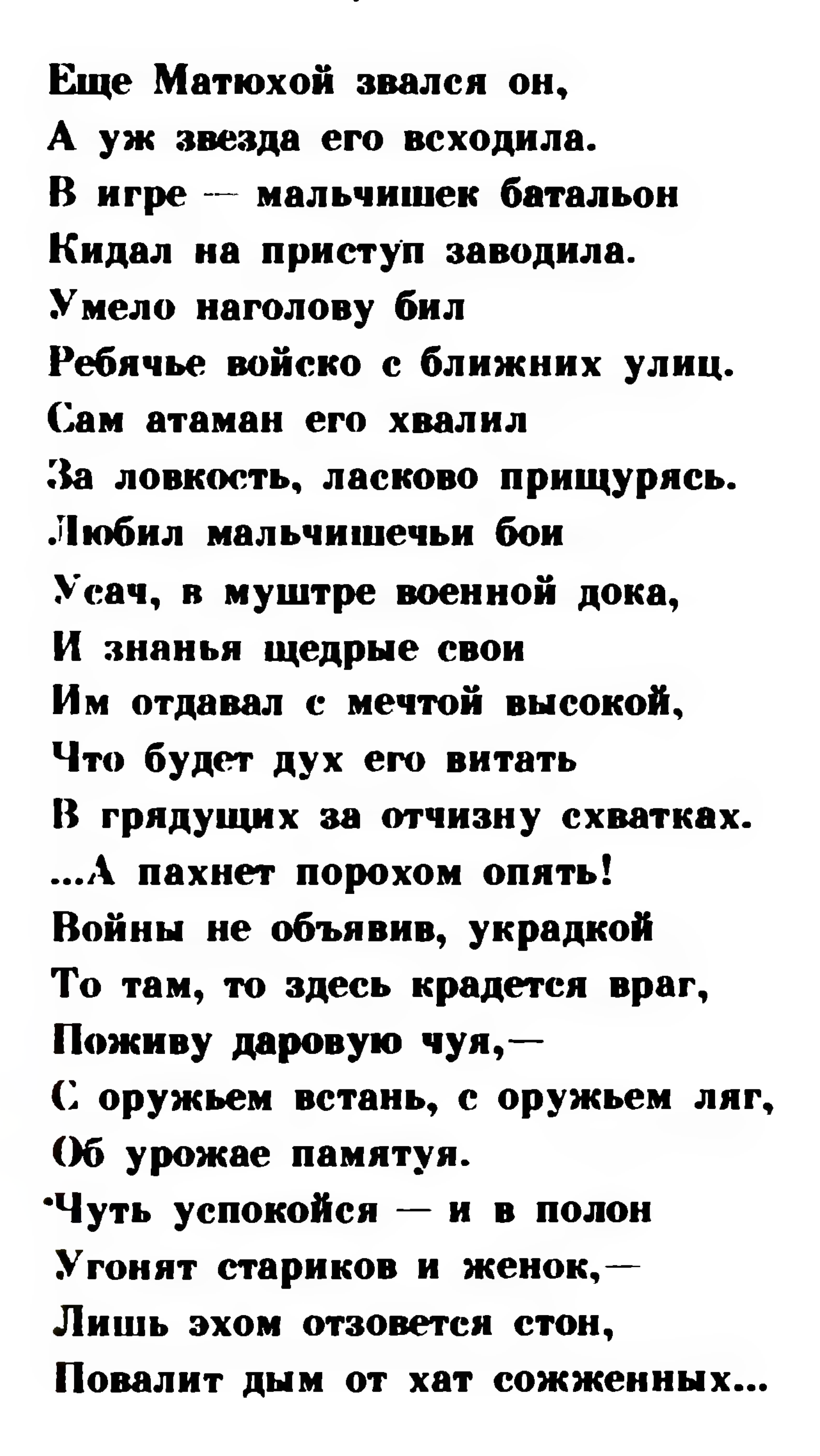
Мне что-то снова не до сна.
Степной повеяло сторонкой.
В Дону ущербная луна
Плывет казацкою долбленкой.
Вдыхая запах чебреца,
Тревожащий настой полыни,
Спешу подобием гонца
Во времена, что в дымке ныне,—
В седые времена отцов...

Мне чудится полет донцов —
Заступников родных пределов —
На жеребцах осатанелых.
Летят в бессмертие они
На ураганных крыльях бурок,
Степь под подковами звенит,—
И ужас сковывает турок...
...И замирает Бонапарт,
Увидев вздыбленные пики,
Спадает боевой азарт
Французской армии великой.
Ей мнится, что российский лес
Идет на ворога, щетинясь,—
Негаданно теряет блеск
Картинный корсиканский витязь...

Я с казаками сотни рек
Форсировал, в долбленке стоя.
Как часто вражеский набег
Мы отражали в пекле боя!
Ветр праведных боев кипит
И стяги русские колышет,
И цокот тысячи копыт
Столица Франции услышит...
Водицы зачерпнув в шелом,
Поит казак коня седого
И вспоминает тихий Дон
И детский смех под отчим кровом.

ЛАСКА СУВОРОВА

...Растерялися тут турки, став в тупик,
Не видавши отродясь казачьих пик.
Ой, ребята, больно схватка хороша,
В ад торопится турецкая душа...

Из народной песни

Еще Матюхой звался он,
А уж звезда его всходила.
В игре — мальчишек батальон
Кидал на приступ заводила.
Умело наголову бил
Ребячье войско с ближних улиц.
Сам атаман его хвалил
За ловкость, ласково прищурясь.
Любил мальчишечьи бои
Усач, в муштре военной дока,
И знанья щедрые свои
Им отдавал с мечтой высокой,
Что будет дух его витать
В грядущих за отчизну схватках.
...А пахнет порохом опять!
Войны не объявив, украдкой
То там, то здесь крадется враг,
Поживу даровую чуя,—
С оружьем встань, с оружьем ляг,
Об урожае памятуя.
Чуть успокойся — и в полон
Угонят стариков и женок,—
Лишь эхом отзовется стон,
Повалит дым от хат сожженных...

Средь тех, кто заслужил известность
В казачьем войске с давних пор
За преданность свою и честность,
Был Платов, доблестный майор.
Отца достоин младший Платов.
Двадцатилетний атаман
За все воздаст достойной платой,
Во вражий врезываясь стан.
В те годы, алчною рукою
Держась за три материка,
Лишив вселенную покоя,
Непобедимые пока,

Пыхтели тяжело османы,
Раздувшись на крови чужой.
Египет, Сирия, Балканы
Шли под османскою вожжой.
Но кто-то должен был умерить
Их непомерный аппетит.
И был Суворову доверен
России непреклонный щит.
Везде тогда молва ходила,
Как Платов и его донцы
Неслись с неодолимой силой.
«Победа! Слава! Молодцы!» —
Кричал Суворов сипловато,
В восторге руки потирал,
Когда в атаку несся Платов —
Новорожденный генерал.
Грыз удила его буланый
Нетерпеливый гордый конь,
Всегда готовый с атаманом
Рвануться в воду и в огонь.
Врезаясь в битву с пылу, с жару,
Вздымая следом пыль в столбы,
Он атамана от удара
Спасал, взвиваясь на дыбы,
Круша копытами безумцев,
Что в криках выражая зло,
Как ослепленные несутся,
Вцепившись накренко в седло...
Но усмирен османский норов,
Сдался на милость Исмаил.
И как-то Платова Суворов
В свою палатку пригласил.
...Казак на лавке деревянной
Усевшись, замолчал на миг
И про себя подумал: «Странно!
Походный дом, а столько книг!»
Разговорился понемногу.
Словоохотлив сроду был,
Как будто в стремя вставил ногу
И полетел,— не сдержишь пыл!
«Я вам скажу...— так начинал он
Любую речь.— Я вам скажу...»
И мысль вослед другой скакала.
И столько было куражу,

Искусных выдумок, фантазий
В рассказах о походах разных
Своих, а больше — о чужих...
Но затихал рассказчик вмиг,
Припомнив, с кем имеет дело.
Не притворяется ль умело
Суворов милым и простым?
Спроста — не оплошать бы с ним?..

...Едва кувшин не опрокинул.
«Что наш казак не унесет,
То непременно разобьет»,—
Конфузливо он шутку кинул.
Спросил Суворова смущенно:
«Средь ратных дел, хлопот бездонных
Вдруг — книги изо всей земли.
Как час для чтенья вы нашли?
А я вот — не читаю книг,
Конечно, темнота»,— и сник.

Ирония, как нить тонка,
Скользнула по лицу слегка
Суворова, и разговор
Он на другое перевел:
«Помилуй бог, знаком мне, Платов,
На вашем пальце перстенек.
Отец Гасан-паши когда-то
Носил его. Потом — сынок.
Говаривали в оны годы —
Бесстрашный воин был паша.
Ему певцы слагали оды,
В скрижали вписан каждый шаг...
Шел, обращая мир в темницу,
На всех Балканах господин,
Без поражений до седин...
Но сколь веревочке ни виться...»
«Неужто был грозой такою
Ничтожный сей Гасан-паша?
Я, встретясь с ним на поле боя,
Подумал: хлипкая душа!»
«Вот это — истая Россия!» —
Суворов с места аж привстал
И после ратных дел впервые
Заливисто захохотал.

**В дверь заглянул с испугом Проша —
Денщик Суворова и друг,
Простой крестьянский парень в прошлом:
«С чего Лександр Васильич вдруг?»**

**«Помилуй бог,— сказал Суворов,—
Османы не забудут вас.
Я опасаюсь, как бы скоро
Весь род османский не угас.
Уж больно ты, Матвей Иваныч,
Горяч да в битве тароват.
Ведь здесь тобою глядя на ночь
Пугают матери ребят...
Ты б, коль запросит враг аману*,
На мировую с пленным шел.
К лицу ль жестокость атаману?
...А рубишь — больно хорошо!
Мила военная потеха?
Тут не похаешь молодца.
Твоих лихих налетов эхо
Достигло царского дворца...»**

---

* «Просить аману» — просить пощады.

Луч солнца осветил нежданно
Прелестной девушки портрет,
И показалось атаману —
От ясных глаз струится свет.
«Моя Суворочка, Наташа,
В гостях хотела побывать...
В детишках — вся надежда наша!
Душой — моя, а ликом в мать,
Красивая, — они с Аркашей
Не из последних на Москве».
...И гость приметил у Наташи
Корону кос на голове.

«Ты побывай под нашим кровом,
Когда придет войне конец», —
И обнял Платова Суворов
С суровой лаской, как отец.
И заключил: «Я стар годами,
Тебе — простор широкий дан.
Неси вперед России знамя,
Будь счастлив, Вихорь-атаман!»

НАВЕТЫ

Летом в этом каменном мешке была холодная пронизывающая сырость, от которой узник хворал жестокою горячкою... Стены были мокры и скользки...

М. И. Платов. Письмо из Петропавловской крепости. 1800 г.

О зависть, зависть, мрак густой!
Кого ты насмерть не разила?
Навету черному сестрой
Всегда была. Не в том ли сила?
О зависть, зависть, лени друг,
Талантов ярый отравитель,
Любую завязь жжет вокруг.
В безжалостных паучьих нитях
Трепещут крылья нежных пчел,
Нести не в силах новый взяток.
Короста городов и сел,
Кащей в несокрушимых латах...

...Недобрый шепоток поплыл,
Вползая в уши, словно вата,
Что честь казацкую забыл,
Был на руку нечист когда-то,
Что гору злата накопил
В своих былых походах Платов.
И свято верит клевете
Толпа, забыв свои восторги.
Друзья надежные, и те
Немало глупостей исторгли...
Наветы, как чертополох,
Спешили в рост, едва посеют.
Была одна из тех эпох,
Когда и подлость души греет,
Недаром полюбиться смог
Царю коварный Аракчеев.
И отозвалось казаку
Тогда любое лыко в стро́ку.
Не ждал. что в крепость упекут,
Не называя даже сроку,
Что каменный сырой мешок
Покорно обживать придется,
Где стражник зыркает в глазок,
В окошко шириной в вершок
Проникнуть не посмеет солнце...
...Порой бессонными ночами
Он вспоминал родимый Дон,
Где яворы над куренями,
Где птиц разноголосый звон.
Блюдя традиции казачьи,
Он сыновей своих учил
Рубить лозу в горячей скачке,
Дрова колоть, чтоб каждый был
Хозяин добрый, храбрый воин...
Бывал нередко батька крут.
И нынче он за них спокоен:
В любой беде не пропадут!
...Но, сидя в каземате мрачном,
Лихой казачий генерал
За собственные неудачи
На одного себя пенял.
Не он ли с лихостью злодея
Разбитых пугачевцев гнал
Вдаль, за турецкий перевал,

Понять несчастных не умея?!
Недаром говорил Суворов,
Что храбр он, но жесток порой.
Какой ты, к дьяволу, герой,
Коль свой смирить не можешь норов?!

Возможно, что свои победы
Одерживать он станет впредь
Не оттого, что страх неведом
И презирал открыто смерть...
Кто вечно ищет виноватых,
Побед не встретит никогда.
Но был не из таковских Платов,
И потому его звезда
Над миром вознеслась когда-то —
На все грядущие года!

ШАЛЬНОЙ ПОХОД

Казаки — это странствующие рыцари русского народа.

Л. Толстой

Здесь жизнь бы атаман оставил:
Сгноить и Вихря нипочем!
...Но русский император Павел
Был странной вестью отвлечен
О недруге Наполеоне:
Вчерашний деспот и злодей —
Сам в императорской короне,
А значит, лучший из людей!
Не знали прежде? И не знайте,—
Вам не прибавит ничего! —
Чем орден рыцарский на Мальте
Был славен. Нам не до него!
Но волею Наполеона,
Что был всегда в решеньях быстр,
Нежданно Павел умиленный —
Мальтийских рыцарей магистр!
Магистр на Мальте? Маловато...
Но он на радостях забыл,
Что не магистр, а император
Всея Руси великой был!

Так, обратив едва ль не в дружбу
Двух стран недавнюю вражду,
Решил Наполеон, что нужно
Надеть на Англию узду,
Блокадой задавить надумал
Владычицу полдневных стран.
А Павел, фантазер угрюмый,
Затеял «гениальный» план:
Идти на Индию походом,
Чтоб из английской кладовой
Черпáть сокровища, как воду.
«Поднимет «англичанка» вой!..
Но кто такое расстоянье,—
Он думал,— одолеть бы мог?
Ведь путь до Индии далек,
В пустыне и в горах пролег.
Кто доведет до поля брани
Солдат, измучив не вконец,
И лавровый найдет венец?
Конечно, Платов! Только Платов —
Крушитель многих супостатов!
Донца зовите во дворец!
Мы по душам с ним потолкуем».

...И Платов приведен к царю.
Свободе рад.
«За честь такую
От сердца вас благодарю.
Желаньем подвигов горю!
Лишь только войско соберу я,
Считайте, Индия уже
Под Англией быть перестала!»

И царь, с отрадой на душе,
Как бы сошедши с пьедестала,
Растроган Платовым до слез —
Вдруг табакерку преподнес:
На золоте — курносый профиль,
Цена готовой литься крови!
И рыцарским крестом мальтийским
Он Платова украсил грудь.
Как торжество от кары близко!
Но время собираться в путь!

...Зима стояла на дворе,
А впереди — поход далекий.
Сияют степи в январе,
Как будто весь простор широкий
В слепящем белом серебре.
Звенели кустики степные,
Прозрачно-льдистым хрусталем
Смычки водили ветровые...
Скакали в ночь, не только днем,
Чтоб Индию скорей «потрогать»,
Глотнуть тропической жары.
Кто эту выдумал дорогу
От нас — в далекие миры?
Но тридцать тысяч острых сабель
И ровно тридцать тысяч пик,
Коль откровенно, шли пограбить
Тот незнакомый материк!..
До Оренбурга веселила
Дорога быстрая солдат.
Душа по подвигам изныла,
Шли кони словно на парад.
Казачьи раздавались песни,
Привольны, веселы, звонки.
На сердце было расчудесно.
Походы любят казаки!

...Но становилось все труднее
Там, в азиатчине глухой:
Морозы ветреней и злее,
Все хуже с салом и мукой.

Бескормица коней косила,
Бежали прочь проводники.
Казачья убывала сила,
Ржавели острые клинки...
И Платов горестно молчал
Под заунывных песен звуки.
А те, кто мог рубить сплеча,
Дремали, опершись на луки.
Росли могильные холмы,
Их путь крестами отмечали,
А волчий вой грозил из тьмы,
И вьюги лютые крепчали.
С трудом великим через ре́ки
Илек и Эмбу перешли.
Брели не воины — калеки —
В грязи и снеговой пыли.
Кто нынче голову положит?
Поземка, жалуясь, скулит.
«А Индии-то нету, может?»
Сомнение в сердцах стучит...
Переругались офицеры,
И атаман насупил взор:
«Плохим для рядовых примером
Послужит эдакий раздор!»
Погода — тоже взбунтовалась,
И атаман промолвил: «Стоп!»
На камень сел — подумать малость,
Утер папахой влажный лоб.
...Бывают в жизни совпаденья.
Впервые дрогнул наш герой,

А в это самое мгновенье
Приказ доставил вестовой.
Скончался император Павел.
А император Александр
Поход на Индию отставил.
Вот это был высокий дар!
«Ослушаться попробуй!» — буркнул
С притворным гневом генерал,
Поправил за плечами бурку,
«Домой!» — команду прокричал.

НАПОЛЕОН

Прибытие ваше в армию есть истинная гибель наших неприятелей...

Л. Л. Беннигсен —
М. И. Платову. 1807 г.

Непрочных уйма коалиций
В историю занесена.
В сражении под Аустерлицем
Разрушилась еще одна.
Как жаль, что не было согласья
В рядах союзнических войск.
Нашивками себя украсив,
Ценя не мужество, а лоск,
Тонули в спеси генералы,
Стелясь пред Бонапартом ниц.
Вот их-то ум, скупой и вялый,
И предрешил Аустерлиц.
Единый ритм найти — наука,
То в том, то в этом перекос,
Они как лебедь, рак да щука,
И потому — ни с места воз.
Тут — грех австрийских генералов —
Вейротер с планом подкачал,
А бой под Фридландом провалом
Закончен из-за англичан;
Вновь подвели, не первый случай...
Жар загребать чужой рукой —
Суть дипломатии паучьей,
Хранящей Англии покой.
Но тут — Испания восстала

И погнала французов вон.
А это значило немало:
Вдруг присмирел Наполеон.
Казалось, что еще немного,
И у него не хватит сил,
И к дружбе с русскими дорогу
Он лихорадочно мостил.
Как он приятен был в Тильзите!
Умело Александру льстил,
Как младший брат, почти проситель,
Стелил к общению настил...

Бокалов звон и тостов всплеск...
Ну что ж, в обычае такое!
Наполеон победы блеск
Принес сюда, гордясь собою.
Улыбки дарит император,
Хотя в глазах надменный лед,
С доброжелательностью брата
Награды щедро раздает.
Дошел черед до генералов,
Вождей союзнических войск.
«Хоть ваша сила проиграла,
Но вы гранит, не мягкий воск!» —
Почетный орден Легиона
Он прикреплял своей рукой.
Понять легко Наполеона:
Мол, если вы — гранит литой,
То кто ж она тогда такая —
Наполеоновская рать
Непобедимая, стальная...
Ей и в грядущем побеждать!
«Мерси» австрийских генералов
Он с наслаждением глотал,
На дружбу руки пожимал.
И вдруг пред Платовым предстал он.
Глаза в глаза. В глазах — металл.
(Еще бы! При едином крике:
«Казак!» — французов била дрожь.
Летела смерть в казачьем гике,
Без промаха кололи пики,—
Беги! Иначе пропадешь!
Оскалены лошажьи пасти,
Копыта взвились над тобой,

И меркнут все былые страсти,
Все бывшие досель напасти
Покажутся великим счастьем
Пред этой силой грозовой!)
Рука простертая повисла
У Бонапарта... Платов — тверд!
«В рукопожатье нету смысла.
Нас с вами ныне, да и присно
Не примирит ни бог, ни черт!»
Стоит казак, и прям и горд,
И чует за спиной отчизну.
...Смутившись, Александр изрек:
«Два императора вас просят,
Примите...» — и глазами сек
Его. Но лишь погладил проседь
Век не сгибавшийся казак —
Не раз перечивший владыкам.
«Возможно, в души русских мрак
Вселится демоном двуликим —
Решатся брать и от врага
Подарки, не моргнувши глазом,
Мне честь России дорога,
Я не ронял ее ни разу!..
Мой Дон затопит берега,
Не примут и родные стены!» —
Пытался Платов пошутить.
У Бонапарта вздулись вены,
На лбу пульсировала нить.
Не знал, как дальше поступить:
Шагнуть вперед иль отступить?
А в мыслях сразу воскресились
Совсем недавние бои.
Он помнил, как донцы носились,
Как смертью черною рубились...
Смешалось все. «Коли!.. Руби!»
...Забыть не мог Наполеон,
Как некогда атакой плотной,
Умело выставив заслон
По берегам ночной реки,
Ее форсируют вольготно
На легких барках казаки...
(Вползает в душу страх животный:
Во мраке разобраться где ж,
Что в барках все одни и те ж!)

А то расцветят темноту,
Как небо — звездами, кострами.
Цветами огоньки цветут.
Их не сочтешь! Трепещет пламя
Знаменами чужих полков.
Какое море казаков!
А разберешься — семь костров
Горит у каждого солдата.
Конечно, им не жалко дров!
С умом ковал победу Платов!
И вот в Тильзите Бонапарт
С наградой пышною отпрянул,
Победный растеряв азарт,—
Уж больно Платов гневно глянул!

1812 ГОД

О росс! — О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
...Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?

Г. Державин

Жизнь, как пробег без остановки,
Не даст свободно подышать,
И только оборотень ловкий
Вдыхает тишь да благодать.
Сетями тайных договоров
Опутав русского царя,
Морочил обещаний вздором
Наполеон его не зря.
Покинув Франции пределы,
Былой свободы генерал
Нетерпеливо и умело
К рукам Европу прибирал.
Теперь австрийцы и пруссаки
На сговор с ворогом идут,
Готовятся к великой драке
С захватчиком в одном ряду.

...Налился соком молочай,
Звенели косы над лугами.
Пил на Дону недолго чай,
Ел борщ домашний с пирогами
Наш атаман. Печальный звон

Поплыл в безоблачное небо.
Пришла война. Наполеон
Перешагнул внезапно Неман.

...Тем, кто в двенадцатом году
Без зова взял оружье в руки,
Когда-то славу воздадут,
Воздвигнут памятники внуки.
По всей Руси, по всем дворам
Копейки сложат в миллионы,
Чтоб в честь святой победы храм
Воздвигнуть над Москвой спасенной.

Отдать Отчизне жизни рады,
Донские двигались отряды.
Покинув дом, детей и жен,
Скакали тысячи казачьи.
Встречал полки Багратион,
Их многолюдьем озадачен,
Донской сноровкой восхищен...
Степных орлов взвивалась стая —
Оружье поднял тихий Дон.
Страшна донцам неволя злая,
Что нес на Русь Наполеон.
Донцов к неволе не приучишь,
Хоть истреби до одного.
Для них в сраженье гибель лучше,
Чем иноземцев торжество.
По хуторам и по станицам
Неслось: «В опасности страна!
Спешите к бою снарядиться,
Теперь у всех печаль одна!»
...Порой Россия отступала —
Вначале, чтобы взять разбег,
Потом на голову обвалом
Валилась, как нежданный снег.
...Пока сапожник варит щи,
А повар сапоги тачает,
В работе толка не ищи:
Гвоздочки попадутся в чае.
Царь Александр решил, что он
Не хуже, чем Наполеон,
И Македонского не хуже,
Хотя не раз садился в лужу...

Когда же с вежливостью тонкой
Был отодвинут царь в сторонку,
Вдруг разделила ссора злая
Багратиона и Барклая.
Хотя обоим в равной мере
Была отчизна дорога,
Багратион — в сраженье верил:
Французу, мол, намнет бока!
Барклай — высчитывал потери,
Хотел измором взять врага.
...Летели в Петербург доносы:
Барклай — едва ли не шпион!
В столице начинали косо
Поглядывать. И медлил он.
А им необходимо было
Сплотить раздробленные силы,
Был срок отпущен очень краткий,
Чтоб на кафтан нашить заплатки!
На счастье, в этот трудный час
Казачий подвиг дело спас.
Наполеоновскую славу
Сжал Платов в цепкие тиски,—
То с левой стороны, то с правой
Лихие совершал броски.
...Как будто поменялись роли:
Француза в спину, по бокам,
По животу — на русском поле
То здесь дубасили, то там.
Чтоб он обмяк, чтоб обессилел.
«Сломаем зубы, срок придет!» —
Надежды в русском сердце жили,
Хотя и далеко расчет...
И в той сумятице кромешной
Премногоопытный Даву
Искал какой-то ход поспешный,
Идя вслепую на Москву.
Не понимал: с какого края
Сегодня русские войска? —
Бьют с тыла, спереди, кусает
С боков оружье казака!
Летели перья с фуражиров,
С головорезов записных
И с тех, кто был победным жиром
Доселе защищен... Под дых

Давали вскормленным на крóви,
Набегах, стонах и слезах!
Казачий атаман готовил,
Как мог, для супостатов крах...
Пока громил пришельцев с треском
На просеках лесных казак,
Сжимался грозно под Смоленском
Российской армии кулак.
Кутузов принялся за дело,
А дело было — вон из рук!
Страны израненное тело
С надеждою вздохнуло вдруг.
Барклая он своею волей
С Багратионом примирил,
Был Платовым весьма доволен,
Ему, как брату, говорил:
«Жду от тебя я облегченья.
Пощупай вице-короля,
Он Бонапарту подкрепленье
Ведет, дорогою пыля.
Его орудий грохот слышишь?
Поддай жарку, не подведи,
Чтоб стал король чуток потише.
Он в Витебске. Туда иди!»

И казаки, как ветер, мчались,
Гудела от копыт земля,

И славный Платов рвал на части
Отряды вице-короля.
Рассеял по лесам и долам,
На радость пуганым волкам.
Там доконал несчастных голод,
Ну а мундиры мужикам
Достались по окрестным селам,
Что с вилами, с дрекольем шли,
В ожесточении веселом
Круша врага родной земли.
...А Платову за этот бой —
И ордена, и титул графский.
Народ же нес подарок свой:
Прославил песнями и в сказках...

В ТРУДНЫЙ ЧАС

Мы осмелимся, изготовимся,
И рассердимся, освирепимся.
Накормим голодных
орехами,
Теми сладкими конфетами...
Мы пехотою будем в гости
звать,
Артиллерией будем
потчевать...
Из солдатской песни

Мы проходили в средней школе,
И каждый бы сказать сумел,

Какой на Бородинском поле
Пожар невиданный горел!
И флеши ли Багратиона,
Или Раевского редут —
Достойны низкого поклона,
Века им славу воздадут!
...Но где-то, не на поле боя —
В наполеоновских тылах,
Средь вражьих войск донцы-герои
Неумолимо сеют страх.
Их шлет туда не просто случай!
Порядки недруга прошив,
Казачий эскадрон летучий
Строй атакующих крушил.
...Потом горел пожар московский,
Дым расстилался по реке...
Того огня и нынче блестки
Мерцают в дальнем далеке...
Из края в край, казалось, дали,
Погосты, реки и леса
С мольбою страстной воздевали
Глаза и руки в небеса.
Просили отвести ненастье.
И может быть, никто не знал,
Какие ждали б нас напасти,
Когда б Москву врагу не сдал
Кутузов, видя день грядущий.
Он — знал о том еще в Филях,
С армадою столкнувшись прущих
На всех французских парусах.
Он только сдерживал махину
Наполеоновских громил,
Чтобы любой москвич покинул
Москву, ушел в глубокий тыл...
Далеко в глубь событий глядя,
Оставил кошек да мышей
Врагам пустых желудков ради
Французских доблестных мужей...
Пусть жрут дохлятину «от пуза»!
Все остальное до зерна
Прочь вывезти велел Кутузов,
И в этом — не его вина!
...Сжималась армии пружина,
Кутузов с войском отступал...

Лихая для Руси година,
Но есть в терпении запал...
Расправится дружина эта,
Ударит больно по врагу.
Изголодавшихся, раздетых
Морозы погребут в снегу
В российских ветреных просторах.
Вы скажете: врага не жаль!
Жалеть ли вторгшегося вора?
Но есть какая-то печаль...
Октябрь двенадцатого года...
Досрочно грянувший мороз...
В Тарутино на краткий отдых
Кутузов спрятал свой обоз.
Здесь полководец ждал известий,
Он твердо знал: они придут!
Пожар, мороз и голод вместе
На голову врага падут.
С глухой тарутинской стоянки
Летит Кутузова призыв:
Уничтожать врага останки,
Дубину крепкую схватив!..

ВО ВРАЖЕСКИХ ТЫЛАХ

Хвала, наш Вихорь-атаман;
Вождь невредимых — Платов!
Твой очарованный аркан —
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь...

В. Жуковский

Народ учить не надо чести!
Сбирал остатки слабых сил
Седой солдат, что «турку» вместе
С самим Румянцевым рубил.
Герой суворовских походов,
Отважный чудо-богатырь,
Слезал с печи, прервавши отдых,
Старинный надевал мундир.

И с Дона к Вихорь-атаману
По зову батьки своего
Коней стремили мальчуганы,
Седые старцы... Ничего...
«Пришли внучат мы выручать!» —
Шутили казаки седые.
Росла и умножалась рать
Степных заступников России!

В необозримом механизме
Сам Платов — только колесо,
Но он живет единой мыслью:
На чаше роковых весов
Запал пришельцев перевесит
Иль доблесть русская возьмет,
И наш народ на поле чести
Французский аппетит уймет?!
Но долго размышлять об этом
Ему недоставало сил:
До темной ночиньки с рассвета
С коня лихого не сходил!

...Зима ворчит и леденеет.
Кутузов к атаману шлет
Связного, чтоб летел скорее
Туда, где маршал Ней не ждет,
Где старой гвардии отряды
Российские дороги мнут.
Они, пока полки — не стадо,
Их нрав воинственен и крут!
Ползет железная громада,
Как будто сбита на болтах.
Ничем не рушится порядок,
И грозен каждой сабли взмах!
Вдруг на пути казачья мощь:
Десятки тысяч морд лошажьих...
В глухую налетели ночь,
Перемешав порядки вражьи.
Создав большой переполох,
Секли гвардейского колосса,
Да так, что он вздохнуть не мог,
И заново лепить пришлося...
Гвардейцев Нея Платов выбил,
Как сорняки сминает град.

Нашел вблизи от Орши гибель
Весь многочисленный отряд,
Что прежде, выправкой гарцуя,
Пленяя парижан сердца,
Шел, от воздушных поцелуев
Светясь... Подобного конца
Никак не ждали гренадеры.
Растоптаны, разметены,
И кроме тяжкого позора,
Что́ для своей несли страны?!
Французы отступали. Страшен
Казачьей конницы напор:
Теперь не строй солдатский   каша,
Не слава ратная — позор!
Одетые во что попало,
В кофтенку бабью или шаль,
Брели раздерганно, устало
В заветную родную даль...

Теперь, казалось, не пристало
Побитых оборванцев сечь,
Теперь казаки очень мало
Кого рубили... Даже с плеч
В мороз случалось сбросить бурку
И разнесчастного согреть,
Лишь для упрямцев самых юрких
Была наизготове плеть...
Идет француз и еле дышит,
Спасеньем почитает плен,
Давно былой задор повышел!
И — молит казаков с колен.
Ведь как-никак, а расставаться
С господним светом нелегко!
Сдаваясь, лопотали: «Братцы!
Мы сожалеем глубоко,
Что с пушками пойти посмели
На Русь... Простите, господа!
В наследство тем, кто нынче зелен,
Дадим завет, чтоб никогда,
Чтоб сгинуть на чужом погосте,
С оружьем не ходили в гости!..»

Войска Кутузова на запад
Все дальше без затора шли.
Дразнил чужого поля запах,
Чужие голоса земли...
Победный свет горел на лицах,
Победы сил добра — над злом,
И понимали за границей,
Что миру не разор несем,
А благоденствие на годы.
Пусть мир вдыхают грудью всей!
Хорошей для полей погоды,
Судьбы счастливой для детей!
Цветите, города и села,
Да не нарушит ваш покой
Никто. Летят за взятком пчелы,
Бороздка вьется за сохой...

ПО ЕВРОПЕ

...Полет преследования вашего ни с какою быстротою сравниться не может. Вечная слава неустрашимым донцам!

М. И. Кутузов —
М. И. Платову. 1813 г.

...Вот казаки и в Ландебургс.
Девицы с верхних этажей
На экзотические бурки
Цветы бросают. Голубей
Мальчишки выпускают в небо,
Встречая доблестных донцов.
У ратуши — скатерки с хлебом
И свита городских отцов.
«Виват, граф Платов, истребитель
Французской армии! Ура!» —
То здесь, то там — стихийный митинг,
Букетов и венков гора.
...Вошли казачьи сотни в Данциг,
Потом в прекрасный Дрезден-град.
Донцы, уральцы и кубанцы
Родные песни пели в лад.
...В агонии метался ворог.
На Веймар с лютостью пошел,

Разбойничал и грабил город,
Стыда и совести лишен.
Обязан Веймар, может статься,
Казачьих лихости коней:
Могли бы от него остаться
Лишь только тлен да горсть углей.
Но Платов в бой рванулся с ходу —
Немецких поддержать солдат!
(...И страшно мне, что через годы
Невиданное никогда
Здесь, возле Веймара, случится:
Дымы возденет Бухенвальд!
...Детей иссушенные лица,
И хриплые команды «хальт!»,
Игрушки!.. Срезанные косы...
Глотала жадно печь живых...
Не пеплом ли сожженных россов
Удобрены поля? На них
И нынче зреют урожаи,
Каких не видели вовек!
Простите, времена сменяю...
Но что поделать? Человек,
Пока в нем будет человечье,
Забыть не в силах Бухенвальд!
Убийцам — оправдаться нечем,
И раны заживут едва ль...)
Спасая от разбоя Лейпциг,
Донцы летят во весь опор.
Не знаю, сберегли ли немцы
Тот в разнотравье косогор,
Где в землю полегли чужую,
Рубясь с французами, донцы.
Приеду если,— поцелую —
Там спят земли моей отцы!

РОДНЫЕ ЗВОНЫ

Она поднималась — казачья слава —
На лезвиях синих свистящих клинков,
На старых курганах, на дымчатых травах,
На древних былинах ушедших веков...

А. Софронов

Минули дни кровопролитий.
От тяжких битв земля устала...

И в самом деле, посудите:
Ведь столько миллионов пало
Ее детей!.. Они не просят
Пить-есть... Не видят и не слышат...
За них другие пашут, косят,
На новых избах ладят крыши...
Пред павшими — склоним колена!
...А сколько сгинуло без вести?
Но разве дух бывает тленным?
В потомках — свет отцовской чести!

С лейб-гвардией прощался Платов
И крепко обнимался с каждым.
По горным тропам, перекатам
Прошел он с ними с вечной жаждой,
С надеждою, что день настанет —
Домой удастся возвратиться.
И вот прощай-ка, поле брани,
И здравствуй, поле трав, пшеницы!..
Матвей Иваныч поименно
И пофамильно называет
Бойцов. Глядит на них влюбленно,
И шапку оземь он бросает,
Как вызов поросли грядущей:
«Мужчина это в небе сокол.
Отечество храните пуще
Зеницы собственного ока!
А если умереть придется,
Примите смерть России ради.
Казак терпением куется,
А не родится на параде!»
Распорядившись домовито,
Скрепив прощание объятьем,
Матвей Иванович в открытой
Карете быстрой к дому катит.
Скорей бы только степи Дона...
Из речки пригоршней напиться,
Упасть под зноем полуденным
На разморенную землицу!

...Вот и виноград, кудрявый хмель,
Желтый донник, маки по курганам.
На границе войсковых земель
С хлебом-солью вышли к атаману.

«Генералу нашему — ура!» –
«Казакам лихим почет и слава!
По заслугам всем воздать пора,
Вам несу поклон от всей державы...
Ни труда, ни сил, ни головы,—
Жизни не щадить умели вы,
Чтоб изгнать разбойничью ораву!..

...Вам спасибо, женки дорогие,
Что умели ждать своих мужей.
Вы не уронили честь России,
Вы прекрасны верностью своей!
Хлеб косили, сыновей растили,
На людях не лили горьких слез...
До чего ж вы, бабоньки, красивы!
...Встретиться кому не довелось
С милым соколом — сложил он храбро
Голову, служа родной земле,
Живота не пощадил, была бы
Родина и в холе, и в тепле,
Не томилась в рабстве окаянном,
Мщенье не копила про запас,—
Вдовушки, поверьте атаману,
Мы в сиротстве не оставим вас!..»

...Вот уже не первую неделю,
Лошадиных не щадя копыт,
Платов меж сельчан вниманье делит,
Вникнуть норовя в казачий быт.
Терцы, и кубанцы, и днепровцы
К атаману мчатся, а иной
Не на добром скакуне несется —
Ковыляет, меченный войной.
Подают с поклоном хлеб и сало:
Мол, давно такого не едал?
Яства ел заморские? Бывало?
Чай, отвык?.. Привыкнешь, не беда!

...Поутру у старого Черкасска
Старый воин мигом слез с коня
И взглянул с кургана, как на сказку,
В золото проснувшегося дня,
На кресты, на купола собора,
Где мальца Матвеем нарекли,

И с влажнеющим усталым взором,
Поклонившись, поднял горсть земли
И поцеловал ее, родную,
И сказал, печалью осиян:
«Видел я за жизнь свою большую
Много городов и разных стран...
Всюду вашу удаль и отвагу
Ценят. Мне же — время на покой.
Здесь, поблизости от предков, лягу...»
Вдруг раздался колокольный бой,
Заглушив слова его печали,
Громыхнули пушки в честь него.
Тысячи казацкие стояли,
Грея взором батьку своего.
...Вдруг в лицо пахнуло жизнью снова:
Повод выпустив из цепких рук,
Без седельца, прямо из ночного,
Подскакал девятилетний внук.
Спешился с коня и крикнул звонко:
«Поскорее к бабушке идем!» —
Крепко взявши за руку внучонка,
Дед идет к жене, в последний дом.
У могилки он остановился
И сказал, колена преклоня:
«Больно поздно я к тебе явился,
Ты прости, желанная, меня!
Век в трудах, а счастья много ль было,
Верная казацкая жена?
Без меня земля тебя укрыла,
Так и не простились... Все война...»
И утихло сборище народа,
Незаметно как-то разошлось:
«На душе у батьки непогода,
Пусть один поплачет он. Авось
На сердце немного полегчает...»

Дед и внук, вдвоем, скорбя, сидят,
Запахи струятся молочая
И акаций белых аромат...

Художник В. Перцов

Антонина **КОПТЯЕВА**

НА УРАЛЕ-РЕКЕ

Роман

Окончание. Начало на стр. 107

А до этого были митинги в войсковых частях. Снова слушал Нестор страстную, живую речь Чапаева, накалявшую бойцов стремлением к справедливому возмездию и верой в победу. Выступал Фрунзе, напомнив об осажденных городах Оренбурге и Уральске, о том, что победы под Уфой приближают час их освобождения. Сказал и о больших потерях оренбуржцев. Он никогда ничего не приукрашивал, и речи его тоже зажигали красноармейцев верой в свои силы. Речь комиссара 25-й дивизии Дмитрия Фурманова была, как всегда, яркой и краткой.

Колчаковцы, не выдержав натиска, побежали, массами сдавались в плен. И у красных кавалеристов, в горячке боя, не поднялся ни один клинок, чтобы срубить голову пленного.

Уроженец Курляндии Владимир Оскарович Каппель, надменный и самоуверенный, после сдачи Белебея 18 мая не принял решительного сражения и уцелевшими частями своего корпуса отступил к Уфе. Немудрено, даже беспечный авантюрист генерал Гайда замедлил, не считаясь с требованиями Колчака, наступление своей армии.

А Фрунзе, несмотря на величие одержанных побед, сорвавших наступление Колчака и поднявших в контрнаступление 3-ю и 2-ю армии на пермском направлении, был мрачен. Не зря он не ответил сразу на телеграмму Ленина от 12 мая о тяжелом положении в Оренбурге, об отчаянной просьбе оренбуржцев прислать подкрепление. У Фрунзе болела душа за оборону Оренбурга и за не

менее отчаянное положение Уральска. Но послать туда подкрепление, когда надо было сейчас развивать успех главного удара, гнать да гнать отступающих к Уфе колчаковцев и немедля брать Уфу, он не мог. И все-таки он крепко надеялся на мужество оренбуржцев. Выстоит неделю-другую и Уральск, где командует герой-чапаевец Иван Плясунков.

— Каждая победа над Ханжиным, каждый взятый здесь город облегчает их положение, — говорил Фрунзе. — А если возьмем Уфу и разгромим армию Ханжина, тогда не устоит и Гайда. Подрубим мощь Колчака, погоним его в Сибирь — вот будет наш боевой ответ на призывы Ленина об освобождении Урала.

Взят Белебей — последний мощный оплот колчаковцев перед Уфой. Вот она, радость победы! Радость молодой весны! Но Фрунзе знал: не время радоваться и отдыхать. У него, Чапаева, Зиновьева и Тухачевского одно на уме: гнать, преследовать врага, не давая ему опомниться и укрепиться.

17

Однообразно, уныло динькал колокол на соборной колокольне, сзывая прихожан на заупокойную службу — молебен по убиенным. Служил архиепископ Мефодий соборне, с большим благолепием по заказу молящихся: вдов, матерей и сестер бойцов 217-го полка, погибших под Донгузской. Многие из них были большевиками, но женщины, лишенные возможности похоронить дорогих людей, убитых вблизи города, в каком-то стихийном отчаянии решили хотя бы помолиться о них.

На митингах, проведенных в рабочих районах города, побывали эти женщины, выслушали речи работников губкома и губисполкома, всплакнули, но тяжесть с души снять не могли, потому и обратились к богу.

— Что делать-то? — спросили утром в губкоме Акулова, как всегда, доступного для простого народа и своих кадров, Фрося, Харитина и Вира Сивожелезова, которая с трудом входила в привычную колею жизни. Были, конечно, здесь и Соня Бажанова, и Лиза Коростелева, и Мария Макарова, член губкома, ставшая женой Мутнова, работавшего теперь в штабе Фрунзе. Всех их волновало то, что заупокойный молебен по героям-красноармейцам будет служить мракобес Мефодий, пособник Дутова.

— Ничего. Революция от этого не пострадает, — с грустной улыбкой сказал Акулов и добавил задумчиво: — Тяжко ведь матерям, а они всю жизнь со своими бедами обращались к богу. Пусть помолятся, поплачут, исполнят древний русский обычай, крепко вошедший в быт. Может, хоть немножко успокоятся. А потом мы на Соборной площади, сразу же после церковной службы проведем митинг. Выступим вместе с Александром Алексеевичем. А чтобы женщины не разошлись по домам, вы все с агитаторами из женотдела тоже пойдите в собор. Послушайте службу... Вас Мефодий не вовлечет в свою паству. Крестным знамением осенять себя не обязательно, а на выходе приглашайте женщин к трибуне — на митинг. Надо сделать так, чтобы не торжествовали церковники.

И вот Фрося стояла в толпе женщин под величавыми сводами собора, смотрела на теплящиеся свечи перед образами богатого иконостаса по сторонам роскошных «царских дверей» — входа в алтарь. Из боковых дверей — южной и северной — выходили священники, читали молитвы, перекликаясь с певчими на клиросе. Гулко, кратко возглашал, будто ставил точки в молебствии, протодиакон — настоятель соборного клира, знаменитый своим басом, дьяконы крестообразно махали кадильницами, и голубой пахучий дымок ладана тянулся над головами молящихся.

Мефодий и священники в парадных облачениях напевно и стройно, в лад читали молитвы за упокой со святыми душ воинов, убиенных в бою за веру и отечество. Царя тут исключили давно. Хотя и отделенная от государства, церковь пыталась по-своему утвердиться при Советском правительстве. Глядя на Мефодия, Фрося уже спокойно вспоминала его домогательства, подумала о Софье Кондрашевой, которую увезли куда-то в Башкирию лечить кумысом.

Делегатки женотдела и члены партии хорошо поработали в притворе собора, приглашая женщин на митинг, уже открывшийся на площади. В самом деле, успокоенные молитвами и тем, что все-таки совершили важный обряд отпевания погибших близких людей, заменивший отчасти погребение, женщины дружно зашагали к трибуне, окруженной народом. Выступал Александр Коростелев. При виде подходивших молельщиц он сказал стоявшему рядом Акулову:

— Правильно ты поступил. Нужно это было для них самих.

Акулов, увидев просветленные лица женщин, тоже почувствовал, что легче теперь найти доступ к их сердцам, глубоко раненным утратой.

— С великим сожалением вспоминаем мы бойцов, убитых в бою под Донгузской 13 мая, — сказал он собравшимся. — Храбрость должна сочетаться с трезвым расчетом, иначе она таит погибель. Мы знаем: оборона требует жертв, без этого не обойдешься, и смело, самоотверженно идем навстречу опасностям. Но попытка контрнаступления под Донгузской, не подкрепленная резервами армии, явилась неоправданным риском, хотя наши бойцы, погибнув смертью храбрых, нанесли врагу тяжелые удары. Вчера к нам прибыл из Самары Каширский полк, на днях перебросят выделенную из Бузулукской группы пехотную стрелковую бригаду. Теперь каждый день к нам будут поступать подкрепления людскими резервами и боеприпасами. Войска Фрунзе продолжают успешное наступление на Уфу. Белые отступают под натиском наших бойцов. Как только будет взята Уфа, прогоним врага от Оренбурга и Уральска. Мы завоюем мирную жизнь, дорогие товарищи. Это счастье, которое мы все заслужили, поддерживая Советскую власть.

В ответ на эти слова на площади грянуло дружное «ура!». Кричали «ура!» и мужчины, и женщины, и ребятишки, как обычно, набежавшие отовсюду. Ведь все только того и хотели, чтобы завоевать мирную жизнь.

18

Чапаев продолжал преследование противника, подтягивал к месту будущих боев в районе Уфы части своей дивизии. Где-то впереди над крутой излучиной Белой, на высокой обрывистой горе, обросшей по склонам редким леском да кустарниками, находилась столица Башкирии — Уфа. Белого воинства в ней — битком: восемь пехотных и две кавалерийские дивизии Западной армии Ханжина, насчитывающие до сорока тысяч человек, и не меньше сотни орудий. Окопаться они успели, проволочными заграждениями прикрылись. Да еще со всех сторон омывают подножие Уфимской высоты, на которой расположен город, три полноводные реки: Белая (Агидель) и ее притоки: Уфа и Дема.

Отважные пластуны-разведчики Чапаева подбирались туда вплотную, наблюдали в полевые бинокли, как делались укрепления, как солдаты и офицеры занимали позиции: людно было на них. После сдачи Белебея ожидали наступления здесь. Но откуда будет нанесен удар?

В бугурусланском штабе Фрунзе у Новицкого кипела круглосуточно работа: с 25 мая началась подготовка ударной операции. Укомплектовывали свежими частями полки. Подтягивали войска к Белой и к узловой железнодорожной станции Чишме, возле одноименного большого села на реке Деме. А Дема, подойдя к Чишме с юга от Ратчина и Шарлыка, хрустально чистая среди богатейших липовых и дубовых лесов, круто поворачивала на восток и впадала неподалеку в Белую, а та, обогнув гору, на которой красуется столица Башкирии, уходила крутыми излучинами на север, к могучей Каме.

— Умели выбирать места для поселений наши предки, — сказал Фрунзе Новицкому, взглянув на полевую карту, — но здесь картина просто исключительная: три водные артерии, а в центре — высоченная уфимская гора.

— Таковы и Оренбург, и Бузулук, — напомнил Новицкий, — а Стерлитамак окружен пятью водными преградами.

— Речками, — полушутя поправил своего помощника Фрунзе.

— Кому речки, а нам рубежи да преграды, которые мы форсируем.

Уточняя планы, военачальники следили за перегруппировкой войск, за их продвижением. Фрунзе из штаба опять мчался в дивизии, находившиеся на марше. В подготовке такой масштабной операции мелочей нет: ничего нельзя упускать из виду, особенно связь штабов воинских частей, готовность артиллерии, обеспечение боеприпасами и продовольствием. И настроение бойцов, и осведомленность командиров — четкое представление каждого из них о боевых задачах подразделений — все должно быть выверено.

* * *

Вдоль Демы, с юга, подходили, ведя упорные бои, части 1-й армии, заслонявшие в апреле Оренбург с северного стерлитамакского направления; по пойменным рос-

кошным лесам двигались с запада к Чишме и Белой, спустившись с Белебейской возвышенности, бригады Чапаева, подтягивались дивизии 5-й армии и Туркестанская армия с 31-й стрелковой дивизией в резерве. Шли пехотные и кавалерийские части; громыхая по корневищам лесных дорог, катились пушки артбатарей, тянулись обозы.

Изредка пролетали над дорогами и лесами колчаковские «гробы» — разведывательные самолеты. Их прогоняли выстрелами из винтовок. Самолеты Фрунзе бездействовали из-за недостатка горючего, и тут ничего не удавалось добиться.

— Скоро увидим столицу Южного Урала, заполненную разным сбродом! — говорил Фурманов группе командиров, спешившихся под навесами ветвей громадного дуба. — Этот объект третьего завершающего этапа нашего наступления белые будут защищать отчаянно. Уфа прикрывает путь и на Урал и в Сибирь. Сдача ее — конец Колчаку: не ожидая отступления Гайды с Северного фронта, он побежит в Сибирь. Но бои предстоят упорные.

— Сколько попыток сделано, чтобы «спасти» Россию от большевиков, но рушатся замыслы контрреволюционеров и их иностранных покровителей, — сказал Фрунзе, невольно залюбовавшись подъехавшим Чапаевым, гарцевавшим на прекрасном скакуне. — Побьем их еще раз, Василий Иванович?

— А то! — задорно ответил лихой начдив. — Закончим расстановку сил — и пошел. — И неожиданно запел негромко приятным тенорком:

— Деньги есть — Уфа гуляем.
Денег нет — в Чишме сидим.

— Это что, из местного фольклора? — Фрунзе усмехнулся и сразу серьезно: — Переправитесь вы всей дивизией через Белую и двинетесь на Уфу с севера от Красного Яра. А прежде придется в Чишме беляков поколотить.

— Они в Чишме и перед нею сильно укрепились. Вот я написал приказ по дивизии. Сегодня огласим. — Чапаев достал из планшета листок бумаги, подал Фурманову, стоявшему рядом: тот прочитал, кивнул одобрительно и передал Фрунзе.

Михаил Васильевич стал читать вслух:

— «Для задержки нашего движения противник ухватился за узел Бугурусланской и Бугульминской железных

дорог в Чишме. Но мы будем бить его не так, как он хочет, а так, как мы хотим. Дружным одновременным ударом с запада на Ново-Царевщину, Верхнее Хозятово, Нижнее Хозятово, Московку, Чишму, Илькашево, Марусино и Алкино столкнем белогвардейцев с железной дороги, для большего удобства топить последних в реке Белой, тем самым очистить себе путь к Уфе и дальше».

«Для большего удобства топить», — повторил Фрунзе и рассмеялся.

— А что? — хитренько покосился на него краем глаза Василий Иванович. — Или неправильно выразился?

— Все правильно, товарищ начдив! Будем сталкивать колчаковцев с железной дороги, и топить, и гнать. Когда переправитесь через Белую, авангардом пошлете Иваново-Вознесенский полк Горбачева.

— Хорошо, — согласился Чапаев. — Ваши ткачи ладно скроены, крепко сшиты и в боях по-пролетарски сплоченные. Непреклонный народ! Пусть они пойдут первыми, когда на плечах врага мы вырвемся к Белой.

— Так и наметим, — сказал Фрунзе, который хотел опереться на боевую стойкость своих ивановцев в решающий час. — А как ваши краснохолмские казачки?

— Беру их с собой для лобового удара. Вместе будем прорываться к Белой. Вполне надежны.

— Быть посему. Я рад, что трудовые казаки оправдали наше доверие.

Утром 28 мая части Чапаевской дивизии пошли в наступление на Чишму и сразу натолкнулись на упорное сопротивление. Мосты везде сожжены или взорваны, шоссейные дороги изрыты. В этот же день и на следующий 27-я и 35-я дивизии Тухачевского разбили корпус колчаковцев, пытавшийся зайти в тыл его армии. 30 мая после ожесточенных трехдневных боев вдоль Бугурусланской и Бугульминской железных дорог дивизия Чапаева овладела Чишмой и рванулась под Уфу к берегам Белой.

— Похоже, что все удравшие от нас в Белебее и Бугульме колчаковцы осели в заслонах на пути к Уфе, — сказал Нестор своим командирам эскадронов после жаркого боя в лесном поселке, жители которого были выгнаны белыми в поле.

Осмотрев опустелые, загаженные избенки среди окопов в горящем поселке и выслав вперед разведку, конники спешились на отдых у тихой речонки за околицей. У соседей — комбригов Кутякова и Потапова, слышно, шли

бои, но стрельба и гомон атак там тоже стали стихать — линия фронта, похоже, выравнивалась.

Наскоро омыв в речной воде пылающее лицо, сполоснув голову, Нестор, расчесывая мокрые волосы, присел на поломанную, брошенную на берегу телегу, стал строчить донесение начдиву.

Гора Кучугуров и Иван Щедров принесли в котелках кипяток и похлебку от захваченных походных кухонь, дымивших вдоль берега маленькими трубами.

— Не от колчаковцев досталось? — спросил Нестор, добывая ложку и хлеб из приторочённого к седлу мешка; лошади, привязанные на выстойку к грядке телеги, потянулись к хлебу, и Нестор сунул корку своему Белоногу, словно чудом уцелевшему во всех сражениях, у Горы же сегодня убили вторую лошадь.

— После колчаковцев и из колодца не напьешься — они если не отраву, так какую-нибудь падаль туда сунут. И в котлы, коли успеют, нагадят. Свои кашевары сварганили, благо речка рядом. — Щедров постелил на телегу край попоны и мигом «накрыл на стол».

Гора стоял как в воду опущенный.

— Ты что? — взглянул на него Нестор.

Мальчишеское лицо Горы не стало мужественнее с отросшими в походе темными усами, да еще губы оттрюнил, будто плакать собрался:

— Коршуна мне жалко. Как разворотило ему пах осколком, упал... Я едва ногу из стремени успел вынуть. Вижу, конец ему, не подымется, и так ржал пронзительно, а глаза тусклые стали, и слезы в них... Бой-то уже на исходе был, а то чокнули бы и меня, не мог я его сразу бросить.

— Что же, так и оставил?.. — Нестор представил себе сильного карего скакуна Горы, подумал: «Не везет ему».

— Пристрелил. — Гора шумно вздохнул. — Так я разволновался, и опять все думы об Оренбурге. Что они нам не пишут про 217-й полк? И вообще ничего не пишут. Кто из наших там погиб? Кто раненый? Сами-то живы ли? И Антошка запропал! Не мог он остаться в стороне от всех дел.

19

Четвертого июня 24-я Железная, 2-я стрелковая и 3-я кавалерийская дивизии Туркестанской армии вместе с 5-й армией вышли к Белой. Им предстояло, имея в ре-

зерве 31-ю Оренбургскую дивизию, нанести главный удар в обход Уфы с юга. Одновременно с ними дивизия Чапаева должна была форсировать Белую и ударить на Уфу с севера. Для поддержки операции справа готовилась 20-я дивизия 1-й армии и слева — 26-я дивизия 5-й армии.

В ночь на 8 июня чапаевцы начали переправу на восточный берег реки в районе Красного Яра. К месту будущей переправы на левом берегу вышла вся дивизия Чапаева. В ожидании броска войска были рассредоточены в избах и во дворах села, под прикрытием пойменного леса. Перед ними водная преграда, которую придется форсировать, если заметит враг, под артиллерийским огнем, без мостов, почти без плавучих средств... Кавалерия пойдет вплавь. А орудия? Броневики? Трудностям противостоят опыт командиров и воодушевление верящих в победу солдат. Неспокойно идет громада воды, все еще не утихомирившаяся после вешнего разлива.

«Метров сто восемьдесят, а местами и триста будет», — прикидывает Нестор, поглядывая на два колчаковских пароходика и буксир, мирно стоявшие у наспех сооруженных причалов. Что тут особенного, стоят себе суда возле большого села. Погрузка ли будет или выгрузка... Летчикам протарахтевшего в стороне вражеского самолета вряд ли придет в голову, что эти пароходы и буксир, над которыми трехцветный флаг белой армии, захвачены Чапаевым. И это они привели сюда из нижних селений плоты, они тоже причалены у берега — вроде сплавной лес. А что творится в зеленых лесах на холмах возле Красного Яра и в лесистой пойме, сверху не видно, как не видно и затаившихся красноармейцев в густой чаще кустарника вдоль реки.

Ночью почти при полной тишине началась переправа. Поскрипывали уключины лодок — будто рыбаки возились, ставили сети. Всплескивала вода у плотов, деловито, спокойно пошумливали пароходы и уводивший плоты буксир. Одна за другой грузились воинские части и уплывали в темноту, туда, где неясно вырисовывался в речной мгле правый берег и где уже находились разведчики Чапаева. За берегом поднимались кручи, ближе к Уфе изрытые окопами, опутанные проволочными заграждениями врага. Но пока молчат его пулеметы и артбатареи...

— С другой стороны, поди-ка, ждут, проклятые! —

шепчет Федот Кашеваров. Его гнедая кобыла, заменившая убитого дончака, стоит голова к голове с Белоногом Нестора. Они дружат, и гнедуха нежно кладет свою морду на шею степного скакуна. Это ничего... Можно. Лишь бы молчали. Нестор стоит как вкопанный у самой воды во главе своего дивизиона — ждет команды. Только что в мыслях была Фрося, жизнь с нею. Но приближалось время переправы, и все внимание сосредоточилось на плацдарме на том берегу и своих боевых товарищах-кавалеристах. Пойдут вплавь...

Уже переправился Иваново-Вознесенский полк, геройские ткачи Фрунзе. Чапаев руководит переправой, погрузились пугачевцы... Начдив быстро стягивает к берегу другие полки. Начали переправлять на пароходиках четыре броневика...

Перед рассветом ударили враз по вражеским окопам батареи нашей артиллерии, а потом пошли в бой ивановцы, за ними Пугачевский полк. Пошел в атаку и сам Фрунзе, когда туго пришлось Иваново-Вознесенскому полку. На юге под сильнейшим артобстрелом, при недостатке плавучих средств переправа ударной группы не удалась, и Фрунзе стал развивать успех на левом фланге, где закрепилась дивизия Чапаева.

Передана команда эскадронам... Вступили в реку обстрелянные боевые кони и сразу поплыли, высоко приподнимая остроухие головы над быстро текущей, холодной водой. Нестор и командиры его эскадронов крутятся в седлах, высматривая, как плывут их конники, и то место расширявшегося плацдарма, куда они выплывут, снесенные течением. В сапоги налилась вода, намокли полы подвернутых шинелей, но лишь бы сухим было оружие и патроны, лишь бы черт не принес опять вражеские самолеты, только что сбрасывавшие бомбы и обстреливавшие переправу из пулеметов. На плаву, сидя в седле, стрелять в них невозможно. А кое-кто уже ранен, припал к гриве лошади, а другой свернулся в воду, отчаянно цепляется за луку седла, рядом плывущий придерживает его, не дает упасть.

Но вот лошади первых рядов почуяли твердую почву под ногами. Следом торопились другие, и сразу выстраивались конники под берегом, готовые к атаке. Раненых отнесли к переправе; им уже не принимать участия в деле, но как они рвались остаться в строю!

Вдруг пришло тревожное известие: ранен Фрунзе; и

сразу другое: не ранен, а контужен, лошадь разорвало. У всех вздох облегчения. Командует Кутяков, на переправе — Чапаев, расторопный, смелый, дальновидный.

А тут команда дивизиону — заходить вперед для удара по флангу, в поддержку атаки пехоты. Солнце уже поднялось за Белой, над береговыми кручами и Уральскими горами, высвечивает каждую былинку, каждую яму на косогоре, и убитых, и кровь, запекшуюся на земле. Мимо несется кавалерия. Опустевшие окопы, колючая проволока, будь она неладна, перерезанная саперами, сбитая в клубки прошедшим людским шквалом. Резво несутся конники... впереди кипит штыковая атака, а сверху наступает еще до полка белой пехоты и катится конная лавина, сверкая клинками в лучах утреннего солнца, — казачья кавалерия. Взгляд назад, по рядам конников, на переправу, где рябят воду, маленькие издали, красные кавалеристы — подоспевает второй чапаевский дивизион, — и Нестор выхватывает саблю, высоко кружа ею над головой, кивает горнисту и, кренясь набок, пускает коня во весь мах, крича на скаку чистым, далеко слышным голосом:

— Вперед, товарищи-и!

И, как огневой вал на степном ветру, ударил дивизион — все три эскадрона. Огонь на огонь — казаки на казаков. И не выдержали крутого удара белые казаки. Черта ли им тут терять свои чубатые головы из-за какого-то, то ли английского, то ли американского правителя Колчака! Повернули — и ходу наверх, к сверкающим куполам Уфы. Наша пехота еще неистовее заработала штыками, и колчаковский пехотный полк тоже повернул обратно, а часть его с ходу побросала винтовки, подняла руки.

Пока занимала опустевшие окопы врага красная пехота, кавалерию отозвали в укрытие под береговым уступом. И вовремя. Не добежав до вершины, встреченные огнем своих, колчаковцы остановились, залегли, и тогда по занятому красноармейцами плацдарму ударило сразу столько пулеметов, что под сплошным настилом огня не могла подняться даже пехота.

Но броневики уже брали подъем, а опережая их, снова ударила артиллерия, рвала проволочные завесы, разбивая пулеметные гнезда. Но когда наступила тишина, тучей встали и двинулись в полный рост офицеры полков Каппеля...

— Мало вас били! — пронеслось по фронту чапаевцев. — Ну идите, голубчики, поближе!

Офицеры шли молодцевато, гордо, красиво, блестя погонами и орденами, высокие в дымке пороховой гари.

Подпустили поближе, начали бить из винтовок наверняка, но пробитые в рядах бреши смыкались мгновенно, будто не видя и не слыша, ступали блестящими сапогами по телам упавших идущие в психическую атаку, только убыстряли шаги, а откуда-то с правого их фланга, с кручи, вдруг зачастили по красноармейским окопам пулеметы. Положение становилось критическим. Но снова выручила артиллерия, обрушившаяся на новые пулеметные гнезда и на полки, идущие в атаку. И, не теряя времени, сменив раненого, но оставшегося после перевязки на плацдарме начдива, поднял чапаевцев в контратаку Иван Кутяков...

Врубившись со своими конниками в закипевший рукопашный бой, Нестор, отвешивая удары направо и налево, закружился на Белоноге, послушном малейшему движению поводьев, подавая команды комэскам и краем глаза следя за лихими действиями кавалеристов, отсекавших от окопов новые лавины словно по инерции шагавших каппелевцев, паливших из винтовок и коловших штыками. Гора Кучугуров вдруг рванулся вперед всем корпусом и завалился набок.

— Ранен? Убит? — крикнул Нестор и такую боль ощутил в сердце, будто самого пробили горячим железом, но рука еще крепче сжала саблю.

Когда в помощь провалившейся психической атаке вылетел полк отборной каппелевской кавалерии, снова вступили в бой второй дивизион Чапаева и подоспевшее свежее пополнение пехоты. Словно одержимые, бросились навстречу вражеской кавалерии красноармейцы со штыками наперевес... И везде успевал Иван Кутяков: руководил бригадами и полками. Шли упорные, ожесточенные бои, и только к концу суток на рассвете стало ясно: исход сражения, начавшегося в ночь на 8 июня, был в пользу армии Фрунзе. Белые бежали с поля боя. 9 июня 1919 года Уфа была взята.

20

Уфа. Фрунзе, его бойцы и командиры блестяще завершили операцию флангового удара по армии «верховного

правителя», наступление Колчака на Москву было сорвано.

Радостно вступали на улицы башкирской столицы войска Красной Армии, растекаясь по ее замусоренным, грязным улицам. Комендант и его помощники с ног сбились, распределяя солдат на постой, назначая дозорные разъезды и караулы. Непривычно было для казачьих эскадронов, что жители весело приветствовали их.

— Гляди ты, побили мы беляков, а в город вошли безо всяких обид для населения, — с гордым удивлением говорил Федоту Кашеварову Иван Щедров. — Ну-ка это бы дутовские казаки ворвались после таких боев!..

— Солдаты у красных давно к порядку приучены, — отозвался Федот и, счастливо прижмуривая круглые глаза, поглядывал по сторонам: над толпами зевак, на тротуарах — всюду масса вывесок. Торговля бакалейная, галантерейная, за зеркальными витринами выставки роскошной моды: какие-то невиданные бабьи распашонки в рюшах и кружевах, меха, обувь. Тут же трактиры, рестораны, подъезды с красными фонарями и стаями крашеных девок, прилипших к балконам и окнам. Фруктовые и зеленные лавки. Мануфактура и веники. Тазы и заграничные духи. Товары для военных: шикарные сапоги, кители, гимнастерки.

— Во-о как жили в тылах-то! Не успели упереть с собой! А мы неужто ничего не возьмем отсюдова?

— Что, Федот, разбежались завидущие глаза? — пошутил Нестор, тоже счастливый одержанной победой и вступлением в город, в который рвались издалека, и известием о том, что Гора Кучугуров хотя тяжело ранен, но уже, побывав в руках хирургов, находится в походном госпитале. — Тут уж пытались местные мародеры разбивать витрины да по домам шарить, но их быстренько схватили — и в расход. Рассчитывали на наших бойцов свалить позор.

— А почему позор? Мы же завоевали город в честном бою, — то ли выпытывая, то ли разыгрывая простачка, возразил Кашеваров.

— Смотри у меня! — полушутя пригрозил Нестор. — Забыл, как в Краснохолмской станице каратели вытряхивали сундуки и постели да штыками шуровали в чуланах?

— Ничего я не забыл, потому и не мешало бы отыграться.

— А уфимцы-то при чем?
— Но которы побогаче-то...
— С одной вольности начнется, а потом как пожар. Нет уж. Командование само возьмет контрибуцию с богатеньких.
— Мне дак ничего из барахла не надо, — сказал Иван Щедров, — а каку бабенку бы молоденьку... Честных девок зачем трогать? Тут проститутками хоть пруд пруди. У колчаковцев, поди-ка, гулянки бесперечь шли!
— Мы не колчаковцы. По борделям никому не разрешат шляться — набираться офицерской заразы.
— Ты, Нестор Григорьич, хуже попа посты блюдешь! — усмехнулся Щедров; прислушиваясь к разговору, рассмеялись и ближние конники.
— А плохо ли нам? Вот победу одержали и живы-здоровы остались. Сейчас отдохнем, щей нам жирных наварят с бараниной, по чарке водки, конечно, дадут. А Реввоенсовет тем временем обсудит, как действовать дальше. Три направления будут: помогать второй армии на правом фланге — гнать Колчака дальше в Сибирь, оказать помощь Уральску или на Туркестанский фронт — через Оренбург — Актюбинск...
— Куда же тебе больше по душе? В Оренбург, поди-ка?
— Куда пошлют — выбирать не приходится. Конечно, Оренбург мне ближе, роднее, но, пока мы не разобьем врага, о своем курене думать нечего.

* * *

В большой сибирской гостинице было людно и шумно.
— Все провоняли! — Федот Кашеваров, брезгливо морщась, еще шире распахнул створки в номере Нестора, уложил на шкафчик небогатое имущество своего командира, поправил одеяло на кровати, зачем-то перевернул подушку. Он любил чистоту в доме, а промозглые запахи холостого офицерского быта вызывали у него отвращение.
— Водили тут всяких!.. Мадамы заместо бани духами обливались...
— Черт с ними! — Нестор вошел, похорошевший, умытый, повесил полотенце, положил бритву и мыло. —

Нам тут одну ночь переспать. Пошли, сейчас Фрунзе и Чапаев подъедут. Еще, гляди, парад принимать будут. У бойцов радость через край бьет — не сразу угомонятся.

И правда, перед гостиницей возник самостийный парад.

Среди раздавшихся в стороны уфимских рабочих, восторженно приветствовавших бойцов Чапаевской дивизии, подскакали Фрунзе с левой рукой на перевязи, Тухачевский и Зиновьев. Встретил их на гарцующем коне Чапаев с забинтованной головой в простреленной фуражке, сдвинутой набекрень. Глаза командиров горели торжеством на почерневших лицах, осунувшихся после перенесенного напряжения страшных боев. Здесь же, у входа в гостиницу, стояли Фурманов, Кутяков, Потапов, командиры и комиссары Иваново-Вознесенского полка и конных дивизионов.

— С победой, товарищ командующий! — отрапортовал Чапаев, не скрывая радости.

— Спасибо, Василий Иванович!.. Но почему вы сбежали из-под надзора врачей? Вам покой нужен.

— Какой тут покой? Разве можно киснуть в такое время?.. — Чапаев поправил фуражку, усмехнулся, озоруя. — Наша победа — лучший исцелитель. Но вам-то следовало бы поберечься...

— Чего уж тут — оба нарушили предписания врачей. Главное — победили. Поздравляю вас, Василий Иванович. С победой, товарищи! — крикнул Фрунзе, приподнимаясь на стременах и обращаясь к массе пехотинцев и конников, задержавшихся у гостиницы и затормозивших движение на улице.

В ответ — громовое «ура», музыка где-то грянула марш, и, подлаживаясь к ней, без равнения в рядах, двинулись войска мимо Чапаева и Фрунзе, который, вскидывая здоровую руку, громко приветствовал и горячо благодарил бойцов за храбрость, за верность Советской Родине. Вот это был парад так парад! Совсем не по форме, смешанным строем двигались пехотинцы и конники с шашками наголо, ехали пулеметчики и артиллеристы на двуколках и тачанках, орудийных лафетах. На многих белели повязки с пятнами крови, но все искупалось улыбками, горячим сияньем глаз, дружными криками «ура-а-а». Шли победители и те, кто содействовал их успеху, — арьергардные отряды: ремонтники, обозники с походными кухнями — все части победившей армии.

* * *

Армии Восточного фронта перешли Уральский хребет и выходили в красивейшие горно-таежные районы Урала. 13 июля был освобожден город металлургов, издавна кузница оружия — живописный Златоуст, а на другой день Екатеринбург. Под яростным напором Красной Армии и сибирских партизан, воодушевленных победами, колчаковцы отходили двумя группами: Северная армия Гайды — в Сибирь, а Южная группа Белова — остатки полчищ Ханжина — в Оренбургскую и Уральскую области. Преследуя белых, Красная Армия Восточного фронта так же расходилась по двум этим направлениям: 3-я и 5-я армии выходили в Сибирь, а Южная группа * в Зауралье — на Орск, Актюбинск, Оренбург.

21

«Единственная моя, любимая моя Фрося! Ты, конечно, можешь представить всю радость одержанной нами победы под Уфой. Нелегко она досталась, но главная цель контрудара армии Фрунзе из Бузулука выполнена, и мы гордимся своим участием в нем. Колчаковцев отогнали с занятой ими территории верст на триста в центре их наступления и на северном участке. Взяли в плен 12 тысяч солдат, больше 200 офицеров и генералов. Убитыми Колчак потерял около 25 тысяч. У нас тоже потери немалые, но война без этого не бывает. Ты, моя славная, все это уже узнаешь из газет, когда мое письмо доберется до тебя, но я так переполнен переживанием боевых событий, что не могу о них умолчать. Погиб под Уфой наш красавец, умница наш Белоног. Чувство у меня такое, будто похоронил я друга, понимавшего меня с полуслова. Верный, послушный боевой конь. Молчу, а то опять слеза прошибает.

Нас с Чапаевской дивизией срочно отправили эшелонами по Самарской дороге на помощь Уральску и Новониколаевску. Какое счастье двигаться по своей земле, очищенной от врага, но сколько надо еще пережить людям, чтобы наладить разрушенную жизнь! Однако мы все пол-

* В начале августа группа была выделена в самостоятельный Туркестанский фронт.

ны надежд и бодрости. Так я надеюсь и на встречу с тобой, когда смогу обнять тебя крепко-крепко... Соскучился, милая моя, ненаглядная! Стосковался так, что не выпускал бы тебя из рук ни ночью, ни днем. Целую миллион раз. Кланяюсь Харитине, мамане, дедушке Арефию, я ему очень симпатизирую. Передай привет всем твоим братьям, Мите особенно. Я знаю, как ты его любишь. Но меня, девочка моя глазастая, люби больше всех. Так же, как я тебя люблю. Теперь у меня в жизни столько хорошего, и многое я полюбил заново, но ты всегда у меня в сердце: и я стремлюсь к тебе неустанно, непрестанно всем телом и душой. Моя ты навсегда, и я твой навеки. Даже если меня убьют, моя любовь будет с тобой.

Любящий и жаждущий встречи Нестор».

Фрося держала письмо и плакала навзрыд: она ведь ждала, что после взятия Уфы Нестора с его казаками пошлют на помощь Оренбургу. Откуда появилась эта уверенность? Но Фрося жила ею. И вот снова — бои за Уральск... Всхлипнув еще раз, она вытерла лицо и стала перечитывать письмо сначала. Читала и уже улыбалась. Целовала листы бумаги, исписанные знакомым до боли почерком... Это его сильная большая рука выводила все эти буквочки...

«Он живой, здоровый, а я, глупая, плачу. Радоваться надо! Отбился от колчаковских солдат, отобьется и от белоказаков. А как серьезно он мне пишет о всех делах. Ласковый мой! Я буду ждать тебя хоть всю жизнь! Кончится же когда-нибудь эта война! — Свернула письмо, опустила конверт за пазушку — прижала ладонью.— Господи, как хорошо так любить! Надо скорее прочитать письмо Харитине, она тоже ждет и беспокоится!»

Фрося вышла из комнаты, служившей складом и конторой, прошла по столовой. Таким счастьем казалась прибавка хлебного пайка.

В Оренбург стали подходить обещанные Фрунзе войсковые пополнения; казаков отбросили от берегов Урала за Донгузскую и к Илеку. Перестали взрываться на улицах снаряды, и настрадавшиеся оренбуржцы вздохнули свободнее. Снова наладили пешеходный мост через Урал, и женщины целыми ватажками отправлялись в цветущую степь, чтобы хоть посмотреть на те места, где погибли их близкие. Ходили туда в воскресенье и Наследовы с Харитиной и теткой Палагой. На Виру больно было смотреть. Ребятишки и женщины набрали букеты скромных

полевых цветов, положили их на еще не осевшую землю больших бугров, возникших в степи. Кто знает, где зарыты останки родных людей?

Уже пора, нужно идти в продснаб получать по рабочим карточкам муку и крупу. Уборщица и судомойка, закончив свои хлопоты, собирались домой. Глянув на их озабоченно-равнодушные лица, на повариху, довольную тем, что рабочий день кончился, Фрося вдруг поняла, что нет в столовой слаженного коллектива. «Нет настоящих товарищей по работе, — подумала она. — Стараемся, конечно, чтобы из самой малости приготовить получше, подать почище, чтобы не обижались рабочие. Но и кормим их пока плохо».

— А скоро у нас по-другому будет, — сказала она вслух.

— Что будет, Ефросинья Ефимовна?

— Эта наша столовая... Разные продукты в достатке появятся. Помещение нам дадут другое — красивое, а главное — посетителей добавится, хочу, чтобы у нас всех был живой интерес к делу. Хочу такой работы, чтобы нас любили за нее.

— А у кого она сейчас есть, такая работа?

— Да вот хотя бы у нашей Харитины в детдоме... — Фрося представила веселое личико Харитины, ее «кадры»: Петровну, Наташку, Ирину Ивановну, которыми она не нахвалится, массу ребятишек. — Сумела всех уберечь, не дала эвакуировать неведомо куда, а теперь их водой не разольешь. Сейчас пойду к ней. Письмо ведь я от Нестора получила.

— Слава тебе господи! Поди к ней! Поди! Вы у нас партейные, стало быть, дружней вас нету. — Повариха даже перекрестилась, и такое доброе сочувствие выразилось на ее похорошевшем лице, что Фрося вскочила и крепко расцеловала ее:

— Спасибо! Ты даже не представляешь, тетя Настя, что ты мне сейчас подсказала.

22

У здания бывшей городской думы, на площади, где зеленели два скверика, разделенные Неплюевской улицей, — любимом месте гуляний оренбургской молодежи — тесно сбились вновь прибывшие воинские части, шел ми-

тинг. Фрося хотела свернуть в переулок левее, мимо гостиного двора, но, увидев на трибуне Коростелева, Акулова, Зиновьева и председателя горсовета Полякова, остановилась, подошла, насколько можно было, поближе.

Выступал Зиновьев:

— Южная группа Восточного фронта, выполнив задачу борьбы с Колчаком, с 15 августа переименована в войска Туркестанского фронта. Главная задача его: занять Уральскую область и Оренбургскую губернию, сломить окончательно сопротивление казаков, затем очистить путь на Ташкент и завершить полное освобождение Туркестана. 11-я армия с железным упорством обороняет в это время Нижнюю Волгу и весь Астраханский край, отвлекая на себя численно превосходящие силы противника, непрестанно бьет по флангу деникинской армии — в Царево-Царицынском направлении. А Чапаев, освободив Ново-Николаевск, движется к Уральску. Белые армии обречены, и выход для них будет один — капитуляция.

Потом слово взял Александр Коростелев:

— Как видите, товарищи, Михаил Васильевич Фрунзе сдержал слово, данное оренбуржцам и уральским рабочим: полагаясь на нашу твердость в обороне, разбил Колчака и теперь начинает наступление в сторону Актюбинска и илекских станиц. Большая часть войск идет левее через Орск, нанося удары по отступающей Южной группе генерала Белова и по 2-му казачьему корпусу. Задача частей, выступающих на правом фланге, — разбить и разоружить белоказаков 1-го корпуса — больше они никогда не вернутся к Оренбургу. А 25-я дивизия Чапаева, отбрасывая уральских казаков, скоро прорвет блокаду Уральска. Белоказаки генералов Толстого и Савельева применяют там партизанские методы. Мы не преуменьшаем силы врага. Но 4-я армия с помощью Чапаевской дивизии сумеет навести порядок в междуречье Урала и Волги, вплоть до Гурьева. Наступление пойдет широким фронтом. Скоро оренбургские рабочие, мужественно защищавшие город, будут возвращены на транспорт и к своим станкам.

«Если бы Митя был жив! И Костя, бедный... Никогда не избудем мы это горе, — подумала Фрося. — А еще Паша и Харитон из боев не выходят и не пишут ничего. Уж Харитон-то мог бы написать: все заметили, что он с Харитины глаз не сводит. Или она обрезала его, даже не заговаривает о нем. Спрошу ее, может, она стесняет-

ся... Вдруг и он не вернется, как Митя. Жалеть ведь будет потом».

Напротив, за зелеными деревьями, высились здания реального училища и городского театра, перестроенного из манежа. Акулов взглянул в ту сторону, что-то сказал Коростелеву. Фрося тоже попыталась разглядеть то, что привлекло их внимание, но бойцы стояли сплошной стеной, и снизу она ничего не увидела.

Затем какое-то движение произошло у трибуны, и наверх стали подниматься музыканты, а за ними вышла Рогнеда в белом строгом платье.

— Народная артистка Рогнеда Чанышева исполнит концерт для бойцов, уходящих на фронт! — громко объявил Коростелев.

Фрося ожидала, что Рогнеда споет революционные песни, подходящие для воодушевления бойцов, идущих на фронт, а она — про любовь. О тоске и разлуке, о радостях встречи с любимой. Да еще скрипки звучали так, будто сердце пело и плакало в груди. Солдаты слушали не шевелясь. Перестали грохотать в ближних переулках телеги биндюжников, тихо-тихо распахивались створки окон: служащие и обитатели частных домов приклеились к подоконникам. А Рогнеда, словно не замечая никого, полуприкрыв огневые глаза, разливалась соловьем, то беря самые высокие чистые и нежные ноты, то свободно переходя на контральто, и тогда Фросе казалось: в бархатной темноте движутся, переплетаясь, сказочно прекрасные золотые спирали. Но слова песни звали, будоражили своей красотой и задушевностью, и Фрося снова устремляла взгляд на певицу, ловя каждый звук — само дыхание мелодии, льющейся легко, без малейшего усилия.

— А теперь «Очи черные», — задорно, с особенным подъемом сказала Рогнеда.

Фрося взглянула и даже испугалась, певица в упор смотрела на нее, улыбаясь, кивала ей головой, и оттого, что к Фросе обернулись и те, что стояли у трибуны, она совсем растерялась.

— Иди сюда, Фрося, — позвал Александр Коростелев; она было попятилась, но ее уже подхватили под руки и почти пронесли к ступеням подмостка. Ничего не видя от волнения, спотыкаясь, она поднялась наверх, не понимая того, что ей говорили.

Обняв ее за плечи, Рогнеда обратилась к бойцам:

— Это жена командира чапаевского дивизиона крас-

ных казаков — Нестора Шеломинцева. Они брали Уфу. Вы ведь тоже были с ними. Сейчас дивизия Чапаева идет освобождать Уральск. Я спою песню, которую посвящаю Нестору и его верной Фросеньке. — Голос Рогнеды дрогнул. — Посмотрите на нее. Какие у нее глаза! Он тоже красивый, и они любят друг друга. Пусть у вас всех будет такая же сильная любовь!

Держа Фросю за руки и прямо глядя на нее, не давая ей возможности потупиться или отвести взгляд, она запела с такой страстностью, что у Фроси перехватило в горле и она затаилась, как пойманная пташка, только глаза, огромные, светящиеся, выдавали ее живой сердечный трепет.

Буря аплодисментов и одобрительные крики: «Браво! Молодец! Здорово! Спа-си-бо!» — были ответом взволнованных слушателей.

— У нашей черноглазой Фроси в прошлом году зарубили в станице Изобильной отца, красногвардейца-железнодорожника, — обратился к бойцам Акулов. — Он погиб вместе с отрядом Цвиллинга, который казаки заманили в засаду. А 13 мая, в тяжкий для Оренбурга день, смертью героя погиб под Донгузской ее брат, юный большевик Митя Наследов. Она тоже большевичка. Два других ее брата дерутся на Актюбинском направлении в легендарном теперь 277-м Орском рабочем полку, разбившем в апреле на реке Салмыш колчаковский корпус генерала Бакича. Мать — повар походной кухни и санитарка в госпитале. О муже Фроси, Несторе Шеломинцеве, вам сказала товарищ Рогнеда Чанышева. Вот такие у нас в Оренбурге семьи рабочих! Все без остатка отдают фронту для защиты Советской власти!

В ответ на площади грянуло «ура-а!».

И в заключение необыкновенного концерта Рогнеда спела величавую пролетарскую песню:

Слезами залит мир безбрежный...

Да так спела, что каждый красноармеец почувствовал себя защитником этого мира, омраченного слезами и горем.

— Как прекрасно все получилось! Такую боевую зарядку дали красноармейцам, — по-юношески радовался Зиновьев. — И вы так хорошо пришлись к выступлению, — добавил он, обращаясь к Фросе.

— Я-то тут при чем? Я нечаянно попала. Но Ивану Алексеевичу спасибо за то, как он сказал о нашей семье.

— Агитатору все кстати! — озорновато заметил Акулов, очень довольный и митингом и концертом.

В помещении театра, куда Рогнеда попросила зайти с нею Фросю, было темновато, прохладно. Ряды пустых кресел в зрительном зале напомнили Фросе о том нетерпеливом, оживленном ожидании, когда будто ветер проходил над головами сотен людей. Сегодняшнее пение Рогнеды на красноармейском митинге раскрыло Фросе всю силу и власть таланта. Настоящее искусство, думала Фрося, существует не только для того, чтобы доставить радость людям. Оно очищает, облагораживает их, зовет к подвигу.

— Какая ты замечательная женщина, Рогнеда! — сказала Фрося, когда они вошли за кулисами в гримерную комнату, где были отделены занавесками два угла для переодевания артистов.

— На этой неделе собираемся провести субботник, — нарочито буднично сообщила Рогнеда, отводя этим похвалу Фроси: ей не хотелось после пережитого душевного волнения приписывать бурный успех проведенного концерта только своим личным качествам.

— Ты не поняла, Рогнеда! При чем тут субботник? — не обижаясь и не смущаясь, возразила Фрося. — Я не о том, какая ты красивая и какой у тебя голос... Ты нас всегда удивляла своей простотой, тягой к рабочим людям...

— Сейчас мы с тобой попьем чайку, пока соберутся наши артисты, — сказала Рогнеда, доставая чашки. — Мы хотим попробовать поставить отрывки из «Кармен». Большее нам еще не под силу. Но мы не хотим сидеть и ждать сложа руки.

Фрося взяла чайник, спустилась со сцены и пошла в буфет, все раздумывая над словами Рогнеды. Может быть, она и права, избегая разговоров о том, что являлось главным содержанием ее жизни. Но Фросе-то слишком дорого было сделанное важное для нее открытие...

Когда она вернулась, артисты и музыканты уже начали собираться в зале, а Рогнеда, уютно устроясь на диванчике, так и не сняв свое белое платье, успела уснуть, закрывшись до глаз пушистой тончайшей вязью оренбургского платка.

Стараясь не звякать посудой, Фрося расставила чашки, отрезала два тоненьких ломтика хлеба, сыра и подошла к Рогнеде. Тут что-то странное привлекло взгляд Фроси:

край пуховой шали на спящей Рогнеде вдруг странно зашевелился сбоку, будто мышь под него подлезла. Да, что-то темное шевелилось на груди неслышно спавшей женщины, и снова приподнялся ажурный край тонко вывязанного платка, и вдруг змеисто заскользила из-под него красная полоса...

— Кровь! Кровь! — отчаянно закричала Фрося, снова, как после гибели Мити, потемнело у нее в глазах, и она упала, потеряв сознание.

* * *

На столе, накрытом красным сукном, стоял гроб, утопая в цветах. Много оренбуржцев пришло проститься с Рогнедой, и музыка все время играла, надрывая душу, особенно скрипки... Виричы ребятишки ревмя ревели, не слушая никаких уговоров. А Вира и Фрося стояли молча, прибитые горем, не хватало уже сил плакать.

Кто убил? Толпа оренбуржцев, ворвавшихся в театр, обыскала закоулки большого здания, передвинула все декорации и где-то за трубами на чердаке нашла и вытащила на улицу здоровенного детину в купеческой поддевке. Он разыгрывал из себя дурачка, клялся и божился, что спьяну залез на чердак, а Рогнеду и в глаза не видел, пока Харитина не признала в нем того казака, что приносил зимой письмо от Дутова.

Взятый в кольцо красноармейцев, он прятался от народа.

— На кого ты посягнул, гад? — сказал Александр Коростелев. — Какую радость для людей уничтожил!

23

Белоказачий конный корпус генерала Савельева держал Уральск в тугом кольце осады, препятствуя гарнизону делать вылазки за фуражом и продовольствием. И все-таки Иван Плясунков, не давая противнику сунуть нос на свою территорию, умудрялся устраивать лихие ночные налеты на зазевавшихся белоказаков, которые были и сыты, и пьяны, и нос в табаке, и иной раз крепко платились за ротозейство. А осажденным каждый воз фуража, продуктов или боеприпасов как глоток свежего воздуха. Но о сдаче лютому врагу красные бойцы и не

помышляли, тем более что коммунисты так же, как в Оренбурге, были застрельщиками во всех оборонных делах, а Иван Плясунков умел поднять настроение гарнизона. Он верил в Чапаева и ждал: вот-вот зашумят на подступах к городу его прославленные бригады, закипят бои, и где тут устоять генералу Савельеву перед натиском таких орлов, как Чапаев, Кутяков, Потапов?!

* * *

Чапаев, похудевший в постоянном напряжении боев и походов и как будто еще помолодевший, был поставлен теперь перед новой трудной задачей борьбы с партизанскими казачьими отрядами. Продвигаясь с боями вперед, приходилось остерегаться нападений и с флангов и с тыла. А тут еще жара наступила среднеазиатская: беспощадная в голой степи, где шелестели побуревшие волны житняка, типчака, кияка и серебряных ковылей.

— Бывал ты здесь раньше, Нестор Григорьевич? — спросил Чапаев на привале, гоняя в ладонях обугленную в костре картошку.

— Приходилось. Зимой во время подледного лова приезжали с отцом за рыбкой. Осетрищев пудовых, снулых, прямо из проруби, на льду покупали... — Нестор разломил горячую картофелину, посыпал сольцой по серебристому излому и стал есть, не снимая крепко подрумяненную кожуру, пачкая сажей шелковые усы.

Чапай присел на чурбак, отведя в сторону шашку, и принялся за картошку.

— Вкусна, матушка! Видно, в хорошем подполье зимовала. Один запах чего стоит. Сразу мальчонком себя чувствуешь. А вы с батей в достатке жили?

— Ну как же, станичный богатей, есаул. — Нестор усмехнулся.

— Двумя эскадронами будешь заходить отсюда к устью Чагана, третий в резерве и для охраны тыла, — поставил Чапаев задачу Нестору. — Из пойменного леса только и жди засады либо окружения. По флангу крепко держи связь с Кутяковым. Приказ — взять Уральск 15 июля, возьмем раньше, пока не вымерла братва Плясункова с голоду. — Почти не коснувшись стремени, взлетел в седло и вместе с ординарцами поскакал в бригаду Потапова.

Бои за город разыгрались упорные, ожесточенные.

Плясунков, получив указания Чапаева, мигом оценил обстановку и повел часть своих бойцов, оставив заслоны в Уральске, в обход, вниз по берегу, чтобы отрезать белоказакам отход к пойме.

Откуда силы взялись, хоть и трудно пешим бойцам было против кавалерии на свежих сытых конях, но решили занять с тремя пулеметами опустевшие окопы среди густой поросли, привязав десятка два ребрастых коней, уцелевших от забоя, средь высокой травы. И не прогадали. Белоказаки, потесненные бригадами Чапаева и дивизионом Нестора, нарвавшись на пулеметный огонь там, где его никак не ожидали, растерялись, метнулись обратно и с большими потерями потекли в степь.

Сигналы победных горнов подгоняли, подхлестывали их в спины, а возле Уральска и на улицах города творилось что-то невообразимое. Измученные трехмесячной осадой бойцы Плясункова обнимались с бойцами Чапаева, разводили на мостовой костры, уже в открытую тащили ведра с водой с Урала, прибывшие обозники кипятили чай, варили кашу с салом, запах щей с бараниной сводил судорогой челюсти изголодавшихся красноармейцев. Гармошки, откуда-то взявшиеся, завели веселый перепляс, и статные уральские девчата и молодые солдатки веселой пестрядью летних платьев расцветили сборища бойцов. Вышли на улицы и обыватели, довольные тем, что никто не зарился на их жизнь и собственность.

— Да-а, отощали вы тут изрядно. — Чапаев пощупал бока комбрига, засмеялся. — Ребра торчат, как у старого мерина. Ну, ничего, были бы кости... Зато я привез тебе привет от Михаила Васильевича Фрунзе. Он сказал: «Не зря я поверил в Плясункова. Не ошибся».

Глаза Ивана по-юношески вспыхнули, на скуластом от худобы лице появилось подобие румянца.

— Вот я и говорил бойцам на митингах... Ты уж, Василий Иванович, поблагодари их хорошенько.

— Пусть сначала пожуют, наша братва отдохнет, почистится, тогда и митинг устроим.

Подошли Кутяков с Потаповым и тоже стали радостно обнимать и ощупывать Плясункова, любовно подшучивая над его худобой. И все время около них толпились красноармейцы и горожане. С Чапаева глаз не сводили, а он, легкий в движениях, как-то по-особенному лихо красивый, весь подтянутый, стройный, «будто меч вострый», как сказал о нем домоседный сивый казак-уралец, был ве-

сел, отменно шутил, одаряя бойцов и девок белозубой улыбкой.

Наехали вскоре крестьяне из окрестных иногородних сел, привезли картошки, муки, сала и тоже табунками ходили за Чапаевым и его комбригами.

— Как ты, Василий Иваныч, совсем теперича прогнал энтих зловредных казачишков? Не возвернутся они? — спрашивали Чапаева седобородые деды, на правах старшинства вступавшие в разговоры со знаменитым начдивом.

— Теперь уж не вернутся. Если не попросят прощения и мировой, будем гнать их аж в Каспийское море.

24

Пехота кутяковской бригады лежала в окопах в стороне от Урала, прикрывая после взятия Лбищенска левый фланг Чапаева, кавалерийский полк и дивизион Нестора были рассредоточены в степи по сухим балкам и тростниковым зарослям пересыхающих мелких озер.

Отчего знаменитую дивизию словно ураганом разметало в знойной степи — этого и сам Чапаев не мог в толк взять. Будто нарочно кто-то спутал его карты. Напрасно он добивался объединения дивизии в одно целое: в штабе 4-й армии, командарма которой Авксентьевского Фрунзе взял своим заместителем в Туркестан, остались глухи к его требованиям. Хуже всего было то, что сам Фрунзе находился далеко: то в Туркестане, то в Симбирске, то вместе с Куйбышевым в Астрахани у Кирова, в подчиненной Туркфронту астраханской группе войск.

Оставшись со своим штабом в Лбищенске с охраной курсантов дивизионной школы в 300 человек, Чапаев не имел четко поставленной военной задачи, дивизия его растянулась по фронту на 250 верст, и разобщенные части ее не имели между собою даже телефонной связи. Можно представить состояние стремительного начдива, вынужденного томиться в бездействии, когда кругом на фронтах шли такие жаркие сражения.

Вместо с нетерпением ожидаемых патронов пришел приказ наступать на станицу Сахарную и вниз по Уралу на Калмыковск. Штаб дивизии оставался в Лбищенске, отсюда можно было по прямому проводу говорить с Реввоенсоветом в Самаре, со штабами фронта и 4-й армии.

Выполняя приказ, двинули на Сахарную 2-ю бригаду правофланговой группы. Командовал там Зубарев, оказавшийся предателем: действовал он нарочито плохо, поставив под удар приданную 1-ю бригаду 50-й дивизии, где находились Чапаев и комиссар Батурин. Бригада понесла потери, Чапаеву и Батурину пришлось драться как рядовым. Сказался недостаток боеприпасов: белоказаки захватили обоз бригады и часть политотдела Иваново-Вознесенского полка. Несмотря на потери, бригада Чапаева взяла Сахарную. Но в пути по безводной степи в 30-градусную жару начались заболевания тифом и желтухой, много больных оказалось и в бригадах. Прослышали: свалился в тифу Потапов — могучий, бесстрашный комбриг. Лекарства, после того как белые захватили обоз, не было. И больные и раненые оказались в тяжелейшем положении. Остро переживал Чапаев гибель храбрецов из Иваново-Вознесенска, будто ощущал укоряющие взгляды Фрунзе и Фурманова. Да и на Батурина жалко было смотреть: так он был расстроен утратой старых друзей. Чапаев снял Зубарева, заменив его Кутяковым, но тот вскоре заболел тифом, Чапаев снова требовал собрать дивизию в кулак, говоря, что группы могут разбить поодиночке. Но в штабе закусили удила: «Преследуйте отступающего врага».

— Я сам буду отступать потому, что не имею патронов, — взорвался Чапаев. — Солдаты раздеты и разуты, у половины из них ноги обмотаны тряпками. Тиф начался. При таком положении не стыдно отступить. Если вы не наладите снабжение дивизии, я слагаю с себя обязанности начдива.

Тогда Чапаева обвинили в паникерстве и даже трусости.

Истощив все доводы, доведенный до крайности наглостью штабистов, Чапаев решил обратиться к Фрунзе, но его в Самаре не было: Туркармия взяла Актюбинск и готовилась к окружению южной армии Белова. К прямому проводу подошел Куйбышев; он обещал Чапаеву разобраться и сразу связался со штабом 4-й армии. Там ответили, что меры будут приняты в срочном порядке.

Тут же позвонил Фрунзе из Актюбинска и предложил Куйбышеву немедленно возвратиться в Астрахань.

— Я приеду в первых числах сентября. Пора переходить в наступление на Царицынском направлении.

25

Огромные полчища генерала Белова, утратившие построение регулярных войск, сбились шумными таборами по берегам Илека, в Актюбинске и в песках за ним возле Оренбургско-Ташкентской дороги. В них около 50 тысяч человек — всех родов войск с обозами, походными госпиталями, штабами и, конечно, контрразведкой. Но теперь они сами находились под незримым, но неусыпным наблюдением работников местного большевистского подполья. Большевики, два года оборонявшие Актюбинск, засылали теперь своих агитаторов к колчаковцам. Бесстрашно выполняя партийное поручение, они поднимали возмущение против белого офицерства. Агитаторов хватали, зверски пытали, подвергали изощренным мучительным казням, но на их место приходили другие, приносили большевистские листовки, воззвания Советской власти к казакам о мире, об амнистии при добровольной сдаче в плен; дисциплина в генеральском войске все падала. Начинался настоящий разброд. Торопя события, Белов приказал начать отход в сторону Аральска, а затем в Красноводск, но Фрунзе отрезал этот путь войсками Туркестанской республики, брошенными на Актюбинск из Ташкента. Одновременно с севера, от Орска и Оренбурга, вели окружение части 1-й армии Зиновьева и 31-я дивизия, в которую входили Орский полк Михаила Юлина, переформированный в 1-ю бригаду, Интернациональный отряд и Орский кавалерийский полк.

Сколько тут было радостных встреч!

Вот загоревший дочерна, сухопарый от худобы командир в кожаной тужурке с маузером на боку подступает к усатому «запорожцу» Михаилу Миновичу Краснощекову, берет его за мощные плечи и, смеясь, целует в заострившиеся скулы:

— Здорово, батька! Или не узнаешь? А помнишь, как вы с Иваном Клевцовым и Султаном Жантуаровым выхватили меня из лап белоказаков? Когда они набег устроили в Оренбурге...

— Алибий! Друг! — обнимает Джангильдина Михаил Минович.

* * *

Беспорядочно отходя из Актюбинска, громадная армия Белова под непрерывным огнем окружающих ее частей

Красной Армии застряла в приаральских песках за селом Ровным. Упавшие духом на безводье и страшной жаре, никому не веря и ни на что не надеясь, колчаковские солдаты не хотели двигаться дальше. Но и оставаться на месте было невыносимо. Начались стихийные бунты. Да еще тиф стал косить солдат. Понимая безвыходность положения, Белов согласился на капитуляцию, когда 13 сентября, замкнув кольцо окружения, части Красной Армии соединились на станции Мугоджары под Актюбинском. Сам он, не ожидая прихода красных командиров, переоделся и сбежал в неизвестном направлении.

Принять пленных поручили 1-й оренбургской бригаде, командиром которой после Салмыша назначили Михаила Юлина; командиром же Орского Краснознаменного полка поставили Михаила Масютина. 216-й полк получил номер 433, 217-й — 434, а 277-й — 435. Комиссар Михаил Терехов и Михаил Юлин со своими бойцами двинулись к штабу беловской армии. Но шли красноармейцы невесело, угрюмые ехали кавалеристы и разведчики: радость победы была омрачена полученным страшным известием — в ночь на 5 сентября уральские белоказаки сделали налет на штаб 25-й дивизии в Лбищенске. Убит Чапаев.

В Орском кавалерийском полку, принимавшем участие в чапаевском походе на Уфу, плакали на митинге и рядовые конники, и командиры:

— Направьте нас в Чапаевскую дивизию против уральского казачества! Отомстим за смерть нашего дорогого Чапая! — просили они.

Отправки на Уральский фронт потребовали и орские бойцы и командиры на митинге 1-й бригады: всех потрясло обращение Реввоенсовета Туркфронта:

«Пусть не смущает вас ничтожный успех врага, сумевшего налетом кавалерии расстроить тыл славной 25-й дивизии и вынудить ее части отойти несколько к северу. Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 25-й дивизии тов. Чапаева и ее военного комиссара тов. Батурина.

Они пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа.

В увековечение славной памяти героя 25-й дивизии тов. Чапаева Реввоенсовет Туркфронта постановил: 1. Присвоить 25-й дивизии наименование «Дивизия имени

Чапаева». 2. Переименовать родину начдива Чапаева город Балаково в город Чапаев.

Вечная слава погибшим борцам! Мщение и смерть врагам трудового народа!

Командующий Туркфронтом — Фрунзе».

Командиром Чапаевской дивизии назначили Ивана Семеновича Кутякова.

Просьба бойцов и командиров 1-й бригады была уважена, а пока они шли принимать пленных беловцев, зная, что после этого спешно двинутся на Уральский фронт. Были с ними любимые командиры Юлин и Терехов, получившие опять новые назначения в 49-ю дивизию *, и бывшие комбаты Орского полка Шалин, Масютин и Березовский.

* * *

Разоружили всех колчаковцев, а потрепанный 1-й армией 2-й казачий корпус, где находился Дутов, ушел опять в Тургай, оттуда в Семиречье, а соединения 1-го корпуса, осаждавшие Оренбург с юга, уходили в сторону Уральска и Гурьева, рассчитывая попасть к Деникину, или крутились в казахской степи в ожидании лютой зимы и желательных для них перемен на фронте. Но для многих было ясно, что эти ожидания несбыточны.

Был обнародован приказ Фрунзе об устройстве оренбургского казачества в связи с переходом на сторону Красной Армии войсковых казачьих частей, входивших в южную группу противника. Приказывалось принять срочные меры вместе с центральными и местными властями к замене, за выделением автономной Башкирии, существующих ревкомов постоянными органами власти, избранными местным трудовым населением в соответствии с Конституцией РСФСР. Было сказано и о полном прощении как пленных казаков, так и перешедших добровольно на сторону Красной Армии. Амнистия распространяется и на тех казаков с их командным составом, которые продолжали сражаться в рядах противника, если они добровольно прекратят враждебные действия.

— Ну, до этих-то наше доброе слово не сразу дойдет, — говорил Харитон в тесной теплушке поезда. — А насчет выборов власти местным населением здорово. Хорошо сказано и о том, что наша Советская власть

---

* 49-я дивизия сформирована 1 июня из частей Особой дивизии и группы обороны Оренбурга.

не будет вмешиваться в земельные и бытовые дела трудового казачьего населения.

— Правильно, нехай сами восстанавливают, что порушили, и не пускают новые банды в Оренбургский край, — возгласил Кривошея, завладевший уже зачитанной газетой. — Ведь средства общегосударственные обещали дать, чтобы восстановить разрушенное хозяйство у казачьего населения и в губерниях. Надо же обеспечить самый большой посев весной.

— Где только денег взять, — возражал Харитон. — Сказано, чтоб восстанавливали сами. Ну и пусть их, коли разрушить сумели. А то вот еще возмещать всем воевавшим казакам и ихним командирам, у которых были отобраны лошади и конское снаряжение...

Кривошея пошарил глазами по газетной странице, отчеркнул ногтем нужное место: «Немедленно уплатить за каждую лошадь по 6000 рублей и за каждый седельный убор по 1000 рублей».

— Вот это уж зря! Платить им столько! Сами нарывались! — зашумели голоса в теплушке. — Пускай нам платят за все наши потери!

— Ничего, товарищи, главное, чтобы не было обратного хода колчакам и дутовым, — сказал комиссар батальона. — Казачки теперь навоевались досыта, пускай потрудятся на земле.

Вскоре бойцы 1-й бригады, отправленные на Уральский фронт, высадились из эшелонов в Соль-Илецке и по разбитому тракту, по широко наезженным проселкам двинулись вдоль поймы Илека на юго-запад. Кончились места, крепко запомнившиеся Харитону по прошлогодним боям. Железная дорога на Оренбург, к станциям Мертвые Соли и Донгузской, осталась правее, уходя на север, а бригада, намного увеличившаяся в составе за счет «отфильтрованных» колчаковцев, ступала теперь по исконным казачьим владениям.

— С той стороны Мертвые Соли, а тут станица Мертвецовка! — удивлялись красноармейцы. — Побратались казаки со смертью, и не тошно жить под такими вывесками!

Подошли к Изобильной. Харитону крепко запомнилось, как в 17-м году он с Митей и Костей ходили в эту станицу, искали Фросю.

Из шеломинского гнезда вылетела вместе с Фросей, навсегда связав свою судьбу с Оренбургом, другая милая

пташка — Харитина... Не пришлось Харитону встретиться с ней в первый приезд в Изобильную. А она была там, в том же дворе, легонькая, быстрая, со светлыми завитками пышных мягких волос и теплыми, ясно-карими глазами. Даже сердцу больно становится, когда глянешь в эти глаза!

Веет ветер знойный из поймы Илека, несет свежее разогретое дыхание чистой реки, тополевого леса и скошенных по второму укосу пойменных трав. А над береговым голым бугром выдвигаются сотнями солнц горящие стекла окон. Это здесь было страшное побоище в прошлом году, где с отрядом Цвиллинга погиб и слесарь-железнодорожник Ефим Наследов — добрый отец дружной нахаловской семьи. И опять сжимаются кулаки Харитона, трудно дышать от подступившей ненависти.

А над бугром, где красуется станица, и над чистой степной рекой, и над широко раскинувшейся ее поймой с блестящими зеркалами озер и стариц, с городьбой «кард» среди тополей и осокорей, вовсю разгулялось солнце.

В золотом его сиянии струятся в голубизну раскаленного неба тончайшие облачка — испарения пойменной влажной свежести, и кажется измученному беспрерывными боями Харитону, бежит по-над берегом Илека тоненькая босая девушка с распущенными золотистыми волосами. Это его Харитина бежит, отделяется от страшной здешней земли, политой кровью, извечно орошавшейся потом и слезами закабаленных белых и желтых рабов. «Ведь сама ушла отсюда!» — проносится потрясающе счастливое в душе Харитона.

— Ты чего, Харитоша, уснул? Кого ты ловишь? — крикнул всевидящий Чоба. — Ходу, братва: сигнал — трубят к привалу.

26

После ночлега в станице Буранное, вдруг окруженной ночью белоказаками, которых красноармейцы рассеяли с большими для них потерями контратакой и огнем пулеметов, бригада направилась по песчаной безлесной местности на юго-запад к левобережью Урала.

— Форменная пустыня. Надо же было столько места голимым песком засыпать! — опять ворчал Чоба, не перестававший удивляться расточительству азиатской при-

роды. — Все ковыль да колючка, нет того, чтобы при таком тепле что-нибудь доброе для людей выросло!

Изредка попадались украинские села с белыми мазанками, с тяжелыми шапками подсолнухов на бахчах и огородах. Народ в них был напуган набегами казаков, которые угоняли скот, подчистую выгребали муку и зерно из сусеков на корм своим лошадям, а то и просто сжигали, чтобы не доставалось красным.

Женщины и старики в этих селах приносили красноармейцам молоко, белокорые, сахаристые в изломе сладкие арбузы, душистый, выпеченный на поду пшеничный хлеб грубого помола.

— А где ваши мужики? — спрашивали красноармейцы.

— Мобилизованы в Красную Армию, за то на нас большое гонение было. Кто под Саратовом в 4-й армии, кто после Уральска под Уфу попал, а ныне в Сибири с Колчаком воюют.

— Колчак теперь и из Сибири драпает. На Дальний Восток торопится, к своим хозяевам — американцам да англичанам.

Около степной речки Чингирлау бригада с боем заняла крупный аул Чингирлау у насыпи разрушенной железной дороги. Два-три разбитых артиллерией пустовавших кирпичных здания и на счастье целехонький бетонированный «казенный» колодец с чистой водой.

Здесь белые, которых потеснили в Буранном, получив подкрепление из ставки казахского хана в Джамбейте, где находился генерал Толстов, снова окружили бригаду. Этот бой на открытой местности был очень тяжелым и длился четверо суток. Спасала только железнодорожная насыпь.

В штабе бригады и в штабах полков дивизии крепенько обдумывали план прорыва сабельной и штыковой атаками, продумали, как вернее расставить пулеметы. Белоказаки, прислушиваясь к тишине в лагере красных, решили, что они беспечно отдыхают, и, применив полюбившийся им метод налета, как в Лбищенске, с гиком ринулись со всех сторон, но нарвались на круговую, хорошо поставленную оборону с удачно выбранными пулеметными точками.

Потери их оказались так велики, что они покатились обратно в степь, а орчане и оренбуржцы преследовали их, косили пулеметным огнем. Очень сожалели, что не с

ними пошел Орский кавалерийский полк, а направили его в глубь Туркестана — добивать белые банды.

Жестокие бои вела на реке Урале и Чапаевская дивизия — сосед бригады. Теперь бригаду возглавил Березовский, уже третий комбат Орского полка. Харитон с нетерпением ждал, когда выровняется длинная линия фронта. Встретиться бы с чапаевцами, с Нестором и вместе погнать белых на юг.

* * *

Взяв с обозной телеги большой узел с вещами Нестора, посланными его матерью, Харитон приторочил его к седлу, поправил за плечом винтовку.

— Балуй, чертяка! — пожурил ласково коня, довольный тем, что успели вчера захватить еще не сожженные в степи стога: лошади сыты, и у кавалеристов душа на месте.

Маленький отряд разведчиков Харитона был снаряжен для связи в соседнюю бригаду дивизии Чапаева: вместе должны были штурмовать ханскую крепость Джамбейту — столицу казахского губернатора, подчинявшегося только уральскому войсковому правительству; от нее до Уральска, занятого теперь Красной Армией, сто пятьдесят верст. Крепость сильно укреплена, там, среди казахских владетельных баев, находился и генерал Толстов — командующий Уральским корпусом, и генерал Савельев, чье воинство было разбито Чапаевым.

Переехав по строго охраняемому наплавному мосту на правый берег Урала, Харитон направился со своими конниками к штабу дивизии, отмечая попутно все приметы подготовки к наступлению.

Выполнив задание и получив план дальнейших совместных действий, он спросил:

— Где тут у вас находится комэск Нестор Шеломинцев?

— Он еще под Уфой получил должность командира дивизиона и будет штурмовать теперь Джамбейту, прикрывая ваш правый фланг.

— Но где мне найти Шеломинцева? Мне надо передать ему посылку от матери и привет от жены.

Комиссар дивизии одобрительно улыбнулся, кликнул вестового и приказал ему провести разведчика к Нестору. Ведя в поводу оседланного скакуна, Харитон пробирался

за молодым красноармейцем то вдоль ходов сообщения, то окраиной укрепленной станицы, на ходу продумывал, как он будет объясняться с мужем Фроси, которого так долго и горячо ненавидел, а теперь должен считать близким человеком.

— Вот здесь! — вестовой кивнул на крытый ток с сушилом для снопов — доски с потолка и тес со стен пошли, должно быть, для настила моста.

* * *

— Ну, здравствуй, Нестор... Григорьич! — сказал Харитон неожиданно дрогнувшим голосом.

Тот посмотрел приветливо, не понял, кто к нему пришел, улыбнулся открыто, молодо, расположенный застенчивостью статного командира роты.

— Я брат Фроси, — пояснил, как уронил Харитон.— Привет тебе от нее...

И Нестор порывисто схватил его за руки:

— Спасибо! Спасибо за то, что пришел. Я теперь вспомнил — три раза нарывался в Нахаловке на тебя, еще совсем молодого да раннего. Ох и ненавидел ты казаков!..

— А не помнишь, как в четвертый раз нарвался? — понизив голос, спросил Харитон, всматриваясь в черты Нестора, вслушиваясь в живой звук его голоса.

— В четвертый? Нет, что-то не помню...

— Ты был у Софьи Кондрашевой. Она тебя обнимала, на коленки перед тобой падала, и я решил, что вы с ней в ладу, а Фрося наша так — сбоку припека.

— Надо же! Я к Софье за тем и приходил, что Фросю искал. Сказали мне девочки, будто она работала у Кондрашевых. А Софья... Она всегда ко мне липла, прямо бессовестно.

— Кто знал! Мне разбираться было некогда, да еще вдруг наскочил на вас у выхода в сад. Софья — в крик. А мне пули от тебя ждать было не к чему. Вот я и поторопился...

— Значит, это ты меня уложил на два месяца?.. — По лицу Нестора прошла тень. — Спасибо, чуть в сторону от сердца попал и насквозь пробил. Твердая у тебя рука: не пришлось хирургу ковыряться — доставать пулю. Но что ни делается — к лучшему: могли бы срезать при переходе через линию Актюбинского фронта. А тут

поневоле попал в Изобильную, встретился с краснохолмцами, с которыми против Дутова выступал, и так удачно мы все вместе ушли к Чапаеву.

— Я ведь тоже был недавно в Изобильной. Мы от Актюбинска к Чингирлау через ваши станицы шли. Заглянули и к вам во двор. Твоя маманя сама показала, где оружие было спрятано. Тайник с хлебом открыла.

— Она хорошая. — Лицо Нестора смягчилось доброй улыбкой. — Я, признаться, не ожидал, что она против отца пойдет: такая молчаливая, сдержанная, но, видно, не зря говорится: капля камень точит.

* * *

Снегу за сутки навалило — бросай телеги, а без обозов армия не пойдет. Срочно делали волокуши. Трудно конникам, а пехота-матушка бредет — месит по уброду с полной походной нагрузкой. И среди белизны бежит себе, чернея в берегах, бурная Оленга, сбегающая с ближних холмов. Оттого, что морозно, пар-туман над нею, и это на руку бойцам бригады: хоть ночь и темная, а за таким прикрытием совсем не видно их с насыпного вала крепости, расположенной за речкой. Разведчики накануне наступления высмотрели в бинокли жерла крепостных пушек в бойницах стен и вала, дула станковых пулеметов. Поэтому для отвода глаз подтащили и оставили «перед лбом» Джамбейты так, чтобы не разглядели оттуда, в чем дело, десятка четыре фургонов. Будто застряли в снегу. Теперь отыскать бы брод на Оленге...

В степи по ночам появляются в тылу наступающих красноармейцев ханские джигиты, одетые в рваные бешметы, с винтовочными обрезами и полными подсумками патронов. Если удастся — нападают на небольшие обозы частей Красной Армии, идущие к линии фронта, а если сами попадут в окружение, летят в снег оружие, патроны и начинается комедия: прикидываются ничего не понимающими бедняками, пастухами байских стад.

Недалеко от речки задержали трех таких «джигитов». Сразу — «бельмей», «бай яман», «совет якши», но строевые кони, военные седла, сытые лица конников военного возраста выдали их. Допрашивал комбат Ванеев, протокол вел Федор Кривошея. От шпионов требовали указать брод через Оленту поближе к крепости.

Время не ждет. Люди мерзнут. День клонится к вече-

ру. Далеко гремят орудийные выстрелы — это 434-й полк отвлекает внимание неприятеля, но снаряды не долетают. И еще позади целый день грохотало: из Джамбейты обстреливали брошенные в снегу фургоны. Туманно от реки, и Орская стрелковая бригада врагом не замечена. Подходит дивизион Нестора. Прорисовываются в молочной мгле дивизионы и полки бывшей кутяковской бригады. А «джигиты» все еще хитрят, изворачиваются. Наконец по рукам. Провожатые ведут красноармейцев возле реки, вниз верст на пятнадцать. Речка здесь широко разлилась, обмелела, заросла тростником. Красноармейцы выламывают плетни и жерди из сараев в кардах ближнего бая (баи здесь у каждого пресного озерка или колодца), стаскивают в ложе реки через ломкие, сухо шуршащие тростники и полегшие заросли саблевидного рогоза. В дело пошли и ненужные по снегу повозки. Сделан настил-лежневка, по нему вскоре переправился первый батальон, а за ним и остальные полки. Окружили Джамбейту с тыла и с флангов, а лобовую атаку предоставили пустым уже, разбитым фургонам. Дружно двинулись в ночном бою, и пошатнулась твердыня казахской контрреволюции — ханская ставка Джамбейта. Правда, хан и генералы сбежали, может быть, через запасные подземные выходы, но красноармейцам было не до них. Скорей бросились к тюрьме, освободили полуживых товарищей и особенно порадовались встрече с начальником штаба бригады Березовского Щербининым. Он тоже был еле жив, а радиста Ивана Герасименко, отказавшегося работать на белых, сразу замучили и убили.

27

После взятия в плен под Мугоджарами огромной армии генерала Белова путь в Туркестан был открыт. Фрунзе и Фурманов радовались победе еще и потому, что их родной текстильный край будет теперь обеспечен хлопком — сырьем для производства бумажных тканей, в которых так нуждалась страна.

— Только подумаю — и замельтешат в глазах цветные узоры наших знаменитых ивановских ситцев. Деревня-то раздета, и рабочий класс в городах в отрепьях ходит, — говорил Фрунзе, поглядывая в окно вагона на унылую голую степь, уже припорошенную первым снегом. — Теперь будем набирать темпы по развитию промышлен-

ности. Сейчас путь к нефти открыт через Туркестан к Мангышлаку. Пока добьемся победы над Деникиным, пойдет нефть этим путем...

Фурманов ехал в Самару, чтобы сдать дела начальника политотдела Южной группы и отправиться по поручению Фрунзе в далекое Семиречье.

В Оренбург они прибыли, когда агитпоезд М. И. Калинина уже стоял на запасном пути станции.

— Мы Калинину доложили о вашем приезде, — сказал Акулов. Разговаривая, подошли к агитпоезду, украшенному флажками и лозунгами. — Вот вагон Михаила Ивановича, он сегодня уже выступал у рабочих на паровозоремонтном. Это ему особенно близко — он ведь сам работал токарем в главных тифлисских железнодорожных мастерских.

Агитпоезд «Октябрьская революция» стоял на запасном пути и походил на маленький городок со своей кипучей жизнью. Вместе с Калининым приехали артисты из разных театров и лекторы, которые выступали в красноармейских частях, цехах заводов, на уличных подмостках и на сценах театров.

Возле вагона Калинина похаживал часовой. У входа дежурный вагоновожатый, заметив Фрунзе и Акулова, сообщил об их приходе военному, стоявшему в тамбуре. Движение за беленькими шторами окон, и навстречу по приставной лесенке спустился Михаил Иванович в накинутом на синюю косоворотку пальто, без фуражки (день разгулялся теплый), с палочкой в руке, издалека приметный рано поседевшей бородкой.

— Привет героям, берущим в полон целые полчища врагов! — Он крепко пожал руки Фрунзе и Фурманову, дружески кивнул Акулову и Коростелеву, с которыми уже встречался. — Ну двигаем к нашему шалашу. У меня тут все время круговращение. Отовсюду народ идет, но для вас я выделил часика два-три. Поговорим. Почаевничаем. — Пристально вгляделся в лицо Фрунзе. — Что-то сдается мне, товарищ командующий, будто встречал я вас прежде.

Фрунзе, улыбаясь, снял фуражку, провел ладонью по упрямому ежику волос:

— Может быть, съезд партии в Стокгольме?.. 1906 год.

В вагонном салоне Калинина все как в боевом штабе: карты фронтов, стол для заседаний со стопками газет и брошюр и подтянутые ординарцы. А дальше за перего-

родкой уютная маленькая столовая, где на столе уже фырчал самовар и было расставлено на тарелках небогатое угощение.

Устроились дружным кружком, и снова сразу разговоры о большой политике, о Ленине, не дающем себе отдыха, об огромных задачах строительства.

* * *

На главной площади Оренбурга состоялся парад. Воинские подразделения, участвовавшие в нем, снова заполнили площадь, а жители города, в первую очередь рабочие, прихлынули к трибуне. Начался митинг. Сначала Калинин сердечно приветствовал войска, а через них — всех бойцов Южной группы Восточного фронта с блестящей победой над врагом, горячо поблагодарил оренбургских рабочих за мужественную оборону города и поздравил их с награждением по ходатайству главнокомандующего всеми вооруженными силами республики Почетным Революционным Знаменем.

Взрыв ликования на площади заглушил музыку сводного духового оркестра.

— Вот как мы! — сказал Акулов, обнимая Калинина. — Спасибо, Михаил Иванович, от нас всех!

— Вам спасибо от ЦК партии и от товарища Ленина,— ответил Калинин, пожимая руки Александра и Георгия Коростелевых, Мартынова, Здобнова, Полякова и других работников губкома и губисполкома. — Вы здесь помогали защищать революцию. Передайте всем рабочим, стоящим у станка, и бывшим красногвардейцам, что мы все время были душой с вами и верили в победу, надеясь на вашу отвагу и непоколебимую стойкость, на ваше самоотверженное долготерпение. Мы знали, что вам нелегко было в этой беспримерной борьбе, и товарищ Ленин не раз ставил вопрос об оказании вам срочной помощи. Вы выстояли, и мы гордимся вами.

Потом Калинин живо и задушевно обратился к красным казакам. Правда, он не удержался от упрека казачеству, поднявшему оружие против трудового народа, и крепко выругал тех, кто, служа Дутову, пытался вернуть царя и прогнивший царский режим. Казаки жадно слушали, поддерживали его громкими криками.

Приступили к награждению. Впервые здесь вручали ордена Красного Знамени.

— Представляем к ордену Красного Знамени командующего Туркестанским фронтом Фрунзе за победы, одержанные над Колчаком, и командира Орского 277-го полка Михаила Юлина. — В общем радостном шуме затерялся голос политработника калининского агитпоезда, зачитывавшего приказ, и он подождал, улыбаясь, пока Калинин вручал орден Фрунзе и начальнику политотдела — для Юлина. Орденов было мало. Зато подарки и грамоты выдавались щедро: многих наградили именными часами и оружием от имени Реввоенсовета.

Фрося вспыхнула, когда объявили о награждении Нестора и вызвали ее получить шашку и наган. Не зная, как себя вести, она прижала оружие к груди, низко поклонилась и вернулась на место, разминувшись с матерью и даже не узнав ее. Кровь так билась в висках, что она не расслышала, как объявили: «Боевому повару полевой кухни — красногвардейке Евдокии Наследовой — именные часы».

Зато дед Арефий чуть не выскочил из тулупа, подпрыгнув от волнения:

— Однако заслужила, Дуняша! Видно, Акулов с Коростелевым замолвили слово Калинину... Мало того, что солдат на фронте кормила, теперича из лазарета не выходит. Да трех сынов, зятя и мужа в строй отдала.

А перед Калининым уже стояла сияющая Харитина, стараясь напустить на себя серьезный вид, закусывала губку беленькими зубами.

— Ты что, казачка, радуешься или насмешечки строишь над получением Почетной грамоты? — с притворной строгостью спросил Михаил Иванович, но заулыбался сам. — Какое доброе сердце имеет товарищ, если сотне ребятишек матерью родной стала и всех от смерти уберегла. Давайте поприветствуем ее! — И тут Харитина в самом деле посерьезнела и звонко крикнула, подняв над головой красиво расписанную грамоту:

— Это для нас всех, кто работает в детдоме!

Зато и рукоплескали ей не меньше, чем Евдокии Наследовой.

В Нахаловку шли все вместе. Дед Арефий нес шашку, а Фрося прятала под полушалком наган и грамоту для Нестора, и ей казалось, что сейчас она увидит его и кончится навсегда эта злая разлука. Наследиха вела под руку сильно похудевшую тетку Палагу, другой рукой держала в кармане пальтушки гладкую луковицу дорогих часов.

Только нажми на крышку, чуть щелкнет, и там сверкающая надпись. Красотища! Но в глазах у старых подруг опять скорбь: горе и радость — все смешалось.

28

К Гурьеву подходили с тяжелыми боями, и погода стояла морозная, вьюжная — мело из степей свирепо. Начдив Кутяков, тоже ознобивший лицо, целыми днями на коне, почти невесомый после перенесенного сыпняка, овевавший людей жаром энергии и лютой ненависти к врагу.

Исхудалые женщины боязливо и покорно посматривали на красного командира, на его словно обуглившееся лицо с резкими, костистыми чертами и горящим взглядом провалившихся в орбитах глаз. Сипло ревели обезголосившие детишки, закутанные в одеяла и грязную лопоть *, кишевшие вшами. Проклятая эта живность не пропадала и на морозе! Среди разного домашнего барахла — полуживые люди и трупы умерших, везомые на погосты. Не было сил ворошить свою поклажу у возниц — женщин и юных девчонок, смахивавших на старух, растерявших свежесть и красу при отступе к морю, бившему с пушечным гулом свинцовыми волнами в глыбы холодных и мертвых, оледенелых берегов.

— Ну и что вы там нашли? — не выдержав угнетающей картины, окликнул Кутяков одну такую возницу.

Она испуганно взметнула заиндевевшими ресницами над озерной синью глаз, застывшей на испитом лице, не разлепив губ стиснутого без кровинки рта, задергала локтями, подгоняя лошадь вожжой, однако усталая кобыла только мотнула отяжелевшей головой, словно отмахнулась от надоевших мучителей.

— День и ночь едем, остановиться боимся — замерзнем, — сказала старуха, показав в кривом оскале черные пеньки зубов.

— Тебя-то, бабка, куда черти носили? — спросил подскакавший Харитон. — Сидела бы уж дома на печи. Никто б на тебя не позарился.

— Где она — печь-то? Все порушили, пожгли.

— Мы у вас ничего не жгли...

— Я не про ваших. Наши-то, наши-то вовсе ума рехнулись. Им-то ладно на конях скакать да пеши — сол-

* **Лопоть** — простая верхняя одежда.

датня одинока, а нам — ручки, ножки у ребятенок, ровно стеклянны палочки, ломаются. Да опять же воши без баньки живых заели. Детишков-то пошто казнили?

— Вот и спрашивайте своих есаулов, пошто они за Толстовым утянулись? Он, генерал-то, захватил награбленное золотишко — и на пароход, а там, гляди уж, за границей. А вашим казакам еще сопли утереть надо, штоб так шиковать.

— Наездились! Теперь, ежели живы доберутся домой, их за околицу калачом не выманишь! — Кутяков хмуро поглядел вслед обозу и обернулся к Харитону: — Что у тебя, Наследов?

— Сообщение насчет нашего Федора Кривошеи...

— Довезли его в Уральск? — спросил Нестор, придержав коня и оглядываясь, — он приехал на совещание штабов, а Кутяков с ординарцами явился туда из соседней бригады.

— Не повезло Федору опять. Ихний верблюд отвязался в дороге, а метель была, и они, трое раненых, кружили двое суток в степи возле Джамбейты. Спаслись тем, что уложили верблюда в снег и возле него грелись, но обморозились. У Федора еще тиф объявился. Все беды зараз.

* * *

Низменная равнина, заметенная снегом. Морозный ветер, обжигающий до слез, несет поземку, клубится белыми вихрями по всей степи.

— Хоть бы не добавляло пока сверху! — сказал Чоба, ожидавший выхода на Каспий, словно возвращения в родной дом. После того как заблудился да еще обморозился раненый Кривошея, Чоба совсем невзлюбил приуральские пустыни.

Снегу навалило везде по колено, и пехота уже поспевала за конницей, потому что кавалеристы, спешась, вели своих скакунов в поводу: оружие, запас фуража, бурка или плащ-палатка — нагрузка и без седока немалая. Так и шли сквозь буран плотной стеной, с надежными заслонами конной разведки, готовые смести на пути все преграды. Пятьдесят верст в сутки по сплошному уброду прошагать нелегко. Мороз все время дает знать о себе — покусывает люто, но надо дотянуть до привала, а там костры в каком-нибудь разрушенном селении, кипяток вместо чая, а то и жидкий супец... С ходу взяли село Бак-

сай, такую же большую пристань на Урале, как Лбищенск, Калмыково и Кулагино. Кругом поставлены караульные разъезды, и наконец-то можно подремать часок-другой вповалку, пока мороз не заставит пошевелиться и попрыгать для согрева. И снова вперед. А там замелькают, как черные птицы, в метельной мгле казачьи разъезды и призывно прокатится сигнал к отражению атаки...

* * *

Бой за Гурьев начался в ночь на 5 января в метельной мгле, словно растаявшей от взрывов артиллерии и ружейно-пулеметного огня. Серый, морозно-жестокий наступил день. Но этого перехода от мглистой наволочи к предательской ясности бойцы и не ощутили в горячке беспрерывных боев. Казаки защищались отчаянно, но именно защищались, не решаясь на активные вылазки, будто выдохлись, потеряв неведомо куда сгинувших своих генералов. А вдали от Гурьева ревело, билось о застывшие, обледенелые берега еще не скованное морозом море. И откуда-то, словно из этой беспокойной морской дали, поднимались и шли в атаку красноармейские цепи. Со всех сторон они наступали, было от чего потерять голову, и осажденные дрогнули: на рассвете выкинули белые флаги, а часть белоказаков прорвалась и, озираясь и отстреливаясь, ускакала на Жилую косу. В этом бою Харитона ранило осколком в ногу.

Нестор, узнав о его ранении, зашел в перевязочную. Губы разведчика вздрагивали, кривились от боли: аптека в городе была опустошена, лекарств среди трофеев тоже не оказалось, и легкораненым не делали местную анестезию. Но Харитон крепился, и пока фельдшер доставал чертов осколок, вороша в глубокой ране то щипцами, то скальпелем, не издал ни единого стона.

Нестор подождал, пока закончится перевязка.

— Домой, в Оренбург, отпустят на побывку...

Харитон согласно кивнул: рвала сердце боль, но победное завершение боев за Гурьев и мысль о скором, хотя бы и на время, свидании с Харитиной радовали, как радовало и то, что сможет с костылем держаться на ногах.

29

Ниже Гурьева в десяти верстах Урал разделяется на два больших рукава: западный — Яицкий и восточ-

ный — Золотой. Судоходным был Золотой. И здесь возле уступов песчано-глинистых берегов виднелись то избушка бакенщика, то затонувшие, вмерзшие в лед лодки у мостков, а там следы рыбацкого становища, хотя рыболовство шло в основном правее в тихих водах Яицкого протока. Среди обширной низменности побережья, покрытого снегом, лишь кое-где курились дымки промыслового поселка, дальше белая пустыня обрывалась берегом моря.

Каспий был скован морозом пока еще только по заберегам. Серые, словно свинцовые, волны вздымались в вихревой круговерти, взметывая разорванные беляки, обрушивались на лед, с хрустом ломали припай за устьем Урала, через который, бросив тяжелые орудия, ушла казацкая конница. Но вода в море у северного берега была неглубока, на реке над «рыбными ямами» стояли вешки, и по окрепшему льду красноармейцы с осторожностью переправились на левый пустынный берег, напротив Гурьева. Теперь они шли главными силами на Жилую косу; остальные — вправо к поселкам за Яицким протоком: надо было очистить от белоказаков все побережье. Уильское укрепление (на реке Урал) должен взять экспедиционный отряд 1-й армии.

Нестор смотрел в сторону Каспия... Сколько раз в тягчайшем из всех походов представлял он себе эту чистую, бушующую стихию... Да, грозен, грозен батюшка Каспий, но увидеть его рвались все бойцы, жаждущие столкнуть врага с многострадальной своей земли. И вот он, буйный, гремит вдалеке пушечными ударами волн.

Нестор подумал с чувством гордости: Урал уже на всем протяжении вольная река! Освобожден и Илек... Нестор представил, как его везли раненого в Изобильную, вспомнил о Харитоне: раньше него попадет свояк в Оренбург. Фрося-то! Фрося! Как обрадуется и ждать будет.

Казаки, сбившиеся, как затравленные волки, в поселке Жилая коса, рьяно готовились к защите. Терять им, кроме опостылевшей жизни, было нечего. Надеяться не на кого. Где-то в бурной морской дали уплывали суда генерала Толстова. Куда они подадутся: в Красноводск или будут прорываться мимо Астрахани к Деникину, или к англичанам в Иран махнут?

Красноармейские отряды: конница и пехота — стягиваются к Жилой косе. С гулом начинают пролетать снаряды от укрепления белых. Наступающие отвечают. Разгорается артиллерийский бой, красноармейцы бросаются

в атаку, и первые раненые пятнают алой кровью снег. В бой был брошен дивизион Нестора, пополненный башкирскими конниками. С фланга налетели кавалеристы кутяковской бригады, но не дрогнули матерые бородачи Толстова... В этом бою молодецкого вида сотник, наскочивший на Чобу, промахнулся, пикой заколов вместо командира лошадь — она завалилась, вырвав древко из дюжих рук. Спешенный Чоба попер на сотника с саблей, не успев сдернуть с плеча винтовку. Ханский джигит с визгом кинулся к нему, нацелясь своей пикой, но подоспевший Нестор поразил его ударом шашки. Теперь Нестор повернул к сотнику.

Тот, легко увернувшись от Чобы, отбил и первый наскок Нестора. Силы оказались равными, звонко скрестились клинки, и всадники закружились. Вот когда пригодилась вся ловкость Нестора, но привыкший к бою конь сотника был мощнее и злее — он хватал и грыз скакуна Нестора, теснил его грудью, норовил укусить и всадника. Нестор не успел перевести дыхание, как другой ханский джигит, ударив сзади пикой, пропорол ему плечо и высадил из седла. Кто-то из своих подхватил его и потащил из круто завязавшейся схватки.

* * *

Впервые Нестор приглядывался к работе в обозе... Бородатые возчики из мобилизованных крестьян, может быть, сроду не державшие оружия в своих огрубелых руках, находятся в самом опасном войсковом тылу. Тут хлеб и фураж для лошадей, походные кухни, запасная одежда, имущество и лекарства полевых госпиталей, здесь беспомощные раненые — они не защитники желанной для белоказаков добычи.

Что стоит тем же разбойникам джигитам налететь на этот лагерь и оставить бойцов и их коней без всякого довольствия? Ладно, если они сегодня же овладеют Жилой косой! А если нет? До Гурьева верст восемьдесят... Где тут охрана? Кто командует отрядом возчиков, ничегошеньки не видящих из-за своих тулупных воротников?

Нестор, придерживая локоть раненой руки, висевшей на перевязи, пошел вдоль обоза. Вот и здешний «штаб»: молоденький командир взвода, пожилой каптенармус, видать, из кадровых солдат, и десятка полтора красноармейцев сидят около дымящейся походной кухни и пьют

чай без заварки, заслонясь от ветра выпряженными верблюдами. Тут же греются кипяточком раненые в ожидании отправки.

Отметив, что обозная охрана находится при оружии и патронташи оттягивают пояса на шинелях и полушубках, Нестор обратился к подскочившему командиру взвода и подтянувшимся красноармейцам:

— Вольно, товарищи! А как у вас насчет дозоров? Бои идут рядом, и тут риск вдвойне.

— У нас трофейный пулемет «льюис» с комплектом набранных лент. Взвод пехоты, вооруженной карабинами, у обозников есть винтовки. Но опытного пулеметчика нет — ушел с бригадой. Мы же тут близко к своим, прямо на подхвате.

— Отрядите караульных с гранатами на случай тревоги в сторону Жилой косы и в степь. Мы ведь тут сидим как в гнезде. Поторопитесь обезопасить лагерь!

Нестор взял кружку с кипятком, но в это время пуля, звякнув, вышибла кружку из его руки.

— Ну, счастлив твой бог! — сказал побледневший каптенармус. — А ведь похоже, братцы, это гостинец от разведчика...

Подтверждая его слова, на бугре, огораживавшем впадину от степи, охнул взрыв гранаты.

— Готовность к бою! — скомандовал Нестор. — Пулемет за мной! — И откуда силы взялись, побежал к высотке, левее места взрыва гранаты.

Красноармейцы и обозники, прикрывая раненых, залегли редкой цепью на подъеме из лощины. Нестор, прикинув радиус обстрела, заметил скачущих к обозу казаков, видимо, удравших из боя, а с ними ханских джигитов с пиками, припал к пулемету. Помощник подставил плечо под раненую руку командира. Нестор стрелял, глядя, как опрокидываются лошади, как слетают с седел седоки в папахах и малахаях, на скаку паливших в подходящих к обозу раненых, далеко приметных белыми повязками в красных пятнах крови.

30

Армия Дутова погрязла в мародерстве и пьянстве, попав в разоренное междоусобицами Семиречье. Степняков поразили высоченные горные хребты со сверкающими снегами на вершинах, казалось, Россия нарочно огоро-

дилась ими от иноземцев. Но почему же пришлось казакам покинуть родные просторы, уйти сюда даже из Тургая, обжитого за два года отступлений...

Сейчас казаки сидели в саду местного кулака.

— Прижали нас к этой стенке, — угрюмо сказал Михаил Шеломинцев. — Зимой здесь пока и не пахнет, вроде у нас в сентябре, а снегу на горах —навалом.

— Он тут, говорят, вечный, значит, сроду так лежит, и жители этим предовольны, — заметил Демид Ведякин, который не смог вырваться из дутовского ополчения после демобилизации и теперь страшно тосковал по дому.

— Какая жителям нужда не то чтобы в прошлогоднем, а в испокон веков лежалом снеге? Да ишо на такой высочине! — лениво огрызнулся Михаил, не очень доверявший Демиду после его попыток избавиться от службы в казачьем войске.

— Здесь, как везде в Туркестане, поливка полей идет по каналам из рек, куда текет ледниковая вода. При здешней жарище все реки пересохли бы без горного льда и снега.

— Ишь ты, какой грамотный агроном! — явно задираясь, кинул Михаил, которого в последнее время все раздражало, протянул шашку, точным ударом отсек половинку большого яблока, одиноко висевшего на ветке среди побурелых листьев, подкинул ее концом клинка, еще рассек пополам и, удовлетворенно хмыкнув, бросил шашку в ножны.

— Заржавеет! — робко вякнул молодой семиреченский казак из нового пополнения.

— У меня не заржавеет — в ночь пойдем киргизцев потрошить, которые с отарами норовят в Китай уйти.

— Много их ушло отсюдова к китаезам! До двадцати тыщ кибиток, сказывают.

— Нехай летят, у нас воздух чище будет, — сказал хозяин усадьбы — богатый кулак-украинец. — Тута всякой твари по паре набилось на хорошие-то земли! Ну, войско казачье, семиреченское, само собой, лучшие да бóльшие наделы имеет. Мы, коренные пахари, тоже, само собой, не обижены: с первоначала переселения. А как быть с киргизами? Ведь они расплодились — жуть и всю землю вытолчили бы со своими кочевками, кабы мы их, само собой, не укрощали.

— Никчемный народ! — небрежно уронил Михаил

Шеломинцев, и тяжело набрякшие руки его беспокойно заелозили по столу, и в огрубелых чертах еще красивого лица появилось тоже хищно-беспокойное выражение.

— С папаней поедете? — поинтересовался вроде равнодушно Демид, опасавшийся ссор с Шеломинцевыми.

— Он за командира! Дутов дал приказ обеспечить войско провиантом, не со своего же брата, семиреченского казака, поборы тянуть!

— Это само собой! — угодливо поддакнул кулак и тоже присел к столу, по-домашнему распоясанный, с расстегнутым воротом вышитой рубахи на толстой, исполосованной резкими морщинами шее; маленькие глазки его плотоядно засветились, словно он уже чуял запах барана, зажаренного на вертеле.

— А ты здесь отсиживаться будешь? — спросил Михаил Ведякина, искоса взглянув на его похудевшее лицо.

— Дак мне фершал ослобождение дал на неделю. После перехода из Тургая возгудели мои последние раны...

— Гляди, и вправду! — вырвалось у Михаила, но он не договорил и, прикрыв враждебный блеск глаз, встал из-за стола. — Нам на сбор пора.

Была бы его воля, он тоже не поехал бы в эти проклятые Семиреки. И красиво здесь, и земля удобная, плодородная, шибко обустроились на ней семиреченские казаки и кулаки-переселенцы, но с пришельцами они не больно ласковы: жмут на них ташкентские красные комиссары, там Советская власть установилась твердо, особенно с приездом Куйбышева, Фрунзе и Фурманова. Войско белоказачьих генералов Дутова, Анненкова, нахлынувшее при отступлении под напором красных, не помощь от Советов, не выручка в местной междоусобице, а пребольшая обуза: кормить надо да еще и поить. Крестьянских иногородних сел, таких, чтобы можно было отдать на разор, маловато. Кулацкие хутора «не трог, не замай»: кулаки — настоящие хозяева края, озлоблять их не годится, а то объединятся с дикой ордой или с казаками здешними, и не сладишь! И выходило по всему, что зря сюда приперлось оренбургское, никому теперь не нужное казачье войско. Но Дутову оно было нужно еще для каких-то будущих целей.

Ночь была мглистая, холодная; казаки ехали молча. Нападение готовилось на мирную стоянку кочевников. Вот вроде дымком пахнуло... Залаяли собаки. Но двуногим вооруженным волкам волкодавы не страшны.

Растекаясь мелкими отрядами, стали окружать раскинутые вдоль бурливой речонки юрты. Многие кочевники уже спали. Гурты овец мирно паслись вокруг, в межгорной котловине. Батраки-чабаны, закрутив ноги калачиком, коротали время у костров, рядом хрумкали травой стреноженные их лошади.

Собаки, учуяв посторонних, налетели с яростным лаем.

Захлопали револьверные выстрелы, послышался отчаянный визг раненых животных. Овцы колыхнулись было серой массой, шарахнулись, но привычно замерли, не разбирая, какие табунщики, пластаясь наметом, обтекали их со всех сторон. Из юрт выбегали полуодетые казахи и тут же падали с раскроенными черепами. Заплакали дети, запричитали женщины. В считанные минуты «сражение» было закончено. Кочевники даже не успели понять, кто на них налетел. Полегли и чабаны, захваченные врасплох.

* * *

Реляцию о ночной богатой добыче сделал Дутову есаул Шеломинцев. Насчет обильного пира и насилий он скромно умолчал, а Дутов хоть и догадывался по рожам казаков о том, что творилось на кочевье, но не расспрашивал. Испокон веков творилось такое, когда завоеватели грабили население. Старух с маленькими детьми казаки отпустили на все четыре стороны, а опозоренных девочек, девушек и женщин закрыли в юртах, приставив сторожей: придется ведь еще наведываться на пастбище — за убоиной, а потом забирать все отары и табуны.

— На днях двинемся в Китай! — сказал Дутов, поместившийся со своей охраной и генералами в одном из лучших домов города. — Вернулись мои гонцы из Кульджи. Китайское командование и представители императорского дома согласились дать нам убежище на любой срок при соблюдении условий договора, в который входит и охрана китайской границы. Последнее я считаю даже необходимым, для сохранения боевой формы наших частей. Снабжением обеспечат, но скромно, так что захваченные отары и табуны надо провести через границу в полной сохранности.

Атаман позвал свою новую фаворитку, рыжеволосую, пышнотелую, накрашенную обывательницу, прихваченную им из Троицка, и приказал налить есаулу чарку

коньяку. Принимая ее из выхоленных ручек «мадам», Григорий Прохорович спросил Дутова:

— А по какой дороге мы пойдем в Кульджу?

31

Поход оказался настоящим испытанием для казачьего войска. Проводники из местного населения, сухопарые, черноликие и скуластые горцы, знали пешеходные тропы через перевалы высоченных хребтов, но лошади казаков не были приспособлены к таким переходам, да еще артиллерия на колесах там, где только горные бараны и дикие козлы летали через расщелины ущелий и навалы камней... Но за этими хребтами, разделенными такими безднами, что при одном взгляде тошнотворный холодок стискивал сердце и препротивно покалывало в пятки, за этими сияющими белизной гребнями, откуда скатывались снежные лавины, пробивающие широченные плеши в нагорных лесах и начисто состругивающие хижины поднебесных кишлаков, за ледниками, угрожающими то грандиозными оползнями, то сокрушительными, необузданными селями, была возможность отдохнуть от бесконечных походов, от постоянной звериной настороженности, от телесной и душевной маеты сначала в окопах германской войны, потом гражданской.

Были жертвы от камнепада, несколько конников сорвалось в пропасть при обвале прижимной тропы, а когда вместе с лафетом и лошадьми, перевертываясь и сбивая всех на пути, скатилось тяжелое орудие, дутовцы понесли большие потери.

И однако же, все без ропота перлись вперед, штурмуя один перевал за другим. Но это, оказывается, были цветочки: главное лихо — оледенение крутых склонов и отвесные обрывы, а между ними дикий хаос провалов и острых скал — ждало впереди. И дышалось тут совсем не так, как в зеленых долинах Семиречья. Казаки стали задыхаться, ноги у всех становились словно чугунные.

— Ну, батя, похоже, хана войску приходит! — сказал Григорию Прохоровичу Михаил, которому от постоянного прикладывания к фляге уже казалось невесть что.

Все началось накануне похода, когда казаки на месте памятного кочевья нашли только обгорелые кошмы юрт и обугленные тела женщин. Кочевницы нашли средство

избавиться от мучений и позора, прибегнув к самосожжению. У них были бурдюки с нефтью, которой они пользовались для освещения и разведения костров...

Эта потрясающая неожиданность словно прояснила дремучие мозги казаков-разбойников:

— Что же ты наделала? — спросил Михаил, ошарашенно и тупо глядя на маленькую птичку с опаленными крылышками, которую он сразу узнал по неистлевшим длинным косам. Совсем ребенок. На что он тут польстился?

Вернувшись с гор, Михаил мертвецки напился, а потом чуть не убил Демида Ведякина за то, что тот сумел остаться в стороне с чистой совестью.

— Мы для вас жратву добывали, на риск шли, а вы тут в баньке парились! Вот я вам сейчас всем устрою припарки! — Когда он действительно начал кидаться на всех, его по распоряжению командира полка связали и утащили в каталажку на вытрезвление.

А потом он, опухший и мрачный, явился на сбор перед походом и узнал новость: Демид Ведякин и еще десяток других казаков дезертировали, исчезнув в неизвестном направлении. Это опять был вызов и удар по самолюбию Михаила: он, преданный атаману казак, валялся в каталажке, а хитрый симулянт гулял на свободе и успел смотаться.

Только внушение, полученное от отца, заставило Михаила притихнуть и заняться сборами в дорогу.

— Ну вот и собрались! Но какая же это, к черту, дорога! Не на небо же, к господу богу в рай, карабкаемся четвертые сутки! Ну, залезем, а спускаться легше, что ли? Там-то боженька и шарахнет каменюкой по лбу! За все — за наши безобразные штуки.

— Чего ты ворчишь, как старуха над махоткой в постный день?

Михаил только отмахнулся: не было уже сил затевать свары.

И вот дутовское войско достигло наивысшей точки последнего перевала. Кругом только горы да горы — бесконечные хребты, и между ними тоненькие серебряные цепочки извилистых рек. Но времени на размышление не было — начался спуск. И тут произошло неожиданное. На коварном уступе сорвалась связка вьючных лошадей, и среди них та, что везла большую чудотворную икону Табынской богоматери — реликвию оренбургского войска.

Лошади поломали ноги; их пристрелили сверху, потому что, судорожно пытаясь подняться, они могли рухнуть дальше в пропасть. А то место, куда упала икона, все ярче светилось под солнцем каким-то переливчатым блеском, и казакам показалось, что это золотой нимб богородицы, писанный на иконе. Но когда спустились, увидели расколовшийся в щепы плоский ящик и развалившийся оклад иконы, лежавший в грязи, а кругом на камнях и на бурой глине, словно огромный сияющий венец, блестело золото и дорогие каменья. Ослепительно горели на солнце драгоценности, награбленные атаманом: кольца, браслеты, тяжелые цепи, ожерелья, усыпанные бриллиантами и жемчугом, золотые и платиновые кресты! Обалдело смотрели со всех сторон изумленные казаки: то, что показалось божественным чудом, было всего лишь уликой жадности атамана.

— Чего уставились? Ведь это не для себя одного я набрал! Тут казна всего нашего войска! — зашумел на них Дутов.

И казаки опомнились: одни кинулись поднимать то, что осталось от ящика, другие, из личной охраны Дутова, под присмотром самого Александра Ильича и начальника его штаба собирали в дорожные сумы бесценные сокровища. Не знал атаман, что через год пристрелят его как бешеного пса пограничники в новом убежище, в китайском городе Суйдуне, и не понадобятся ему эти побрякушки. А пока он спешил все подобрать и торопил других. Только Михаил Шеломинцев сидел как вкопанный на лошади над обрывом и смотрел, казалось, безучастно на происходящую суетню.

— Ты что, Мишаня? Давай сюда! — окликнул встревоженный его поведением Григорий Прохорович.

Михаил не услышал этого дружелюбного оклика, он видел перед собой родную Изобильную, развеселое гулянье на свадьбе Нестора, какие-то маленькие искорки золотых вещиц, подаренных Фросе. И Нестора, сияющего счастьем, и себя Михаил увидел, ладного, молодого, ничем не опороченного, любимого всеми...

И снова привиделась растерзанная им мертвая девушка. Как гордо она умерла! Как сумели отомстить казакам простые женщины-чабанки. Наказали собственным беспощадным и справедливым решением.

— А, горите вы все белым огнем! Не хватало нам ишо лизать задницу китайскому императору! — Неторопливо,

у всех на виду, Михаил скинул с себя шашку с ремнем, заодно стащил и карабин и бросил их наземь.

— Он что, с ума сошел? — вскипел Дутов.

— Сошел, ваше благородие, — глухо отозвался Михаил. — Ишо тогда сошел, когда громил Краснохолмскую, когда родного брата порол, когда Персианова под лед толкал. Можете расстрелять — я вам больше не слуга! — И, хрипя, темно багровея лицом, повалился на бок, толкнув всей тяжестью своего скакуна, еле державшегося над кромкой обрыва.

Растерявшийся Григорий Прохорович не успел вскрикнуть: Михаил вместе с лошадью рухнул вниз...

— Жаль! — Дутов посмотрел вслед падавшей лошади, ударявшейся о выступы скал, и точно привязанному к ней казаку, не вынувшему ног из стремян. — Это у него от горной болезни — приступ безумия... Что поделаешь — война всюду требует жертв.

32

Харитон и Пашка приехали в Нахаловку под Новый год. Полку тоже предстояло переформирование и требовалось пополнение после кровопролитных боев и потерь от тифа. Уезжая, Пашка крепился, прощаясь с товарищами, но, когда пришел к Терехову, не выдержал — заплакал, уткнувшись лбом в его такое родное, надежное плечо.

— Харитон, миленький! — Фрося осторожно обняла брата, расцеловала, всмотрелась в обветренное лицо, радуясь новому его выражению, прижалась к нему щекой. — Где Нестор-то мой дорогой? Ты с ним встречался ведь там? Когда его домой отпустят?

— Скоро отпустят. Задержался на Жилой косе у Каспия. Но теперь наши победили и там. Так что жди.

Фрося выслушала не дыша. Потом рассмеялась, еще раз поцеловала брата и, потянув за руку Харитину, уступила ей свое место возле него.

— Здравствуй! — тихо сказал Харитон, боясь посмотреть на нее.

— Здравствуй, с приездом! — Она опустила легкую ладонь на его жесткие, выгоревшие вихры, попробовала пригладить их и, улыбаясь, прикоснулась к ним губами.

Он поднял взгляд и задел ресницами пушистые завитки ее волос.

— Как хорошо, что вас с Павликом отпустили домой! Мы так соскучились без вас!

Он повернулся, взял ее за локотки, стиснул их и уже прямо, требовательно заглянул в ее полыхающее лицо:

— Ты меня ждала?

— Ну как же! Глаз по ночам не смыкала!

— Смеешься?!

— Что ты, Харитоша! Я серьезно, милый мой!

— Тогда поцелуй меня еще. — Он зажмурился, ощутив ее дыхание, обнял, не видя никого, кроме нее, в первый раз в жизни прильнул к губам любимой женщины.

— Во дает Харитон! Сразу видно — боевой товарищ! — весело сказал Кузьма Хлуденев. — Можно поздравить вас, Евдокия Арефьевна, со скорой свадьбой!

— Дай-то бог! — радостно откликнулась мать. — Если Харитинушка согласна, мы снохи лучше нее не чаяли!

— Я согласна, маманя! Мне Харитоша крепко по сердцу пришелся, хотя поначалу мы с ним и цапались.

— Лучше до свадьбы поцапаться, а после венца в добром согласии жить, — заметила не без грустинки Тураниха.

33

До Уральска Нестор добрался на тройках вместе с Кутяковым, которого вызвали с его комбригами в штаб 4-й армии. Предстояли переформирование частей и новая переброска войск на Южный фронт.

...Санитарный поезд забит до отказа. И холодно в нем, и грязновато. Попав в общество стонущих и охающих людей, Нестор поначалу тоже ощутил себя по-настоящему больным. Ранение в плечо было средней тяжести, но еще до Уральска рана начала гноиться.

В Уральском лазарете Нестору оказали первую настоящую помощь, причем, тщательно обработав рану, хирург крепко пожурил его за промедление:

— Надо было сразу добираться до центрального госпиталя. Возможности у нас сейчас очень ограниченные, поэтому важно своевременно оказать помощь, чтобы не возникло осложнение.

— А у меня, значит, осложнение началось?.. — Нестор

внимательнее вгляделся в усталое лицо хирурга — сразу видно, и мастер и болельщик своего дела.

— Пока еще ничего не «значит»! Но неприятности не исключены, а вы еще сами их накликаете.

34

Голубоватые снега февраля, первозданно чистые даже в городе, на пустырях широких дворов и в заваленных сугробами тихих переулочках, напомнили Нестору о белых кружевах куржака в илекской пойме, о пышно и нежно заснеженных зарослях кустарника, роняющего мягкие шапки и полосы опуши на свежую порошу. Сияющее на белизне солнце и воздух, который пить можно. Теперь и там спокойно — отдыхает от взрывов снарядов израненная земля.

Нестор радостно улыбнулся, крепче прижал к себе сидевшую рядом Фросю, раскрасневшуюся от морозца, — глаза обоих сияли счастьем, и могучий конюх Акулова, который вез молодых в губком, нарочно не оглядывался, чтобы не смущать их, так надолго и жестоко разлученных. Только вчера Нестора выписали из госпиталя, а сегодня он уже встал на военный учет, побывал в губисполкоме у Александра Коростелева, который вместе с Поляковым дал ему рекомендацию для вступления в партию и помог получить временно отдельную комнату, и вот теперь — в губком. А Акулов даже свою лошадь прислал с кучером, чтобы Шеломинцев не мотался целый день пешком после болезни.

— Все заботятся о нас с тобой, — сказал Нестор, жалея лишь об одном, что не может на виду у прохожих целоваться с нею: не то, что во время жениховства в Изобильной.

Она взглянула близко-близко из-под гущины ресниц и засмеялась:

— Меня нарочно освободили пока от работы. Все знают, каково-то нам досталось за этот год! Чего только не натерпелись... И ведь опять ты собираешься покинуть меня.

— Не надо сейчас об этом, будем каждому часу радоваться.

— Мне мои «кадры» так и наказали, чтобы я свой отпуск провела весело и на свадьбу Харитины их пригла-

сила бы. Но это уж я не обещала. Трудно сейчас играть свадьбы: и не на что, и негде.

— Найдем, — уверенно пообещал Нестор. — Харитина посылает Айшу за маманей в Изобильную. Найдут что привезти для угощения, а свадьбу сыграем в старом клубе. Комсомольскую свадьбу. Это Коростелев пообещал Харитону: хотя наши жених и невеста уже члены партии, но по годам — молодешеньки.

— Ты на него не сердишься теперь?

— Как же не сержусь! Только подумаю — сразу зло берет: так я к тебе рвался в Оренбург! Истосковался — сил нет. Еще бы один шаг — и встретились, а он... Но он хороший все-таки, и я рад за Харитину. Дай бог нам еще раз вернуться и встретиться.

Фрося зябко вздрогнула, прильнула к Нестору, спрятала одну руку в его рукав.

— А по-другому нельзя? — спросила робко, стыдясь своего вопроса.

— Ты сама знаешь: на печке отсиживаться мы не можем. В свою дивизию вернусь, а там — куда пошлют.

— Да я... Я не отговариваю. Это ведь не то что от дутовской мобилизации уклониться! — Но глаза ее все-таки налились слезами, и она не вытерла их, грея руки родной теплотой и жалея расстаться с нею. — Видишь, какая я сознательная стала!

* * *

В кабинете Акулова было, как всегда, людно, но появление Виры, которую все знали, да еще с ребенком, да еще с Фросей и ее мужем-фронтовиком, вызвало общее дружелюбное оживление.

— Ну, как он тут у нас? — Акулов, заметно посвежевший с наступлением мирного затишья и сухой морозной погоды, весело заглянул в коляску, покачал ее, пробуя, хороши ли рессоры, и, словно в ответ на его добрую улыбку ребенок неожиданно впервые улыбнулся, выронив соску.

— Ах ты, варнак этакий! — расчувствовался председатель губсовнархоза Георгий Коростелев. — Ты мне должен улыбаться за то, что я эту коляску помог отхлопотать.

— Ну да, мы не из расчета приветствуем разное начальство, а симпатии ради. — Акулов без церемонии от-

странил Георгия, с удивительной ловкостью вынул из стеганого одеяла нагретый сверток, прижал его к груди. — Нам всем пора иметь такие драгоценности. Надо и дома растить работников Советской власти, а то получим от нее отставку!

Вира, светясь материнской гордостью, смотрела на сына, но и опаска сквозила в ее лице, и оказалось не напрасно: из свертка вдруг потекло прямо на единственный неизменный френч защитного цвета и брюки Акулова.

Поднялся общий смех:

— Вот вырастет и будет вспоминать, как обмочил председателя губкома! Варнак, пра, варнак! — с удовольствием повторил Георгий Коростелев.

— Ничего-о! — Акулов, тихо смеясь, пошлепывал по мокрому байковому одеяльцу, огораживаясь локтем от попыток смущенной Виры забрать сына. — Все в порядке вещей. А вы хотели бы, чтобы я только улыбался и молчал! Не-ет, я нахаловский, рабочей породы и в жизни буду утверждаться смело.

Так, с ребенком на руках, он подошел к Нестору, с которым познакомился еще в госпитале, кивком головы пригласил пройти к столу, поприветствовал и Фросю.

— Вы ко мне, конечно, по делу?

— По очень важному, — серьезно сказал Нестор.

— Давайте рассказывайте, что у вас? Ради Митеньки мы вас отпустим вне очереди. Я думаю, товарищи — члены губкома возражать не будут?

— Само собой разумеется! — отозвался председатель горисполкома Поляков, шутливо поддержанный Здобновым и остальными.

— Мне скоро опять на фронт. — Нестор снял шапку-ушанку со звездочкой на меховом околыше, немного растерянно положил ее на стол, прижал зачем-то ладонью.

— А вы не волнуйтесь, — Акулов передал ребенка матери и участливо повернулся к Нестору. — Я, пожалуй, догадываюсь...

— Да, я хочу подать заявление о приеме в партию. Одну рекомендацию мне дает Александр Алексеевич, вторую Поляков.

— Третью дам я! — вызвался комиссар по снабжению Мартынов.

— И я хочу дать, — подхватил начальник гарнизона Занузданов.

«Как хорошо», — думала Фрося, обегая взглядом собравшихся людей, таких близких ей, несмотря на разность положения и возраста, дорогих по совместному преодолению стольких трудностей. Даже слова Нестора о его скорой отправке на фронт на этот раз не ущемили тоской. Останутся они с Харитиной снова солдатками, но это будет уже последняя разлука. Дождутся встречи. Иначе не может быть!

Вспомнилось поступление на работу в редакцию газеты разносчицей... То-то страшно было! Боялась всех, а сейчас кругом свои, будто родные. И нет страха ни перед кем — она член могучего, дружного коллектива.

— Теперь о нашем ансамбле, — сказала Вира, устроив сынишку в коляске. — У нас предложение организовать при театре молодежный ансамбль, чтобы был свой хор, танцевальная группа, ну и декламаторы. Выделите нам руководителей, а способные ребята и девушки найдутся. Будем, как сейчас, на субботниках наводить порядок в городе и готовить выступление на рабочей сцене.

— Отлично! До революции мы проводили партийную работу в молодежном кружке, организованном в дачной местности Петербурга. Собирались для проведения любительских спектаклей, а хлопотали насчет гектографа, распространяли листовки и прокламации... Пьесы, конечно, ставили. Я сам играл... Иногда, когда налетали жандармы, — Акулов лукаво усмехнулся, — даже женские роли. Опасно было и весело. Зрители нами были довольны. А теперь у вас возможности-то каковы! Мы уже тут в губкоме говорили с Поляковым и Здобновым о рабочей самодеятельности. Не только сами любим петь, для собственного удовольствия, но хотели бы послушать нашу молодежь. Хор вы уже организовали, соберите музыкантов, плясунов. Руководителей найдем, а вам и карты в руки.

— И чтобы этот ансамбль назывался «Рогнеда», — напомнила Вира.

— Да, обязательно, надо почтить память нашей славной певицы.

— Есть еще заявки?

— Нет. Спасибо от нас всех, — сказала Фрося. — Только еще попросим — приглашаем на свадьбу нашего Харитона и Харитины — сестры Нестора.

— Замуж выходит? — весело изумился губернский продкомиссар Мартынов.

— Решилась. Это лучше, чем в монашки, — пошутил Нестор. — От всей души просим вас в гости.

— Мы это дело уже обсуждали. Ведь свадьба без церковного обряда: жених и невеста — члены партии, а отметить надо бы — не простое событие в жизни, — заговорил вошедший в кабинет Александр Коростелев. — Будем создавать свои обычаи, чтобы был пример для молодежи. Сестренка Лиза и женорг Мария Стрельникова предлагают устроить вечер в рабочем клубе...

— Так и устроим первое выступление ансамбля, — вмешалась оживленная Вира, и Фрося снова подумала: «Как жила бы Вира без работы, без нашей общей поддержки?»

35

Чистоту и порядок в клубе наводили общими усилиями: полы и окна вымыли нахаловские женщины, рабочие привезли дров, машину угля, и верх торжества — Харитон с Нестором привезли с помощью работников Орлеса две подводы еловых ветвей для украшения сцены. А тем временем в маленькой комнате при клубе, натопленной «буржуйкой», шли репетиции будущего ансамбля. С утра до позднего вечера проводились спевки, звучала музыка, читали стихи.

— Что же это будет? — весело удивлялась Харитина, прибегавшая «на полчасика», чтобы покрутиться в кадрили и показать свое мастерство в пляске руководителю ансамбля Малахову, не только учителю пения, но и отличному пианисту. — Какая же это свадьба, ежели только на сцене петь да плясать будем?

* * *

В Изобильную собрались вчетвером: Нестору хотелось взглянуть, что делается в родной станице, а как же без Фроси?

— Езжайте. Тут мы все управим, — радостно заверила Айша Харитину, — матери есть на кого хозяйство оставить: Аглаида с ребятишками, чай, дома. Вы там недолго... Неделю-то мы подомовничаем. Будет все в порядке.

Выехали с попутным военным обозом на двух подводах, чтобы избежать опасной поездки в переполненных поездах и подстраховаться на случай бурана. Для всех

четверых маленькое путешествие стало настоящим развлечением, благо и погода была по-февральски солнечная, но безморозная. Нестор и Харитина просто расцвели, попав в родные степные просторы.

— Воздух-то у нас какой! — говорил Нестор Фросе (вожжи держала она и правила почти самостоятельно): Харитон с Харитиной ехали впереди. — Вот отвоюемся совсем, вернемся домой и поселимся с тобой где-нибудь в станице — хоть в Изобильной, хоть в Краснохолме. Работа теперь для нас везде найдется. А для детишек жизнь на приволье — нет ничего лучше. — Он любовно заглянул в лицо Фроси. — Будут ведь у нас дети! Не один, не двое, а может быть, до десятка! Я тебе буду во всем помогать и работать буду так, чтобы не позорить свое партийное звание.

В станице Харитина переняла вожжи из рук Харитона, поднялась в кошеве и, лихо гикая, мигом обогнала тащившиеся впереди по широкой улице бычьи упряжки с хворостом. Лошадь Нестора мчалась следом, обдавала дыханием смеющееся лицо Харитона. Фрося тоже смеялась вместе с Нестором, но и тревожилась:

— Чего Харитина так расходилась? Не обидел ли ее Харитон? Как это она у всех на виду? Вот, отчаянная!

— А кого ей бояться? Бабы, наверно, по всей станице разнесли, что она расстриглась.

Но санки уже замедлили бег, и, осадив коня у ворот так, что оглобли выпятились, скособочив дугу, Харитина выскочила из повозки, попав сразу в мощные объятия Аглаиды.

— Што ж ты с богом шутишь? — упрекнула невестка, целуя и оглядывая ее с ног до головы. — Пришли схимить, а монах и черное платье скинул!

— Так уж вышло, соблазнила мирская жизнь, — задорно ответила Харитина, глядя, как мать в легкой кофте торопливо раскрывает ворота.

— Харитинушка, свет ты мой! Баламутка ты моя непутевая! Нестор, сыночек! — обливаясь слезами, мать обнимала своих детушек, столько раз «похороненных» ею за эти черные годы и вот обретенных.

— Посидите тут с маманей, а мы сообразим нащет обеда. — Женщины тут же захлопотали на кухне у жарко топившейся плиты.

— Где теперича отец и Михаил? — спросила Харитина, дивясь забытому изобилию продуктов.

— Где ж им быть, коли их войска разогнали да в полон взяли? Ушли с атаманом куда подале... К Семирекам, аж за горы высоки, где снега круглый год лежат. Понятили их за китайску границу. Пришел оттудова Демид Ведякин... Как же! В дезертирах объявился, когда прощенье посулили советские командиры, пригнал обратно. Он и сказывал, чего там творилось. — Аглаида промокнула фартуком глаза.

Нестор, помолчав, наклонился к Харитону:

— Я, знаешь, как о своем сыночке жалею. Теперь уже бегал бы, разговаривал... И Фрося о нем тоскует. — Нестор придвинулся еще поближе, сказал доверительно, понизив голос: — Мы оба хотим, чтобы она осталась ждать моего возвращения в тягости. С моей стороны это, может быть, эгоистично — вдруг меня убьют... Каково-то ей тогда достанется! А она говорит: мне легче будет с ребенком, если вдруг такое горе. Вот Вира не нарадуется своему Митеньке.

Они сидели такие молодые, разные и в то же время близкие, радуясь тому, что могут делиться самыми сокровенными мыслями и желаниями, негласно отдавая под защиту друг другу и своих любимых, и не рожденных еще ими детей.

— Наконец-то! — шепнула Фросе Харитина, заметив из кухни, как дружненько беседовали меж собой свояки. — Вот оно, настоящее-то замиренье. Давно бы так!

36

Свадьба Харитины и Харитона прошла шумно и торжественно. Людей в клуб пропускали по контрамаркам, чтобы не создать толкучки, зато народ собрался свой, душевно отзывчивый. Общий восторг вызвала пляска Виры.

— Тебе обязательно надо выступать в ансамбле, — сказал ей Акулов, тоже выбравший полчасика, чтобы поздравить молодых.

— Вот пойдет Митенька ножками, тогда буду ходить с ним на репетиции, — пообещала Вира.

Лицо ее разгорелось, глаза блестели, и только Харитина, обнимая ее, успела заметить, как сорвались у нее тяжелые слезинки прямо на подвенечное атласное платье невесты, перешитое из свадебного наряда Домны Лукьяновны: обновить свое после вдовства Харитина не захотела.

* * *

И вот пришел он, день разлуки...

— Счастливые вы! — говорил Харитону и Нестору Пашка. Уступив уговорам и слезам матери, Пашка учился теперь в третьем классе вечерней школы для взрослых, а днем «вкалывал» у станка в железнодорожных мастерских.

И учился и работал он усердно, словно старался наверстать упущенное, но в этот день отпросился с работы и кружил по городу: то шел к Фросе и Нестору, то являлся к Харитону, с неловкостью и ревнивой досадой наблюдал за сборами.

«Все бы им целоваться да обниматься! Зимняя ночь как год, и то не хватило. Нет того, чтобы посочувствовать боевому братишке. А я без всяких сборов готов, ровно штык. Как бы хорошо всем вместе-то...»

Но Фрося и Харитина без церемонии выпроваживали его, отсылая то в лавку, то в Нахаловку. Поезд уходил в пять часов, и пообедать решили в землянке Наследовых, чтобы там и проститься.

— Доколе уж будут эти проводы? Сколь лет из войны не вылазим? — говорил дедушка Арефий, помогая Наследихе собирать на стол посуду и скудное угощенье.

Он немного поправился, «стал посытяе» за эту осень, но в глазах его после гибели дорогих близких людей застыла глубокая скорбь и боязнь новых утрат. Появление Пашки оживило, но и встревожило его.

— Ты чего, оголец, примчался? Не на фронт ли нацелился? На кого мать-то спокинешь? На меня надея плохая: чую, близко ходит моя...

— А ты ее видел?

— Видел, когда душа разлучалась с телом. Только на нее, как на солнце, прямо не глянешь. А протянет к тебе руку — холодом наскрозь проймет. Когда придет час, ни крестом, ни пестом от нее не отмахнешься. А пока ходит, примеряется, глушит силу в суставах: ноги, руки иной раз ровно ватные...

— Ну чего ты, деда, напустил на себя? Ты теперича самый главный у нас. Вот и держи марку. — Пашка обнял деда Арефия, даже приподнял, легонечко посадил на лавку и, завладев самоваром, начал хлопотать по хозяйству.

Наследиха тоже пытливо посматривала на сына: вытянулся-то как, и ручищи пребольшие.

«Ох, не сбежал бы опять на фронт. Сколько можно судьбу испытывать? — думала она, опечаленная отъездом Нестора и Харитона. — Спасибо, хоть на побывку их отпустили. Что радости-то было! Разнесло бы горой этих генералов треклятых и военных заводчиков! Все мутят матушку-Расею, все не дают нам вздохнуть свободно!»

Снова тесно и шумно стало в землянке Наследовых, но не было веселья. Собрались родные и старые друзья — соседи. Пришли Айша и Вира, оставившая дома с ребенком сестренок. Закусили чем пришлось и повели разговор о боях на Украине, о новом белом генерале — бароне Врангеле, объявившемся в Крыму, о создании Первой Конной армии, о панской враждебной Польше. Идет по стране 1920 год, — третий год революции, а все не выберется трудовой народ из боевой страды.

— Вот еще Врангель — барон какой-то недобитый явился! — сетовала тетка Палага Туранина, пришедшая на проводы. А тут новый призыв на Южный фронт. Ленин всех туда скликает.

— Видать по всему, жарко там будет, — говорит Зина Заварухина, тоже заждавшаяся с детишками возвращения своего Ильи — все нахаловцы воюют: и Андриан Левашов, и Константин Котов, дома одни бабы да ребятишки.

А вот молодые, бравые военные командиры, Нестор и Харитон, но они только залетные гости на притихшем вдруг домашнем круге: пришло время прощаться...

— Нет, мы с Харитиной с вами на вокзал. — Фрося встает, бледнея, вся обращенная к Нестору.

— Конечно! — Харитина берет Харитона под руку, прижимается к его плечу. — Мы уж до последней миннуточки вместе!

— А то взяли бы нас с собой! — Озорной голос Пашки, заглушенный сразу возникшим общим шумом.

— До свиданья, соколики наши, — говорит Наследиха, обнимая зятя и сына. — До скорой встречи в нашем нахаловском дворце. А потом и новоселье справим в заправском доме. Не зря мы столько горя пережили, столько бед избыли: Оренбург-то свой освободили от вражин. Будет и еще на нашей улице праздник светлый!

●

СТИХИ МОЛОДЫХ

Татьяна ЛИТВИНОВА

МАТЕРИНСКАЯ ДОБРОТА

* * *

Скрипит сосновое крыльцо —
То ходит осень возле хаты.
Я выйду, гляну ей в лицо —
И вдруг глаза увижу брата.

Сентябрь сведет с концом конец,
Пронзит неведомой виною...
Мне вдруг покажется:
отец
Стучит щеко́лдою дверною.

А дождь такую грусть таит,
А ночь печаль такую прячет,
Как будто мама там стоит,
О детях вспоминая, плачет...

* * *

Напиши мне о жизни, калина,
И рябина над вольной водой...

О природа,
листок тополиный
Мне письмом опусти на ладонь!

Журавли, напишите хоть строчку,
Как ознобных небес письмена...
У разлуки в слезах вся сорочка —
Лучших писем не знает она.

Пусть поспешны все письма, пусть кратки,
Пусть в помарках —
ношу их с собой:
Никогда не нуждаются в правке
Милосердье, надежда, любовь.

Задышите во мне, задышите,
Снегопады, страда, соловьи!..
Я пишу вам,
и вы напишите
Материнские письма свои...

* * *

В вагоне стареньком плацкартном
И духота и теснота.
Но выразительна плакатно
В вагоне общем доброта.

Здесь горе выплачется горю,
Здесь состраданью все верны,
И было бы совсем другое
Без этих лиц лицо страны.

Без этого простого братства,
Жить не дающего поврозь,
На что бы веку опираться
В дороге трудной довелось?

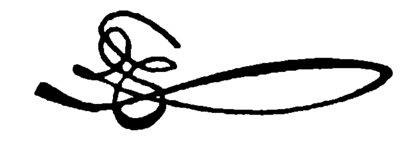
Стоять не буду у обочин —
Пусть в тамбуре, на крыше пусть —
Вези меня в вагоне общем,

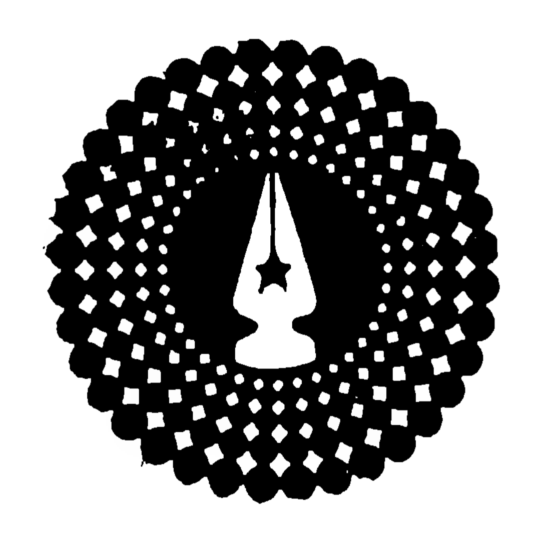
Моя судьба,
надежда,
грусть.

Вагон наш общий — вся Россия!
Ромашек плеск у колеи...
Спасибо, что давали силы
Мне полки жесткие твои.

* * *

Прилежный бант и платьице в горошек.
Вся мокрая, вбегает дочка в дом,
Неся ладони мимолетный ковшик
С чуть тепловатым радостным дождем.
Обедать,
руки мыть,
переодеться...
Сандалики томятся у дверей...
И вновь бежит мое на волю детство
С моей дождинкой,
с девочкой моей...

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» НА ШЕФСКОЙ ВАХТЕ

НОВАЯ ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Николай ТКАЧЕНКО

УРОКИ НЕРЮНГРИ

По дороге из Чульманского аэропорта в Нерюнгри невольно бросился в глаза оригинальный придорожный плакат, возвышавшийся над обочиной. Я не без некоторого удивления прочел: «Все прекрасное на земле — от солнца, все хорошее — от человека!»

Надпись запомнилась. Глубокий, философский смысл стоял за ней. Но слова показались не совсем уместными здесь, в краю людей конкретного дела, сложного производства, где счет «хорошего от человека» вот уже целое десятилетие идет на твердые миллионы тонн угля и вскрышной породы, тонно-километры, кубометры, киловатт-часы, этажи...

Миновали мост через Чульман, норовистую капризную речку, обмелевшую к августовской межени, въехали в одноименный поселок, дымивший полосатой трубой ГРЭС. Рядом с электростанцией поблескивала налитая солнцем река. Темно-зеленые клинья сосен и светло-зеленые лиственниц круто взбегали по склонам противоположного берега. Легкий ветерок доносил их смоляной дух, смешанный с терпким ароматом перезрелой голубики.

На автостанции в Чульмане остановились. «Перекур! Десять минут!» — объявил водитель автобуса. За ним потянулись на асфальт пассажиры, по преимуществу молодые крепкие парни, добротно и модно одетые. До Нерюнгри оставалось еще километров тридцать.

Лица закуривших молодых мужчин и парней были, как говорится в подобных случаях, светлы и спокойны. Читалась на них некая простовато-неколебимая уверенность людей сильных, крепко стоящих на ногах. Многие из них, судя по разговору, возвращались из отпусков с «материка»: Донбасса, Киева, Прибалтики, Кузбасса... Другие либо встречали тех, кто прибыл, либо прикатили из Нерюнгри между смен поразвлечься, откушать в аэропортовском буфете, поглазеть на прибывавшие и отправлявшиеся самолеты: народ-то все молодой, любопытный.

Шофер посигналил клаксоном — стоянка закончена. Снова все заняли свои места, тронулись дальше. В Нерюнгри въехали минут через тридцать по объездной дороге, минуя чистенько выкрашенные в розовую и голубую краску кварталы Нового города, не так давно выстроенные из панелей собственного изготовления. Многоэтажными ярусами возвышается новостройка над окрестными сопками, над лиственницами и соснами, растущими прямо среди жилых кварталов. Так мудро, со вкусом строители вписали таежные островки в городскую архитектуру. Начальник крупнейшего в Восточной Сибири комбината Якутуглестрой Виктор Иванович Бочаров каждому гостю якутского углеграда с понятным удовольствием покажет эти деревья, дома, от ступенек до форточек изготовленные из местных стройматериалов. «Все из своих материалов!» — таков генеральный принцип Бочарова. По-хозяйски включаются в оборот богатейшие местные недра.

Это тоже, пожалуй, «хорошее от человека». От его доброй мысли, созидательной энергии, распорядительности в этом краю. Ведь с Сибирью, основным источником топливно-энергетических и сырьевых ресурсов, связаны грандиозные экономические программы. Вклад ее в общесоюзную добычу и переработку природных ресурсов с каждой пятилеткой быстро возрастает.

Ученые, экономисты, практики сходятся на мысли, что будущее Сибири за формированием территориально-производственных комплексов, что ключ к успеху — в продуманной группировке предприятий различных отраслей народного хозяйства, в создании ими единой транспортной, энергетической и строительной базы, общей социальной инфраструктуры: возведение жилых домов, больниц, клубов, школ, детских садов, стадионов. Стоимость освоения отдаленных районов при таком подходе сокращается почти на четверть. Учитывая сибирские масштабы, это миллиардные суммы. Вот он, громадный резерв — ТПК.

В зоне освоения, прилегающей к БАМу, предполагается создать 14 территориально-производственных комплексов. В ближайшее время вдоль магистрали образуется могучий индустриальный пояс, базирующийся на богатейших местных ресурсах сырья. Поднимутся большие города с населением до 200 тысяч, десятки поселков. Первый из 14 «бамовских» ТПК — Южно-Якутский с центром в Нерюнгри — уже прошел десятилетний путь формирования. Получен богатейший опыт, нередко приобретенный методом проб и ошибок. И очень важно сейчас не повторить просчеты при создании остальных тринадцати комплексов. А взять в бу-

дущее только положительный опыт. Понять, глубоко усвоить и неукоснительно внедрять в практику лучшие методы эксплуатации природных ресурсов, заселения не обжитых еще районов, образования трудовых коллективов, закрепления кадров, решения самых разных экономических и социальных проблем огромной по территории зоны освоения.

...Старый нерюнгринский автовокзал, состоящий из нескольких деревянных будок, давно достоин замены. Но всему свое время. Он расположен в барачной части города, откуда, собственно, и начался Нерюнгри. Солидным гигантом возвышается недалеко четырехэтажное здание Якутугля, двухэтажное — горкома, а чуть подалее начинаются торговая зона, улицы аккуратных двухэтажных белых домиков, тут же брусовой Дом культуры, отданный недавно под театр кукол, гостиница. Здесь же и конец моего маршрута. От Москвы до Нерюнгри через Якутск девять с половиной часов чистого лету. Сколько бы ни говорили о сибирских просторах, но они всегда впечатляют, когда столкнешься с ними воочию.

Наш «Икарус» подкатил к автобусам на стоянке. «Все, приехали, граждане!» — объявил водитель. Дверь отворилась, пассажиры стали выходить. Я спросил у шофера, не знает ли он, чьи это слова на придорожном плакате.

— Как же, знаю! — охотно отозвался наш водитель. — Каждый день по пять раз читаю. Это сказал Пришвин! Знаменитый писатель и защитник природы. Тут как раз надо ее защищать. Разрез-то наш угольный видели?

Формирование Южно-Якутского ТПК началось в соответствии с решениями XXV и XXVI съездов КПСС. Что уже положено за минувшее десятилетие в основу мощного топливно-энергетического узла? Без излишнего преувеличения — масштабы свершенного зримы.

Прежде всего это угольный комплекс. В его состав входят угольный разрез «Нерюнгринский» и крупнейшая в стране углеобогатительная фабрика, начавшая в прошлом году отгрузку коксового концентрата. Создана своя энергетическая база: пущена первая очередь Нерюнгринской ГРЭС. В десятой пятилетке построен Малый БАМ — железная дорога, связавшая Южную Якутию с Транссибом и сыгравшая огромную роль в сооружении объектов ТПК. По этой магистрали уже отправлено потребителям Сибири и Дальнего Востока свыше 25 миллионов тонн высококачественного коксующегося и энергетического угля.

За две пятилетки здесь появилась своя строительная индустрия, благодаря чему сооружены и аэропорт, и железнодорожный вокзал, и новый город Нерюнгри, продолжающий шириться, расти. Директивные задания партии по первому этапу освоения в основном выполнены.

Сейчас четко наметился второй этап формирования комплекса. Природа очень удачно соединила здесь огромные запасы коксующегося угля с железной рудой, что позволит в будущем иметь в Южной Якутии надежную базу черной металлургии. Бесценным подарком природы явились открытые здесь же запасы апатитов. Первое место принадлежит Селигдарскому месторождению, которое оценивается как третья в СССР база фосфатного сырья. К углю, железной руде, апатитам следует прибавить нефть, газ,

древесину, строительные материалы, алданское золото и слюду Томмота, возле месторождений которых пройдет будущая железная дорога от конечной станции Малого БАМа — Беркакита в Якутск.

Судя по «набору» разведанных ископаемых, должны вскоре нагрянуть сюда подразделения Минчермета, Минудобрений, Минхимпрома, Минпромстройматериалов... Вот тогда-то и осуществится второй этап формирования территориально-производственного комплекса. А пока что ТПК запущен по «временной схеме». Его мощная сырьевая база законсервирована и ждет своего часа. Комплекс существует, но пока только угольный.

Первые сведения о запасах угля в Якутии и возможном практическом использовании их относятся к первой половине XVII века. Бурый уголь на Сургуевом камне был обнаружен и описан в 1735 году участником Камчатской экспедиции И. Глилиным, впоследствии одним из первых русских академиков. Но промышленная добыча угля в Якутии началась только в 1928 году. До войны здесь добыли 533 тысячи тонн угля, а затем разработка месторождения была надолго прекращена.

В середине 60-х годов в Якутии создан угольный трест, а в 1975 году — производственное объединение Якутуголь. Сегодня здесь разрабатывается шахтным способом и разрезами пять месторождений. Главный объект объединения — разрез «Нерюнгринский», проектная мощность которого 13 миллионов тонн угля в год. Причем 9 миллионов из них составляют коксующиеся угли. Запасы разреза рассчитаны на эксплуатацию в течение 38 лет. Нерюнгри — важнейший форпост угледобычи на востоке страны, считает генеральный директор Якутугля В. М. Ждамиров, и отсюда надо вынести максимум полезного опыта для продвижения дальше, к мощным запасам Алдано-Ленского бассейна и Приполярья.

«Река, богатая хариусами» — именно так переводится с эвенкийского слово «Нерюнгри». Так и было, пожалуй, еще в недавние времена. Заметно поубавилось рыбы в местных реках за последние годы. Испуганно разбежалось на десятки километров окрест пушное зверье, заглохли глухариные тока, посеклась, поредела лиственнично-сосновая тайга под натиском дизельных сил индустрии.

Не всегда, к сожалению, по-штурмански чутко и тонко управляемся мы с отпущенным нам могуществом техники. Столько фактов — порубы, потравы, загрязнение вод под горячую руку. Анонимно-бездушное, рваческое, эгоистически-наплевательское отношение к богатствам животного и растительного мира, слабая экологическая грамотность сопутствуют еще очень часто нашим действиям на родительском лоне природы. Я немало бывал на стройках Сибири. На моих глазах в среднем Приобье сожгли шесть гектаров спелого кедрового леса, вырубленного под площадку компрессорной станции. Триста тысяч кубов деловой древесины свалили бульдозерами в траншеи, закопали в зоне строительства газопровода Нижневартовск — Парабель — Кузбасс. И в голову никому не пришло этот лес использовать по-хозяйски, продать, скажем, заготовителям из Молдавии, Украины, Армении.

И все почему? Ведомственная слепота, нездоровая штурмовщина, личная безнаказанность тех, кто отдавал приказ вырубать кедровую рощу. Ведь за этот лес организация всего лишь заплатила лесничествам штраф. Тут не только экологическая безграмотность. Тут — бесхозяйственность, преступность. Избави нас, грядущее наше, от таких «преобразователей» природы, которые не хозяйствуют, а хозяйничают на земле.

Нынешняя явь Нерюнгри — это не хрустально-чистые реки, богатые вкусным хариусом, а громадные запасы углей высшего класса, не так глубоко залегающих под землей. Около миллиарда тонн такого угля были скрыты под стоявшей тут некогда сопкой. Поэтому и выбрали наилучший способ добычи — открытый. Сопку взорвали, срыли, углубились в недра. Сделали так называемый «разрез».

В прошлом году введена последняя, пятая, очередь разреза, обозначившая его полную проектную мощность. Технология добычи вроде бы проста, снимай породу — бери уголь, однако путь к желанной сердцевине непрост, учитывая сложные условия залегания пластов, мерзлотность почвы, сейсмичность района и, естественно, морозы, доходящие зимой до минус 55. Насыщенность механизмами предельная. Около четырех сотен различных машин большой мощности сопряжены в единую технологическую цепь в разрезе и по его ярусам и бортам. Длина разреза семь с половиной километров, ширина — четыре. 3300 человек трудятся здесь по скользящему графику день и ночь, круглые сутки, без выходных и праздников все 365 дней в году — по режиму безостановочного производства. Время от времени земля под ногами вздрагивает. Вдавливаются ушные перепонки. Это взрывают породу, очередную порцию — два миллиона кубометров за раз! Еще один шаг к залежам угля высшего класса.

Уголь Южно-Якутского ТПК на 80—90 процентов коксующийся. Обогатительная фабрика по переработке 9 миллионов тонн сырья в год, крупнейшая в отрасли, оснащена самым современным оборудованием и производит угольный концентрат для изготовления кокса. Незначительная доля окисленного угля, непригодная для коксования, вместе с отходами обогащения служит прекрасным топливом для Нерюнгринской и Чульманской ГРЭС. Ежесуточно со станции Угольная отправляется около 500 вагонов нерюнгринского угля. К 2000 году из здешних недр его будет добываться 20 миллионов тонн.

Главный инженер разреза 32-летний Борис Хохлачев, выпускник Московского горного института, начинал здесь, на разрезе, помощником машиниста экскаватора. Потом был горным мастером, заместителем начальника участка, секретарем парткома на разрезе, где коммунистов свыше 400. Опыт у Бориса Хохлачева ценный. По-инженерному ценный и по-человечески. Сам он не мыслит себе иного места, кроме как здесь, на крупнейшем разрезе в Нерюнгри, где возмужал, стал хорошим специалистом и руководителем.

Мы встретились с этим симпатичным, подвижным человеком в диспетчерской, небольшой стеклянной будке, набитой аппаратурой и телефонами, притулившейся на самом борту разреза. После летучки он вывел меня на смотровую площадку.

— Вот смотрите, каков он, наш разрез!

Ничего не скажешь, вид открывался захватывающий. Клубилось в глубине угольной пылью чрево разреза с расставленными по ярусам буровыми станками, экскаваторами, ползущими по серпантинам дорог самосвалами. Под чистым голубым небом и лиственничной бахромой окружающих сопок делалось громадное дело, эквивалентное, пожалуй, геологическим силам. Зрелище производило сильное впечатление.

Я поинтересовался у Хохлачева: есть ли планы защиты покоренной земли? «Да, такие планы есть, — ответил главный инженер разреза, — они предусматривают сохранение чистоты воздушного бассейна и вод, а также земель, находящихся в зоне добычи. Эти планы составляет Госплан, доводит их до министерств, те спускают их на места, и вот на местах уже зависит, как они будут внедряться в жизнь».

Хохлачев безусловно прав, дело облагораживания выделенной в индустриальное пользование земли во многом зависит от тех конкретных людей, кто непосредственно хозяйствует в данный момент на данной территории. От местных руководителей, местных властей (горсоветы, райсоветы, поссоветы) зависит, например, категорический запрет сдачи в эксплуатацию производств по «временным» схемам — без готовности комплексов природоохранных сооружений. В каждой вновь создаваемой промышленной зоне при БАМе должно быть официальное лицо, конкретный человек, с которого и через три пятилетки, в 2000 году, можно будет спросить, где бы он ни был, как он защищал интересы природы. Это должен быть грамотный специалист, эколог, с определенной властью, полномочиями, санкциями, средствами информации и пропаганды. И каждый в рабочем поселке, городке будущего индустриального пояса должен знать этого человека в лицо! Как, скажем, известного актера или популярного певца. Что же в этом зазорного? Тут стеснительность ложная. Речь идет о воспитании у нас экологического сознания, о чем так настоятельно говорил и писал Михаил Пришвин.

Борис Хохлачев показывает мне на экскаваторы, работающие в разрезе, называет имена и фамилии машинистов. Иногда, обращаясь в окошко к диспетчеру, уточняет: «Кто сейчас у нас на 765-м?» Это добычный экскаватор, стоящий вдалеке на угольном пласту. Отсюда он не крупнее игрушечного. Видно, как ухают в кузова самосвалов дымящиеся порции угля. Идет разработка очередного пласта.

— Вам повезло! — торжественно говорит Борис. — Начали пласт под названием «мощный». Загляденье! Шестьдесят шесть метров угля!

Тускло поблескивает гранями кристаллов отвесная стена угля. Над ней возвышаются ступени вскрышных горизонтов. На них уралмашевские экскаваторы ЭКГ-20, работающие на вскрыше. Чуть поодаль — импортные «Марионы». Грохают в кузова суперсамосвалов 20-кубовые ковши с породой. Раздаются свистки экскаваторов: «Подъезжай — отъезжай!» «Марионы», ЭКГ-20, 180-тонные самосвалы БелАЗы созданы специально для Нерюнгри. Техника мощная, современная. Как показывает она себя в работе?

Возьмем ЭКГ-20, спору нет, сильная машина, очень нужная здесь.

Однако что-то долго, вот уже пятый год проходит она эксплуатационные испытания. И нечем заменить дорогостоящие, не совсем лучшие импортные экскаваторы, требующие крупных валютных затрат на ремонт, запасные части, техуход. Первые же отечественные гиганты, по сути, только здесь и начали свой ходовой век. Уже сейчас они должны взять основной объем вскрыши. Но у горняков на них полной надежды нет.

ЭКГ-20 проходит четвертый этап модернизации. Устраняются заводские просчеты. Некоторые узлы экскаватора не выдерживают холодов, лопаются на морозе. Прошлую зиму все тринадцать ЭКГ-20 из-за этого по месяцу-полтора простояли.

Та же история и с 180-тонным БелАЗом. Главный объем по перевозке породы уже не первый год приходится на импортные самосвалы. А БелАЗ этой технике покуда не конкурент, хотя и вполне конкурентоспособен, поскольку имеет ряд узлов и решений лучше зарубежных. Но вот двигателя серийного нет, отечественной резины нет, подводит электрооснастка. Да и к условиям Севера он не полностью приспособлен. БелАЗ не может еще взять на свои плечи основную работу в разрезе, а об окончательных сроках сдачи машины в серийное производство автозаводцы пока еще ничего не говорят. Сколько ждать — год, два, три?

Многие специалисты-горняки ратуют за более решительный переход на создание собственной, отечественной горной техники большой единичной мощности, именно такой, какая необходима здесь да и на десятке других будущих строек. Необходимо создание целого комплекса сопряженных в единой технологии машин: буровых станков и долот для бурения, экскаваторов, самосвалов, дробилок породы, колесных и гусеничных бульдозеров, грейдеров, виброкатков. Нужны машины свои, в северном исполнении и желательно с пятиугольником качества. От реализации этой задачи в самой непосредственной зависимости находятся темпы экономического развития Сибири.

Не терпит промедления также внедрение достижений науки. Важнейшие проблемы на Севере связаны с повышением надежности всех машин и применением наиболее передовых, ресурсосберегающих технологий, снижающих энергоемкость производства. Тем более что на Нерюнгри работают 32 НИИ, отраслевых и академических. Есть немалые достижения. Но и тут затягивается решение таких важных вопросов, как создание более надежного углевозного транспорта, систем подавления угольной пыли, способов взрывания и дробления породы, более широкого внедрения в производство АСУ и, разумеется, разработка фундаментальных проектов охраны окружающей среды, оказывающих самое непосредственное влияние на производственную сферу деятельности человека.

...Этого симпатичного парня вполне можно принять за кинодублера, каскадера. Этакий ладный, литой, светловолосый крепыш с яркими голубыми глазами на веселом, энергичном лице. «Эгей, отойди! Отойди в сторону!» — слышу я окрик и едва успеваю сделать шаг, как из-под ног со свистом выскальзывает толстый шланг кабеля, уходящего к экскаватору. Это все парень, стремительно соскочив с экскаватора, пробалансировав по грудам породы, выхватил из-под камней тяжелую резиновую полупетлю и, взвалив ее по-

матросски на плечи, начал подтаскивать, выравнивать, оглаживать. Экскаватор электрический, и по кабелю идет трехфазный ток с линейным напряжением шесть тысяч вольт. Питание для громадной, «прожорливой» машины.

Мой новый знакомый, 26-летний Александр Белый, электрослесарь из передового экипажа ЭКГ-20 Александра Петровича Палагина, в Нерюнгри попал не случайно. И в экипаж к Палагину тоже. Случайно сюда попасть почти невозможно. В Нерюнгри приезжают, как правило, после тщательного отбора. Проверяются профессиональные навыки, состояние здоровья, учитываются семейное положение, мотивы приезда. Так что всякая стихийность, массовость наплыва самых разных людей исключена. Предпочтение отдается сибирякам — лучше приживаются. Специалисты высокой квалификации приглашаются из других угольных бассейнов, им обеспечивается гарантия в заработке и жилье. Вызывают сюда и тех, кто более подходит для обучения в местном курсовом комбинате профессиям, связанным с работой на уникальной технике. С большей охотой приглашают холостых, согласных лет пять пожить в общежитии. Долгое время много сил было отдано созданию угольного разреза, промышленной базы, обогатительной фабрики.

Для Александра Белого переезд в Нерюнгри два года назад из приполярной Инты сложился благоприятно. Он кадровый шахтер. С восемнадцати лет машинист угольного комбайна. Поэтому сразу получил хорошее место. Кроме всего, удачно сложился обмен квартиры на Нерюнгри. В-третьих, устроилась на работу жена, продавец по профессии. Получили место в детсаде для пятилетней дочурки. Счастливое сочетание. Ну а главное? Почему все-таки сюда?

— Сюда я давно мечтал! — восклицает мой собеседник. — Тут работа интересная, необычная. А техника! Хочется на ней поработать. Скоро на курсы машинистов пойду... И потом, перспективы большие — новые шахты, металлургические заводы, индустрия!.. И очень красивая природа. Город тоже строится красивый. На глазах озеленился. Новостройки пошли, девятиэтажки. Молодежи много, весело. Где еще такое увидишь? Такое надо прожить, такое раз в жизни бывает!

...От вскрышного горизонта, где стоял экскаватор Палагина, я решил пешком добраться до пласта «мощный», который показал мне сверху Борис Хохлачев. Очень хотелось пощупать своими руками знаменитый на всю страну уголь. Переходя с яруса на ярус, спустился вниз, на твердое дно разреза, обильно политое водой, — так подавляется пыль. Стоя на пласту, огромный экскаватор проворно орудовал ковшом, то и дело погружая его в дымившийся слой угля. Полторы-две минуты — и 120-тонный, тяжело нагруженный самосвал уходил в десятикилометровый путь на обогатительную фабрику. Два других углевоза стояли на очереди. Я попросился в кабину одного из них, чтобы выбраться наверх.

Минут через десять мы выехали из разреза и вышли на великолепную бетонку. Шофер прибавил газа. И мы разговорились. Собеседник мой по имени Саша оказался водителем первого класса. Приехал из Витебской области, женат, двое детей. Семья, однако, осталась дома. Нет жилья здесь. Самому дали место в общежитии, условия вроде неплохие — тепло, душ есть. Поставили на очередь за квартирой двухтысячным... Это лет на десять, не

меньше. А хотелось бы и семью обустроить, в Сибирь перевезти. Места, природа здесь очень нравятся. Как дальше? Видно будет, надо осмотреться. Хотя тяжело без семьи. Кто помоложе, тому легче, в общежитии даже весело...

Дорога кончилась. Самосвал въехал на товарную эстакаду и, переждав предыдущую машину, стал на бункер. Раскрылись на днище кузова створки, в десять секунд уголь ссыпался на приемный склад обогатительной фабрики. Разворот, и дорога снова ведет к разрезу.

Ни на одной углеобогатительной фабрике в стране нет, пожалуй, столь нового и производительного оборудования: гидроциклонов, центрифуг, вакуум-фильтров, сушильных установок. Технология обогащения угля здесь высоко механизирована и автоматизирована. Ожидаемый в скором будущем ввод на фабрике АСУ улучшит управление технологическим процессом. Именно такие предприятия, считает главный инженер фабрики Алексей Алексеевич Пырлык, и должны представлять лицо индустриального освоения Сибири.

Серьезным трудовым достижением нерюнгринцев стал пуск фабрики, венчавшей создание крупнейшего в стране угольного комплекса. Сегодня нерюнгринский угольный концентрат идет на мировой рынок. В сжатые сроки был подготовлен коллектив эксплуатационников: аппаратчиков, машинистов обогащения, операторов, инженеров и техников. Сотни молодых специалистов.

Обойдя всю фабрику от склада сырья до склада готовой продукции, заглянул в комитет комсомола. Каждый пятый на фабрике — комсомолец. Был день получки. Замсекретаря комитета Татьяна Беляева принимала взносы от групкомсоргов. Поднялась, отодвинула ведомости, предложила место, стол — работайте.

Дверь отворилась, вошли несколько молодых женщин и девушек. Таня кивнула им на меня, дескать, гость, не шумите. Вошедшие тихо расселись на стулья вдоль стенки. Оказалось, это работницы с фабрики. Каждая в свое время получила профессию в других городах: кто в Кемерове, кто в Черемхове, Донецке, Иркутске. Профессии у всех по профилю. Учились на техников, машинистов установок углеобогащения. Направлены на работу по вызову, никакой самодеятельности. Вот, работают, живут, «отрабатывают» положенное после учебы, создают семьи. Трое из вошедших женщин уже в скором будущем должны были стать матерями.

Суть состоявшегося разговора можно передать в трех словах: людей, пожалуй, обидели. Я постарался записать в блокнот все, что услышал от девушек дословно. Важно было понять, какие обиды привели их в комитет комсомола. Вот какие записи остались у меня после этой встречи.

— Плохо к нам, молодым специалистам, относится руководство. Дают «малосемейки» в общежитии — по двенадцать квадратных метров на семью! Постирать негде, высушить белье негде. На кухне три плиты на шестнадцать хозяек...

— Да мы и не требуем квартиру! Мы понимаем — не все сразу. Но хотя бы «малосемейки» нормальные строили, метров восемнадцать на семью с ребенком! А то кроватку детскую негде поставить.

— А как нас устраивают? Да это немыслимо! Девушка техникум

закончила с красным дипломом, а ее заставляют пол подметать. Часто нам после техникума тут второй разряд дают! Рабочие смеются над нами...

— Нас устроили по второму разряду, поселили кое-как, и никаких перспектив! Тогда дайте мне открепление! Нет, не дают... А из Черемхова снова полгруппы из техникума приехали.

— Сейчас на фабрике работают медики, педагоги, у которых мужья с квартирами. Их в учкомбинате переучили — на аппаратчиц... Переучите тогда и нас, из техникумов! Мы работать хотим! Но до нас никому нет дела. Все наши слова уходят, как вода в песок... Что нам делать?

Переадресуем это «что делать?» директору фабрики Геннадию Петровичу Гладышеву. Как руководитель он должен знать, где спрятаны «концы». Фабрика строилась почти восемь лет, и штатное расписание не с неба свалилось в праздничный день пуска. Конечно, и в нем возможны вариации, уменьшение-увеличение. Так бывает. Но ведь и в учебные заведения рассылались заказы на специалистов загодя. Заказы — будем говорить со всей ответственностью — на судьбы!

Красивая панорама открывается из окон кабинета Виктора Ивановича Бочарова, начальника комбината Якутуглестрой. Совсем недавно за пуск Нерюнгринской обогатительной фабрики он удостоен звания Героя Социалистического Труда. За крепким пушистым лиственничником, глубоким логом-междусопочником хорошо виден на возвышенности Новый город — новые микрорайоны Нерюнгри, выстроенные за последние пять лет. С пуском домостроительного комбината резко на убыль пошел дефицит в жилой площади. Но он все еще большой. А прекрасный вид из кабинета — своего рода итог десятилетней деятельности строителей в Нерюнгри. События прошлых лет Виктор Иванович комментирует так:

— Что я помню? Помню, что здесь было у меня около сотни армейских палаток. Зима. Первый десант... Конечно, все мечтали тогда о городе. Правда, верилось с трудом, что мечты сбудутся. А теперь сами видите...

За десять лет здесь создана лучшая на прибамовском Востоке база строительной индустрии, включающая в себя домостроительный комбинат, леспромхоз, деревообрабатывающий завод, карьеры гранита и других, очень нужных стройматериалов, кирпичный завод.

Здесь трудится 16-тысячный коллектив строителей высокой квалификации. Гордостью Нерюнгри и всей Южной Якутии стали имена А. Платонова, М. Михеева, А. Новолодского, В. Курчикова, В. Бастера, Н. Сироткиной. В нелегких условиях Севера созданы надежные коллективы. Недаром в Якутуглестрое самая низкая текучесть кадров по отрасли, самая высокая производительность труда и самая высокая культура производства. Тут есть чему поучиться тем, кто будет создавать последующие бамовские ТПК.

Но не будем особенно идеализировать Якутуглестрой. ТПК — это группа взаимосвязанных производств с единой инфраструктурой, энергетикой, транспортом, сырьевой и строительной базой и единой системой расселения людей. К сожалению, этого пока в Нерюнгри не получилось. Здесь, как и на многих крупных стройках, тоже довлеет отраслевой, «очаговый» принцип: главное —

добыча угля и обустройство прежде всего «своего» коллектива. Не случайно ведь обеспеченность жильем у Якутуглестроя лучшая в городе — около шести квадратных метров на человека, у Якутугля всего лишь 3,6 метра, а у энергетиков, имеющих слабую базу строительства, и того меньше. Кооперации, слияния средств разных министерств в деле сооружения «соцкультбыта» не произошло. О комплексности тут и нечего говорить.

Главные ведомственные усилия сосредоточивались на промышленном строительстве, а на развитие социальной инфраструктуры сил и средств не хватало. Вот потому-то в одиннадцатой пятилетке в Нерюнгри не построены по плану три кинотеатра, Дворец культуры на 800 мест, спортивный комплекс, с полдесятка детских садов и школ, поликлиника, Дворец пионеров, школа искусств, несколько столовых и магазинов, городской узел связи, комбинат бытового обслуживания, фабрика химчистки. А в городе уже назрела необходимость в автовокзале, станции технического обслуживания легковых автомобилей (их в Нерюнгри около 5 тысяч), театре, парке культуры и отдыха. И вспоминается недовольная фраза моего соседа по гостиничному номеру: «Сюда приезжать только вкалывать, а отдыхать здесь негде».

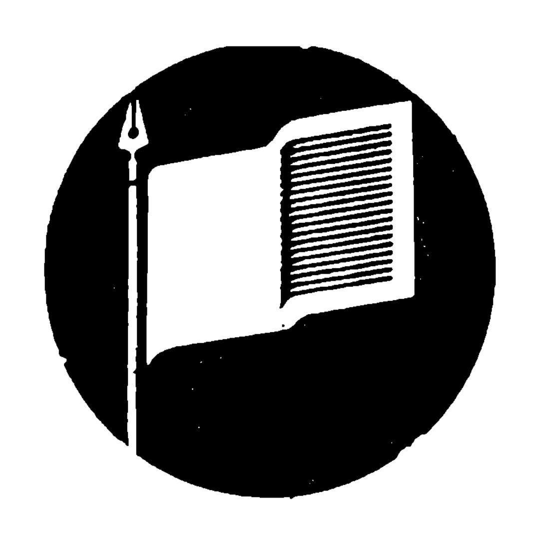
Напрашивается, правда, вопрос: а не много ли сразу хотят в Нерюнгри? Ведь город еще очень молод. Тут многие постарше не имеют того, что запланировали себе нерюнгжане.

— Нет, не много, — считает председатель Нерюнгринского горисполкома Петр Семенович Федоров. — На наш город надо смотреть с учетом перспективы нашего развития. В районе закладывается основа могучих отраслей промышленности, главная из которых — черная металлургия. Нерюнгри сейчас растет, попирая куцые прогнозы отраслевых проектировщиков. Выход — в активном привлечении на нашу территорию других министерств, появление которых давно назрело, вовлечение их в стратегию комплексности по всем аспектам развития... Средний возраст жителей города чуть более двадцати пяти лет. В Нерюнгри самая высокая рождаемость в РСФСР. К 2000 году население города утроится. Вот почему нарастающее отставание социальных программ очень коварно. Мы должны твердо усвоить, что устойчивый прирост и закрепление населения в зоне освоения новых районов станет решающим фактором и успешного промышленного освоения. Вот почему горсовет Нерюнгри настаивает на скорейшей ликвидации перекоса в реализации социальных программ. Нынешняя задача строителей очень сложная: важно не ограничиться созданием только угольного комплекса (разреза, фабрики, ГРЭС), но и развивать базу стройиндустрии для возведения рядом с образцовым производственно-промышленным комплексом образцового города!

Наша ленинская партия учит, что самый ценный вклад — это вклад в человека. Пренебрежение к человеку, к условиям его труда, быта, его социальным и культурным запросам порочно. Оно плодит в людях психологию временщиков. А у нас должны жить и рождаться патриоты своего края, хозяева родной земли.

Все правильно сказал председатель Нерюнгринского горисполкома Петр Семенович Федоров. Но время сейчас такое, когда сказать — мало. Важно от слов перейти к делу.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Константин **КОВАЛЕВ**

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ О СЕБЕ

О МИРОСОЗЕРЦАНИИ ГЕРОЯ РОМАНА Ю. БОНДАРЕВА „ИГРА"

Приближающееся восхождение человечества на порог третьего тысячелетия все более остро воспринимается художниками слова. Крутые изменения, происходящие в мире, новый этап развития цивилизации, стоящей перед угрозой ядерного самоуничтожения, возникающие в связи с этим нравственные проблемы не могут не влиять на идейно-эстетическую концепцию современного писателя. «Невроз XX столетия» охватывает жизнь нынешнего поколения во всей своей полноте — такой диагноз ставит и Юрий Бондарев в своем новом романе «Игра». Один из признаков этого невроза проявляется порой в слепой погоне человека за офетишизированными продуктами технологического прогресса, всевозможными развлекательными пилюлями, которые прививают вирус бытового мещанства. Все эти характеристики «болезни XX века» кажутся Ю. Бондареву столь же реальным фактом, как прожитые и описанные им годы войны, как осмысленные им духовные поиски советской творческой интеллигенции 60—70-х годов. Он спешит за-

явить об этом, невольно увлекаясь своей идеей, не медлит еще и еще раз напомнить читателям о морали, о нравственном начале в человеке, о той составной части его души, которая нехитро именуется совестью.

Но разве годы войны не вызывали аналогичное обостренное чувство у наблюдательного художника? Разве не менее остро осязал он современность, когда писал военные повести, свой «Горячий снег»? Нет, и ныне Ю. Бондарев верен себе, стремится к измерению нравственной силы слова.

Новый роман писателя «Игра» стал завершением цикла произведений о советской творческой интеллигенции, посвященных поискам ответов на все те же «вечные» вопросы. Ю. Бондарев отмечал, что «есть писатели, которые как можно полнее и подробнее хотят рассказать о своем поколении. Я тоже отношусь к ним, и мысль о том, что я еще так мало рассказал о близких по жизненному опыту мне людях, постоянно беспокоит меня». Именно это беспокойство, по-видимому, и вынудило писателя вновь взяться за перо и продолжить начатую тему. Уже в «Выборе» ощущалась какая-то недосказанность, предчувствовалось некоторое продолжение темы, ее философский и нравственный итог. Раз меняется окружающая реальность, то и художник, творец, меняется вместе с ней, ведь он (воспользуемся еще раз определением самого Ю. Бондарева) не кто иной, как «индивидуум, обостренно чувствующий внешние и глубинные проявления окружающей его жизни».

И хотя мир, создаваемый воображением Ю. Бондарева, противоречив, неоднозначен, зачастую контрастен и драматичен, он пытается через доступные ему формы выражения донести до сердца читателя спасительные идеалы добра. Формирование и рост доброго начала в человеке, необходимость проявления взаимного доверия и любви между людьми — эти идеи заставляют Ю. Бондарева бросать своих героев то в самое пекло смертельных военных схваток, то в гущу запутанных перипетий современных взаимоотношений, включая и общение людей разных стран, разных идеологий, разных систем. Он пытается выковать характер своих героев, пропустить их через горнило века, а затем уже привести к осознанию выстраданных самим автором истин.

И вот перед нами Вячеслав Андреевич Крымов — герой нового романа. Неоднозначность характера Крымова, противоречивость его раздумий и поступков заметны всякому читателю, заставляют его сначала немного удивиться, а затем пробуждают желание осмыслить прочитанное, дать ему твердую оценку, выразить свое мнение и даже поспорить. Тот факт, что роман сразу же при публикации вызвал острую дискуссию, был как бы предусмотрен самим автором, заложившим в его контексте своеобразную эстетико-философскую мысль, словно «мину замедленного действия». Он неожидан, так же как и состояние «непонимания окружающего», в которое попадает герой. Иногда у читателя проявляется даже нечто вроде «эффекта отталкивания». Герой порой кажется чересчур погруженным в свои же собственные интеллектуальные построения, казалось бы, не свойственные обыденной реальности с ее естественностью и простотой. Но и этот этап восприятия романа вполне преодолим. При очередном прочтении в сознании вдруг происходит подобие взрыва. Уже после становится явным, что этот гром среди ясного неба предчувство-

вался заведомо. Эта гроза предощущалась в перепадах смыслового «давления», возникающих от главы к главе романа, в том, как герой «дышит» и не может «надышаться» предгрозовым воздухом окружающей его «атмосферы».

В центре внимания автора находится единственный персонаж — главный герой романа. И даже не столько он сам, сколько то его состояние, тот момент в его жизни, те раздумья, которые проносятся через его сознание в течение небольшого отрезка времени. Миросозерцание Крымова и есть тот запал, с помощью которого привычный нам мир в романе почти мгновенно превращается в сгусток противоречий и проблем.

Крымов — крупный кинорежиссер. Он известен не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Его фильмы смотрят с большим интересом. Он получает призы на международных кинофестивалях. К нему обращается с предложением снять совместный фильм один из ведущих американских режиссеров кино. Вопросы, поднимаемые Крымовым в его фильмах, в достаточной степени глубоки и актуальны. Они связаны с проблемами охраны окружающей природы, они всерьез напоминают зрителю о возможном трагическом исходе в истории общества, если оно будет бездумно эксплуатировать животный и растительный миры. Казалось бы, Крымов наделен всем, что может составлять духовный мир творческой личности. И интересная работа, и осмысливаемые им глобальные темы, и возможность выразить свои мысли, и, наконец, фильмы, имеющие успех у зрителя, — все это выпадает ему. Но мы застаем его в тот момент, когда он переосмысливает жизненные ценности, мучительно переоценивает прошлое и настоящее — явление и людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. «Она не верила мне» — это он заключает о своей жене, с которой прожита вся жизнь; «нам всем не хватает убеждения... к сожалению» — это по отношению к себе и своим друзьям, представителям тяжелейшего труда — киноискусства; «мы живем в неблагополучном мире», «никому не дано знать полную правду о себе», «к сожалению, не произошло увеличения любви, братская жизнь не наступила, а мы так неистово ждали ее после войны» — а это уже выводы общечеловеческого характера. Ищущий художник, пытаясь выйти из внутреннего душевного конфликта, который лежит в основе всякого творчества, приходит к тому, что этот самый конфликт, это самое непонимание между людьми, и составляет сущность «болезни XX века». Иначе говоря, этот конфликт и есть сама наша современная жизнь во всей ее поразительной многообразности, суетливости и порой запутанности. Он даже определяет эту противоречивость реальности как «запрограммированную неразумность» — запрограммированную самими же людьми, изобретшими гениальные способы собственного самоуничтожения и отчуждения. Перед нашими глазами «всплывает» вполне апокалипсический образ — рыба-семга, умертвляемая в одной из северных рек прогрессивным способом — электрическим разрядом — способом, «благодаря» которому уже «через десяток лет тут ни одной рыбешки днем с огнем...». Поразительно, но эта «неразумность» производится с с помощью того спасительного «электричества», которое обещало не так давно стать основой общественного благоденствия. Это

же «электричество» породило и современную музыку, с трудом приемлемую героем романа.

Крымов приходит к пониманию безвыходности и безуспешности «внешних», технических способов формирования и воспитания нового человека, становления его характера, его души («Мы лукавим и обманываем себя, когда говорим о каком-то абсолютно новом человеке нашего времени...», зачем же тогда «нужно наше искусство, если все поголовно ангелы»?). Остаются, по-видимому, лишь способы «внутренние». Но где же они? Каковы они? И тут герой с еще большей энергией начинает свои поиски. Мы наблюдаем (а в современном советском искусстве не впервые, вспомним хотя бы фильм С. А. Герасимова) обращение Крымова к Л. Н. Толстому, стремление пройти вослед за неугомонным старцем путями поисков нравственной истины.

Крымов ищет главное — «нравственные правила, без которых Россия немыслима». Ему не чужды, ему до боли близки те самые проблемы, которые мучили русского интеллигента еще в XVIII, XIX, а с наибольшей силой в начале XX столетия. Как остановить и куда направить технократизацию общества и человеческого духа? Кто укажет выход? Кто поведет человечество к нравственному совершенствованию? И вослед своим историческим предшественникам Крымов заключает: «Россия — самая неожиданная страна. И такой второй нет в природе. Если уж кто спасет заблудшую цивилизацию, так это опять же Россия. Как во вторую мировую войну. Как? Не знаю. И какими жертвами — не знаю. Но, может быть, в ней запрограммирована совесть всего мира...» Это заключает Крымов, находящийся на перепутье внутренних исканий, ощущающий некую раздвоенность и испытывающий «неприязнь к какому-то горделивому второму человечку в самом себе, воспитанному с детства в сознании уверенного нравственного превосходства, живущему в ангельской, конечно, безгрешности, знающему и четко понимающему, конечно, абсолютно все...». Крымов, убегающий «от этого жалкого второго человечка в себе». И в этом убедительная целостность его души, моральное превосходство перед, скажем, не менее талантливым американцем Гричмаром, разочаровавшимся во всем, даже в исторических судьбах своей родины. Как незаметны, но явственны нити, связывающие романы «Берег», «Выбор» и «Игра». Действительно, все душевные силы героев отданы работе внешней и внутренней, передумано многое, создано немало. Но желанного результата не видно. «Я знаю вопросы, которые мучают меня. Но не знаю точных ответов...» — выводит Крымов. Но все-таки итог есть. Даже если мучительные искания — всего лишь «игра», все равно «берег» уже найден и «выбор» уже сделан. «Это опять же Россия...», это неясная надежда на торжество добра и любви.

Крымов погибает, он как бы уходит из жизни и из поля зрения читателя, так и не решив определенно своей дилеммы. Несколько неожидан для читателя этот уход. В чем его причина? Внезапная болезнь? Моральная и физическая усталость от жизни?

Лишь три намека на разгадку в эпилоге романа: «У меня уже нет желания жить», — говорит Крымов; затем он чувствует, что «переступил, нарушил что-то», тем самым внутренне порицая себя за такой исход; и, наконец, наступает то состояние, когда он уже «не смог почувствовать навсегда ушедшую боль...». Таков

итог. Но конец ли это вообще?! Не есть ли это лишь символическое завершение «игры», о которой позже хочется поговорить поподробнее? Во всяком случае, естественное желание, возникающее у читателя, — вместе с автором найти все ответы на вопросы, дать какой-то отпор «проявлению зла, не знающего предела», — так и нереализовано. Еще бы одну-две главы, еще бы немного «пожить» с Крымовым, побороться за правду. Но нет, автор уводит своего героя из жизни. И читателю неясно, что утверждает, к чему зовет мятежный протопоп Аввакум, возникающий в сознании умирающего Крымова.

Но, прежде чем задавать вопросы человечеству, герой должен сначала задать их себе и по возможности разрешить. Самому себе трудно солгать, сказать так, что в словах не будет «ни правды, ни полуправды, ни четверти правды».

Если отдельные размышления и высказывания Крымова свести воедино, выписать их по частям из разных глав романа, из диалогов и воспоминаний, то получится внушительный по объему философско-эстетический трактат, где главным знаком препинания будет знак вопросительный.

Вопросов в романе в самом деле задано немало, их такое количество, что удивляешься порой интенсивности мышления героя, способного за короткое время перебрать в уме основные этапы своей жизни, переосмыслить глобальные положения и высказывания тех или иных писателей прошлого, сопоставить судьбы современных поколений, стран, идеологий. Читатель уже настолько погружен в нешуточное пекло этих жарких вопросов, что его начинает мучить жажда на ответы. Иногда вдруг ощутимо проясняется контур их сути, но еще не сама суть. Мы присутствуем при поиске, участвуем в процессе рождения истины, но, кроме ряда догадок героя относительно себя и своих близких, к итогу не приближаемся. В этом, казалось бы, заметна незаконченность повествования. Но читатель всегда испытывает чувство благодарности к тому автору, который, не навязывая выверенных стереотипов и концепций, вместе с героем идет по тернистой дороге познания. Быть соучастником, невольным свидетелем рождения выводов, осмысления важных жизненных категорий — всегда радостное событие, тем более, если описаны эти процессы подробно и талантливо. Особенно же, когда дело касается труднейшей темы, окунающей нас, по словам одного из персонажей романа, «в психологию творчества, в темный лес, где рискуешь в трех соснах заблудиться и сломать шею».

И все-таки на поставленные вопросы должны появляться ответы. Иначе литература теряет свой смысл, расписывается в своей беспомощности. Чтобы найти их, необходимо вернуться к началу романа, к его заголовку. С помощью этой «призмы» попробуем различить сердцевину авторского видения сути.

«Игра» — слово, вынесенное в заголовок, — сразу же настораживает. (Вспомним в нашей отечественной литературе многочисленных «Игроков», уже названием предопределявших климат сюжета.) Тем более что после «Выбора» и «Берега» — отчетливых наименований, отражающих в себе уже и некоторый нравственный аспект, — это явно иное, более «нейтральное». Сама этимология слова «игра», издревле подразумевающая некое непростое

действо, подспудно подготавливает читателя к неожиданностям. Что же вложил в это понятие автор? На данный, казалось бы, простой, но в пылу нынешней полемики неизбежный вопрос можно дать уйму ответов, хотя, как говорится, главный ответ дает сам роман. Под «игрой» можно подразумевать и нелепую ситуацию, сложившуюся в судьбе Крымова, и его тяжкие душевные мучения, и вредную, порой вредительскую путаницу некоторых современных обывательско-бюрократических взаимоотношений, и сминающую все живое и слабое на своем пути неукротимую поступь молочковщины, и в более глобальном плане — саму жизнь, и т. п. и т. п. Слово «игра» постоянно встречается в тексте: «противная до тошноты игра», «в той игре клоунством и ерничеством», «пошлейшая клоунская игра», «моя игра с жизнью», «жизнь — спектакль, сценарий... Игра?»... О жизни как об игре (сама мысль, думается, по возрасту не уступит человечеству) частенько говорит в романе Гричмар. «Весь мир играет в дешевую красоту»... Не мудрено, ведь на Западе ныне такое миросозерцание — результат одного из сильнейших способов одурманивания, как бы интеллектуального наркотика, могущего увести потребителя искусства от реальности как таковой. «Игровая» по сути теория «абсурда» заполонила литературу, кино и театр. В качестве популярного средства к разгадке причин конфликтов, стрессов и неудач рекомендуются для чтения специальные пособия и, в частности, книга крупного специалиста в области психотерапии, ученика Фрейда Э. Берна — «Игры, в которые играют люди». Перебирая и разъясняя, по его представлению, все основные ключевые «игровые» жизненные ситуации, Берн предлагает читателю таким образом либо избегать их, либо, чтобы достичь успеха, избрать нужную «игру» и самозабвенно играть в нее.

Стоило ли вспоминать об этом? Но перед нами — роман «Игра», и в этом романе существует герой — наш соотечественник и современник.

Вослед за автором до́лжно проникнуть в недра сознания героя, иначе нам не выявить признаков «болезни XX века». Оговоримся еще раз — в наше поле зрения входит лишь главный герой, мы рассматриваем лишь некоторые черты его миросозерцания, в этом видим мы свою основную задачу.

Читая роман, нельзя не отметить, что его образы по-своему условны и идеализированы в том смысле, что несут в себе лишь какую-то одну, определенную идею. Некоторые — в меньшей степени, но другие — в достаточной мере, чтобы заставить читателя самостоятельно додумывать конкретные детали, оставшиеся за текстом.

Идеализирован, условен, к примеру, образ протопопа Аввакума. Его мысли, да и он сам как человек преподнесены лишь обобщенно. Целью автора скорее было показать не его самого, а через него — образ человека, неукоснительно и до конца следующего избранной цели. Мы видим лишь «идею Аввакума», но не видим его лица. Тогда как, если прочитать хотя бы житие протопопа, написанное им самим, то перед нами предстанет удивительный человек с очень непростым, трудным характером, никогда не живший спокойно и не дававший жить в покое окружающим, мятущийся, неугомонный.

Идеализированы в чем-то представления героя о Л. Н. Тол-

стом. Для Крымова он авторитет. А тем не менее разве был еще более противоречивый мыслитель среди русских писателей начала века, чем яснополянский философ?

Идеализированы некоторые женские образы, в частности, Ирина. Это настолько очевидно, что невольно ждешь какого-то разъяснения, расширения рамок романа. Потому что Ирина (между прочим, невольная «виновница» всего происходящего) — женщина с чертами, присущими таким же хрупким и светлым натурам, какими были еще тургеневская Лиза Калитина и Настенька Достоевского (близость образа Ирины и Лизы угадывается в самом начале, еще до того, как актриса выдает свою заветную мечту — сыграть героиню Тургенева в кино), возникает в поле зрения читателей лишь тогда, когда это необходимо Крымову. Мы так и не узнали Ирину, так и не увидели до конца, так же как и Крымов, не поняли и не оценили, хотя почувствовали в ней какую-то значительность и тайну...

Идеализирован Гричмар — вечно рассуждающий о смысле жизни чувствительный прагматик, ушедший от истинных народных культурных ценностей в дебри интеллектуального европейского вкуса, оценивающий судьбы своей бывшей родины с точки зрения первого и второго сорта.

Идеализированы и некоторые отрицательные персонажи. А их немало. Тот же Молочков, например, произнося даже добрые, «позитивные» слова, все равно предстает низким человеком, заранее обречен на обличение. Мы не знаем о его жизни ничего более сверх того, что он хитрый и опасный делец. И ему вроде бы свойственна одушевляющая «двойственность», как бы отображающая его многогранность, и в нем живет «второй человечек» («Вот он, второй Молочков в защитном костюме»). Но и «двойственность» не отражает противоречивости образа, лишь еще более определяет его однозначность.

В чем смысл такой идеализации, условности, такого обобщения образа? На этот вопрос все-таки найдется ответ. По-видимому, в романе они предназначены для одного — выявить глубочайший внутренний мир Крымова, проследить его духовный перелом. Не для этого ли персонажи окружили его и вдруг разом проявили себя до конца? Не для этой ли «игры» определены они автором, каждый со своей ролью? Не есть ли эта «игра» — лишь **игра внутреннего мира героя, отчасти его воображения,** лишь его **проекция реальности,** возникшая в силу чрезвычайности обстоятельств, в трудную минуту жизни? Важны как бы не персонажи сами по себе, а в связи с терзаниями Крымова, в оценке Крымова. Вспомним еще раз его слова: «Значит, жизнь — спектакль, сценарий, в котором действуют, двигаются, чего-то желают герои... и я **должен видеть этих героев, чтобы понять свой спектакль в душе...**» (подчеркнуто мной. — К. К.). Таким образом, мы имеем дело в первую очередь не с обычными взаимоотношениями персонажей (хотя на первый взгляд это именно так и есть), а скорее с **нравственным подсознанием героя,** который пытается заглянуть в самые дальние его уголки. В этом случае роман «Игра» своеобычно развивает мотивы современной психологической прозы, глубоко, со знанием дела, реалистично рассматривает внутренний мир творческой личности.

Обвинения героя в «аввакумовщине» или «толстовщине» несостоятельны уже потому, что это не главное, что присуще ему, его

самосознанию. Это лишь частица его поисков, его представлений о возможном идеале. Крымов более глубок и многогранен, его невозможно определить, навесив на него «ярлык». Его и не назовешь «положительным». Да и автор не говорит так. Это скорее воюющий с самим собой человек, вскрывающий свое подсознание — свои «ветряные мельницы» — и идущий в атаку на них, заведомо зная, что задумал неосуществимое. Его путь — даже не путь Аввакума, тот вклинивался в жизнь, цеплялся за нее, доставлял всем неудобства. Его путь — в чем-то путь Дон Кихота («нам всем не хватает и донкихотства»), который иногда нелеп в своих попытках «поймать за хвост жар-птицу», иногда чересчур беззащитен, а иногда даже странен в своей беззащитности. Но и это **путь героя**, тем более для литературного произведения, тем более — нынешнего, о чем еще и еще раз автор напоминает.

В сознании Крымова как бы «борются» между собой Аввакум и Молочков. Первый — средоточие и воплощение цельного человека, второй — образец той «серости», которая с напористостью плевел, растущих всегда на одном поле с благородными культурами, способна уничтожить любое здоровое зерно. Автор не принимает, не возводит в абсолют первого и не отрицает второго. Он предоставляет им полигон — Крымова, — чтобы они скрестили шпаги. Кто выйдет победителем? Кого венчать лаврами? Герой этого вопроса решить не успел. Дело за читателем. Ему придется возвращаться «на круги своя», ведь каков «берег», таков и будет «выбор».

Некоторую оторванность событий, разворачивающихся в романе, от реалий, связанных с нашими нынешними частно-бытовыми проблемами, некоторую «запредельность» в раздумьях Крымова нельзя рассматривать как нечто не соединенное пуповиной с целостным организмом произведения. Внимательный читатель сразу же отметит этот факт как прием, используемый автором для наивысшего обострения ситуации. Более того, Ю. Бондарев вообще использует смещение возрастных и временных рамок, что заметно при прочтении первой же половины романа.

В самом деле, разве Крымов и раньше не знал о существовании молочковых и балабановых, о том, что его окружают, его судьбу решают случайные люди, не имеющие к творчеству никакого отношения? Знал, не мог не знать! Знал и работал. Ведь для творчества, для непосредственной, только ему свойственной работы — создания фильма — они не значат ничего (вспомним пушкинское «ты царь, живи один...»). Но вот для воплощения задуманного, его появления на свет они значат многое. И он жил с ними, трудился, дружил, делился радостями и печалями. Так отчего же это он вдруг сразу переменился?! Ситуацию можно объяснить лишь ее экстремальностью. Кончина столь дорогого ему друга — Ирины, так сильно повлияла на него, все неприятности так быстро сходятся в одной точке, что он попадает, во-первых, в состояние отчаяния, безнадежности, а во-вторых, с ним происходит нечто, заставляющее его взглянуть на привычный мир **другими глазами**, наступает **прозрение** Крымова. Вот когда вступает в силу «игра»; она то ли начинается, то ли закончилась, а реальность взяла верх («И что была моя

жизнь — дурман или естественное состояние?»). Такая неопределенность — художнически продуманный фактор «игры».

Переплетение временных рамок заключено в том, что Крымов преподнесен нам как данность, как уже достигший всего человек, без объяснения и изображения того, как он к этому всему пришел. Мы лишь немного узнаем о Крымове — времен войны и столько же о нынешнем, сиюминутном. («Я был просто удачлив...» — вот, пожалуй, и вся информация.) В этом смысле он сам — нынешний — не очень-то реален, этот вдруг пробудившийся седовласый кинорежиссер, он будто из времен войны, из пылкой и решительной юности внезапно перенесен в состояние процветающего деятеля искусства, и никак не может понять — что́ же с ним происходит. Нельзя не заметить, что происходящие события изображаются, исходя из заранее заданной ситуации, причины которой — вне поля зрения автора и читателя.

Крымов частенько ведет себя не по возрасту нелогично, необдуманно (с женой, с шофером, со следователем, в кабинетах чиновников и т. п.), разбрасывается мыслями, с пылкостью юноши делает максималистские выводы. Но в то же время по отношению к сверстникам Ирины, то есть молодежи, он становится в позицию наблюдателя, искушенного возрастом всезнайки (эпизод на именинах Ирины). Крымов слишком «омолаживает» молодежь, мысленно примитивизирует ее. Но и сам подвержен этому недугу. «Сколько мне лет? Гораздо более пятидесяти... В то же время и двадцать и сорок...», — говорит он. Каков же «возраст» Крымова? Случившееся спутывает карты лет; так автор предоставляет герою возможность выразить себя в полноте жизни.

Переживая состояние отчаяния, в пылу споров с самим собой Крымов невольно обнажает себя. Он ищет опору. И не в призыве к непротивлению, и не в утверждении своего снобистского быта находит он ее. Он погружен в себя лишь потому, что решения глубинного, нравственного порядка не могут быть осмысленны или навязаны человеку извне, он может и должен прийти к ним самостоятельно. Вот в чем смысл одного из редких выводов, к которому приходит Крымов в эпилоге романа: «В ту ночь он понял, что одинок до конца дней своих и никто помочь ему не сможет». Разве не в этом и смысл исканий российского интеллигента, нравственная красота Крымова, остающегося верным себе даже в круговерти созданного в романе зловещего образа «игры»?!

Иногда замечают: почему так не мог мыслить, скажем, простой сельский учитель или инженер? Мог, конечно, и образ такого героя всегда ждет талантливого пера. Но разве не знаменательно, что мучительные раздумья овладевают видным деятелем искусства, способным на многое в творчестве и многое могущим! «Игра» как художественный прием становится способом для того, чтобы герои и читатели взглянули на себя как бы со стороны, из глубины. Слишком уж болевые точки затронуты автором, слишком уж реальные нравственные вопросы ставит он, слишком уж надрывно бьется сердце героя, чтобы оттолкнуть его в трудную минуту, не принять его во всей непоследовательности.

«Поиски полной правды о себе» — это один из главных путей, которым идет в литературе Ю. Бондарев, которым идут и его герои.

●

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Никита ИВАНОВ

МАСТЕР И УЧИТЕЛЬ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ФАВОРСКОГО

Существует небольшой карандашный портрет В. А. Фаворского, в котором энергичная штриховка фона живо перекликается с острым, динамичным наброском лица. Это емкий впечатляющий образ ученого и учителя, художника и мастерового, блестящего мыслителя широкой европейской культуры и истинно русского человека, изведавшего радость любимого дела, боль утрат и великие творческие озарения. Встретивший его в Киргизии сразу после войны другой известный художник — С. А. Чуйков — с восхищением писал: «Борода Владимира Андреевича была уже белой, как снег горных вершин, — на фронтах Отечественной войны погибли оба его любимых сына, — но стоицизм его был безграничен: он не падал духом, не роптал и не отчаивался. В работе, в творчестве находил он забвение и утешение. И еще в любви к людям и ко всему окружающему. Он был философ и подлинно мужественный человек. Человек с большой буквы. Его благородство, доброта и гуманность не имели границ, а талантом, эрудицией и глубиной мышления он напоминал художников эпохи Возрождения...»

С мастерами Возрождения Фаворского сближал редкий универсализм знаний, интересов, устремлений. Он выступал как гравер, рисовальщик, живописец, пластик. Работал над иллюстрированием и

Пушкин-лицеист.

А. С. Пушкин. «Каменный гость».

оформлением книг, писал портреты и пейзажи. Создавал на стенах зданий фрески и мозаики. Был художником театра, занимался декоративной скульптурой и керамикой. Почти 30 лет преподавал в художественных институтах Москвы. Много времени посвятил изучению искусства: в начале пути написал дипломную работу об итальянском художнике Джотто, постоянно проявлял интерес к древнерусскому искусству и на протяжении всей жизни занимался теоретическими изысканиями.

Плодотворная требовательная работа в разных видах искусства обеспечила художнику уникальный успех в главном — в создании зрительного образа книги, в разработке принципиально нового языка книжного оформления. Большинство иллюстраций выполнены мастером в технике гравюры на дереве, которую он фактически возродил после долгого забвения, обогатил ее выразительными средствами современного искусства. Ксилография давала возможность автору иллюстраций соединять обобщенность, классическую простоту формы с сюжетной динамикой, эмоциональной глубиной образа.

Обращаясь к произведениям любимейшего писателя Пушкина, Владимир Андреевич восклицал: «Как же страшно иллюстрировать его! Но помогает его строгость и определенность». Под определенностью художник, очевидно, понимал широту и точность конкретной информации, которой располагает литературный оригинал. Это особенности исторической эпохи, логика развития характеров, драматические коллизии, смысловая «нагрузка» пейзажа, костюма, детали...

Иллюстрации Фаворского к классике, как правило, тесно связаны с литературным текстом и образуют некое гармоничное единство. «Маленькие трагедии», «Борис Годунов», «Домик в Коломне» прокомментированы художником с чеканной ясностью, удивительной экспрессией, психологической полнотой. Иллюстрации не только дополняют текст совершенным изобразительным содержанием, но и отвечают духу пушкинской драматургии, хра-

А. С. Пушкин. «Скупой рыцарь».

нят зримый отблеск мыслей и чувств поэта. Та же органичность графического образа характеризует циклы иллюстраций Фаворского к «Слову о полку Игореве», к произведениям Толстого, Гоголя, Крылова, Пришвина, к популярной книге Н. Кончаловской «Наша древняя столица».

Русская история, отечественная литература и новая советская действительность были основным объектом творчества Фаворского. Но, как вспоминал его ученик и единомышленник А. Д. Гончаров, Владимиру Андреевичу была совершенно чужда национальная ограниченность, он с глубоким уважением относился к культуре всех народов, к их национальному характеру, их литературе и искусству. Это позволило ему с огромной убедительностью иллюстрировать произведения итальянца Данте, французов Мериме и Франса, англичан Шекспира и Диккенса, шотландца Роберта Бернса...

Произведения В. А. Фаворского стали классикой советской графики. В нашей художественной жизни утвердилось емкое понятие «школа Фаворского». Помимо прямых учеников мастера, сегодня в разных жанрах искусства успешно работают уже несколько поколений художников, воспитанных творческим и нравственным примером Фаворского, его идеями и принципами, самим отношением к жизни и искусству.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

В РЯДАХ БОЙЦОВ

Большой базар в центре Кабула открывается рано. Едва порозовеют вечные снега на вершинах гор, а к чреву гигантского города уже устремляются автомобили, повозки, носильщики. Узкие смрадные улочки неоглядного торжища заполнены толпой. Звенят утренние голоса зазывал, раздаются крики погонщиков, надрываются сигналы автомашин... Но в то памятное утро сердца посетителей базара содрогнулись от душераздирающего крика мальчика, увидевшего, что хозяин лавки убит ночью душманами. Так враги Апрельской революции расправились со строптивым духанщиком. Вся вина мясника состояла в том, что он не убрал из своей лавки старенький телевизор, и соседи продолжали собираться к нему смотреть передачи правительственного телецентра.

Этот эпизод из повести Л. Николаева «Кабульские рассветы» автором не выдуман. Больше трех лет писатель провел в Афганистане и видел многочисленные свидетельства бесчеловечной жестокости душманов.

Героями повести «Кабульские рассветы» становятся подростки, в частности, один из тех мальчишек, которыми буквально кишат улочки громадного древнего Кабула. Семья мальчика Али жила в кишлаке, обрабатывала скудный участок сухой, бесплодной земли. Но вот на кишлак налетела банда душманов, сея смерть и разрушения. Ограбленные крестьяне оказались под угрозой безысходного голода. Тогда Мирджан, отец Али, посадил детей в тележку и потащился в Кабул. Там он надеялся найти работу и пропитание.

Мальчик Али впервые попадает в столицу с братишкой Фаридом и сестренкой Гульшод. Он восхищенно смотрит на особняки афганской знати, покинутые хозяевами после Апрельской революции, на величественные мечети, на роскошную усыпальницу великого Бабура,

---

Лев Николаев. Кабульские рассветы. Повесть. М., «Советская Россия», 1985.

на зеркальные витрины магазинов. Кабул, один из древнейших городов мира, с населением в полтора миллиона человек, поражает деревенских ребятишек. Но их волнует, как город примет оборванцев из далекого кишлака, кто приютит их и найдет ли отец работу?

В первый же день Али становится свидетелем уличной сценки. Неожиданно раздается стрельба из-за глиняного дувала по бронетранспортеру с советскими солдатами. Человек в черной тюбетейке, выпустив очередь из автомата, скрылся в огороде, а вскоре появился на улице, словно мирный обыватель, и смешался с толпой зевак, наблюдавших за происшествием. И мальчику вспомнились рассказы взрослых о неуловимых душманах, не прекращающих свою кровавую деятельность ни днем, ни ночью.

Жизнь бедной семьи Мирджана сложилась в Кабуле несладко. Не только взрослые, но и дети рады были любой работе. Каждый грош добывался с неимоверным трудом. В довершение несчастий Мирджан оказался арестованным по ложному обвинению, и все заботы о брате и сестре легли на плечи Али.

Занятый поисками пропитания, Али сталкивается с трусливой, подлой деятельностью тех, кому не по душе революционные перемены в стране. Раздаются взрывы в переполненных кинотеатрах, горят школы и мечети, задушен пионер Хаким, побывавший в Советском Союзе, в пионерском лагере «Артек». Спесивый торговец Сади предлагает похлопотать об освобождении Мирджана из тюрьмы, но для этого Али должен незаметно для посторонних прилепить к броне советского танка небольшую коробочку. Сади не приказывает, он просит, но и напоминает мальчику о случае с непослушным мясником на большом базаре.

Маленький афганец Али проходит трудный путь жизненных испытаний. Во многом помогло ему и знакомство с доброй и отзывчивой девушкой Ассией, с энергичным Махмудом, секретарем районного комитета Демократической организации молодежи Афганистана. Через неимоверные страдания своих близких, через гибель товарищей Али находит единственно правильный путь в своей жизни и делает окончательный выбор.

В Афганистане существует поговорка, что каждый мальчик рождается с ружьем в руках. Али с ранних лет славился отличной стрельбой из тяжелого дедовского ружья. В Кабуле, в разгар обострения борьбы с пособниками душманов, дедовское ружье вновь оказывается в окрепших руках Али. От его метких выстрелов падают предатели афганского народа Сади и Зафар.

И словно грозное напоминание тем, кто пытается повернуть вспять колесо истории и снова ввергнуть афганский народ в трясину нищеты и бесправия, звучат в финале повести слова мужественного вожака молодежи Махмуда:

«— Вчера подросток по имени Али убил двух бандитов!»

Так мальчик с ружьем в руках занял свое место в рядах бойцов за новую, счастливую жизнь.

Н. КУЗЬМИН

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

Поиск зрелого гражданского чувства, осознание высокого долга перед людьми — вот то главное, что проходит через все творчество Владимира Федорова.

Одна из ведущих в его поэзии — ленинская тема. Отец поэта видел и слышал Владимира Ильича, и образ вождя не раз возникал в поэзии Владимира Федорова.

Мы из тех Владимиров,
Из тех сыновей,
Что в память об Ильиче
Называли солдаты
В буденовках до бровей...
Из тех, что
Священный огонь
Ильичевых идей
Погасить
Никому
Не позволят.

Поэтому и не покидает его чувство правды, позволяющей обнажать в творчестве все печали и радости, какими живет сердце поэта.

Правда рождается в споре, чаще — в борьбе. «Мы спорили. Что было — то прошло, а лучшее останется России», — пишет Владимир Федоров, обращаясь к Твардовскому.

Стихам поэта чужды общие слова. Его лирический герой — это личность, умеющая думать, любить, переживать земное горе, а главное — умеющая защищать свои идеалы в борьбе, исполненной самоотверженности и порой доходящей до самопожертвования. Органично в творчестве В. Федорова обращение к матери, которая олицетворяет для него самый сокровенный духовный суд.

...матери
Вспомни присловье:
— На этом свете
Ты, сын, в ответе
За все, что оплачено
Потом и кровью.

Образ матери у поэта ассоциируется с образом Родины: «Мать! Стань совестью высшей моей, стань суровым судьей...» Так патриотическое чувство вызревает до гражданского звучания, наполняя человека светлой верой в бессмертие Отечества:

Ты этот берег
В душе береги.
Он не подвластен смерти.
...Вот богатство мое:
Я дарю тебе, Русь.

Чувство долга и высокое предназначение человеческих деяний на благо родной земли подразумевают преемственность поколений — ведь память людей жива сознанием свершений сегодняшнего дня и устремлением своих надежд в будущее. Эта тема имеет свое продолжение и в поэме В. Федорова «Женщина с улицы Декабристов», где в торжестве революционного преобразования мира подтверждается преемственность высоких традиций, неколеби-

---

Владимир Федоров. Клятва моего сердца. Баллада. Лирика. Поэмы. М., «Советский писатель», 1983.

Владимир Федоров. Майские цветы. Баллады, лирика, песни, поэмы. Библиотечка журнала «Советский воин», 1985.

мого духа разных поколений борцов за свободное Отечество:

Дом, в котором
Жил ссыльный Ульянов,
На века срубил
Декабрист.

Поэт приветствует это поколение, входящее в жизнь. «озаренных святой мечтой», — поколение его отца, солдата гражданской и политрука Отечественной, — ведь именно на плечи этих людей легла ответственность за жизнь свободной земли. И поэт обращается к судьбам и характерам, которые озарены гордым и светлым образом Родины-матери, наделяющей их самыми чистыми помыслами и добрыми качествами:

Добротою великою:
Всех понять,
Всем помочь,
Позабыв про себя.
Никогда не лгала,
Не бывала двуликою,
Задушевность любя,
Справедливость любя...

Именно из такого поколения и солдат, вернувшийся с войны (стихотворение «Над ручьем»), сила образа которого заключается в кровной верности своей земле, какие бы испытания ей ни выпали: «Измученный солдат, найдя ручей, нагнулся у излучины среди камней, губами воспаленными к воде припал и небо, им спасенное, поцеловал». В этих емких и правдивых словах отражен целостный, мужественный и сдержанный характер героя. С той же силой духа в «Балладе о звенящем солнце» живет бессмертный образ Виктора Хары, олицетворяющего своим творчеством борьбу за лучшее будущее родной страны.

В лирических стихотворениях В. Федорова полнокровно присутствует изначальная открытость русской поэзии, умеющей радоваться и печалиться от души. Поэтому ненавязчивая, негромкая мелодика его стихов привлекательна, как

Лукавство песен
украинских
И русских песен красота.

Песня — показатель души, характера человека, глубины и широты его сердца. И чем искреннее, тем многообразнее, красивее его песни. Поэтому В. Федоров и просит за них свою дочь: «Неси их бережно, Оксана, как ведра ключевой воды...»

У поэта песенны и поэмы, выражающие заветное слово о любви, о душе, ищущей любовь, борющейся за нее, обретающей ее: «Любовь моя», «Скала юности». Чувство любви в таких произведениях неразрывно связано с чувством верности долгу солдата, долгу писателя. В любимом человеке поэт видит спутника на дороге истории, спутника, разделяющего с любимым все радости и горести, которые выпадают в жизни.

В книге «Клятва моего сердца», вышедшей к 60-летию поэта, В. Федоров пишет:

...Все, что мог, я свершил —
Долг солдата и долг
коммуниста.

И творчество поэта, безусловно, будет близким и нужным читателю.

Игорь ЖЕГЛОВ

О ПРОЗЕ НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА

Новая книга Анны Гвоздевой «Колокола истории» рассказывает о творчестве писателя — исследователя истории Приамурья и Дальнего Востока, лауреата Государственной премии СССР Николая Задорнова.

Анна Гвоздева умело воспроизводит события романов, насыщенных подробностями быта людей, осваивающих богатый край. Огромный труд писателя литературовед по праву называет художественной летописью героических открытий и заселения русскими Дальнего Востока. «Уверенной кистью мастера, — отмечает Анна Гвоздева, — писатель впервые в советской исторической романистике показывает мирные усилия России по установлению дипломатических отношений с Японией...» Критик исследует общие закономерности и черты творческой индивидуальности писателя, судьба которого прочно связана с жизнью Сибири и Дальнего Востока, малоизвестными страницами русской истории.

В тридцать два года Николай Задорнов вступает на непростой, полный драматических превратностей, поисков, сомнений и находок путь «открытия» нового литературного материка. Его очерк об истории села Пермского, о строителях города Комсомольска-на-Амуре стал отправной точкой по сбору редчайшего «по своей исторической и этнографической ценности материала, на основе которого и был написан роман «Амур-батюшка». Так родилась главная художественная идея писателя, для исполнения которой понадобилась вся его жизнь».

«Меня привлекал исторический роман такого рода, — говорит Николай Задорнов, — без известных исторических лиц, о русских крестьянах, которые сделали свое дело в истории».

Кроме трудов Арсеньева и отдельных дореволюционных авторов, практически не существовало литературы о Дальнем Востоке. Совершенно отсутствовала и письменная литература малых дальневосточных народностей. И писатель окунается в прошлое, записывает рассказы старожилов, досконально изучает прошлое и настоящее ульчей, нивхов, нанайских стойбищ.

Новый край поразил своей первозданностью молодого актера и завлита местного драматического театра. Амур предстал перед будущим писателем во всей своей мощи и необъятности. И Николай Задорнов начинает погружаться в жизнь неизвестного ему до сих пор края. Он вчитывается в работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и пытается понять смысл переселения крестьян на свободные земли Сибири и Дальнего Востока.

«Создавая особый мир, — пишет Анна Гвоздева, — сконструированный из элементов прошлой жизни, За-

---

Анна Гвоздева. Колокола истории. О творчестве Николая Задорнова. М., «Советский писатель», 1984.

дорнов всегда смотрит в него из современной действительности... с большего расстояния яснее представляется весь замысел цикла романов. Личная биография Николая Задорнова, безусловно, способствовала его обостренному вниманию к истории сибирской и дальневосточной, но в предвидении важности восточных проблем, еще в ту пору, когда все взоры были обращены на Запад, в центр Европы, где вызревал фашизм, в безошибочном предчувствии художником последующего неизбежного усиления значения Дальнего Востока заложен смысл гораздо больший, нежели счастливо открытый писателем пласт отечественной истории. Чем больше проходит времени, тем зримее становится заслуга Н. Задорнова с его сорокалетней разработкой темы Дальнего Востока, тем дороже нам художественные свидетельства его романов о подвиге наших предков, приумноживших своими деяниями славу Отечества».

Тяга к освоению новых земель на востоке получила сильный дополнительный стимул из-за отсутствия когда-то у России выходов к Балтийскому и Черному морям. Анна Гвоздева ставит в один ряд произведения Н. Задорнова и Вс. Н. Иванова и видит в них «одно художественное свидетельство стихийного движения на Восток, родившегося в самых низах русского народа». К моменту прихода экспедиции капитана Невельского Амур мало привлекал китайцев и маньчжуров, потому что они имели на своих коренных южных землях удобные и теплые гавани. Так же и в земледельческом отношении земли Китая и Маньчжурии, расположенные в южных широтах, были предпочтительнее земель Приамурья, которые в течение веков оставались незанятыми. «Другое дело, — констатирует Н. Задорнов, — для русских Приамурье было не только морским, восточным «окном» в мир, в бассейн Тихого океана: русские мечтали о переселении из Забайкалья и Якутии на Амур ради хлебопашества, на более теплые, плодородные земли, распаханные когда-то их дедами». Поэтому возвращение России на берега Тихого океана, открытие и присоединение Приамурья, включение в состав России Приморья и Сахалина и составило суть деятельности Амурской экспедиции Невельского. В романах о будущем адмирале Анна Гвоздева отмечает заслуги и исполненный долг перед Родиной его молодыми сподвижниками, мичманами, молодыми морскими офицерами. Им по праву в равной степени принадлежит честь открытий на Дальнем Востоке. «Зачем им, взращенным в неге и холе, — задает вопрос писательница, — штормы, описания новых гаваней, горных хребтов, труднейшие переходы, разбивающие их обувь в одночасье, обучение ремеслам местного населения?» А ведь это именно они основали посты, из которых выросли города Советского Дальнего Востока — Николаевск-на-Амуре, Находка, Советская гавань, Владивосток. Именно они прошли вместе с будущим адмиралом между Сахалином и материком, и самое узкое место пролива позже стало называться проливом Невельского.

Анна Гвоздева затрагивает

и другой интереснейший пласт в работе писателя — Задорнов одним из первых указал на взаимовлияние декабристов и передовой географической науки того времени. «Капитан Невельской» — это роман о русской интеллигенции в тяжелейшие годы реакции, когда блестящая передовая часть дворянства и русской интеллигенции была насильственно изъята из деятельной сферы государственной и духовной жизни и брошена в Сибирь».

Цикл романов Н. Задорнова о Невельском, подчеркивает литературовед, создает широкую панораму жизни России XIX века.

Интересны мысли, высказанные Анной Гвоздевой по поводу созданного Н. Задорновым образа писателя Гончарова. Именно как писатель-реалист, он начинает глубже понимать происходящие в России процессы, находясь в отдалении от нее — в кругосветном путешествии на фрегате «Паллада» в составе русского дипломатического посольства в Японию.

Особое место занимает анализ трилогии Н. Задорнова «Цунами», «Симода» и «Хэда», повествующей о втором этапе русско-японских переговоров в 1854 году. С глубоким пониманием Анна Гвоздева исследует процесс сближения двух народов — русского и японского, передающий глубину народного характера японских рыбаков и русских матросов.

«Творчество Задорнова, — отмечает писательница, — органически вплетается в широкое русло советской исторической романистики, вбирая опыт классического наследия». Интерес к работам Н. Задорнова не ослабевает, его романы вдумчиво читаются уже не одним поколением советских читателей, утверждая любовь к отечественной истории, укрепляя чувство исторической преемственности и гордости за подвиг наших предков.

Б. СУПОНЕВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 30.12.85. Подп. в печ. 04.02.86. А08042. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 2480.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

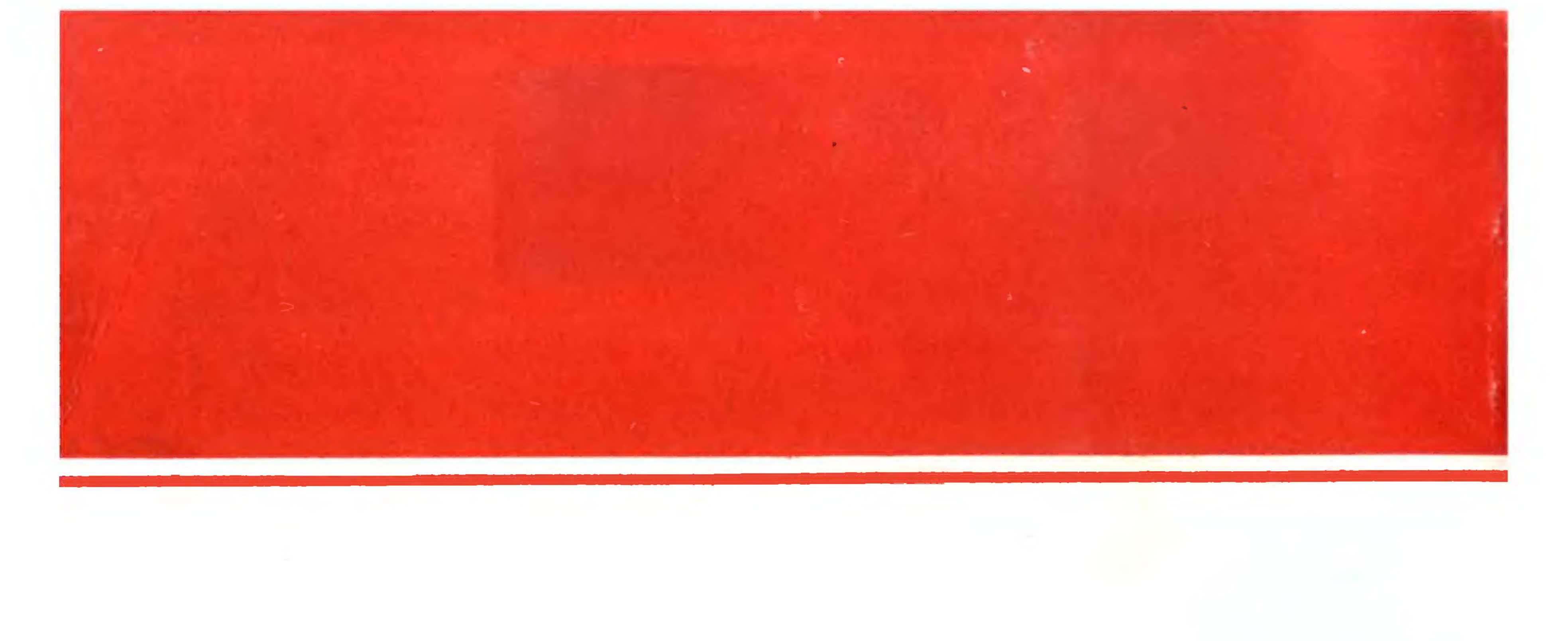
«СНЕЖЕТЬ-204-СТЕРЕО»—

стереофонический двухскоростной четырехдорожечный магнитофон второго класса обеспечивает запись стерео- и монофонических музыкальных и речевых программ с последующим воспроизведением магнитозаписи через выносные громкоговорители или стереотелефоны.

Предусмотрена возможность синхронной двухканальной монофонической записи и воспроизведения, автоматической остановки при окончании (обрыве) магнитной ленты, контроля (прослушивания) записываемого и записанного сигнала в режиме «Запись».

Подробно с магнитофоном «СНЕЖЕТЬ-204-СТЕРЕО» вас ознакомят при покупке специалисты.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251